Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

На правах рукописи

Рыхтик Павел Павлович

Черногория в балканской стратегии Российской империи в 1903–1912 гг.: малое «буферное» государство как системный элемент военно-политического планирования

5.6.2. – Всеобщая история.

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д. и. н., доцент Белов М. И.

Нижний Новгород
2022

Оглавление

Введение **3**

ГЛАВА I. Особенности балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. в свете системного подхода **43**

1.1. Проблема «буферных зон» в системах международного взаимодействия 43

1.2. Особенности балканской подсистемы международного взаимодействия в 1903–1912 гг. 59

1.3. Каналы распространения идеологии «славянского единения» в Российской империи и на Балканах в конце XIX – начале XX веков 79

ГЛАВА II. Динамика российско-черногорских отношений в 1903–1912 гг. **107**

2.1. Сербия и Черногория в военно-стратегических планах Российской империи на Балканах в 1903–1912 гг. 107

2.2. Влияние идеологии «славянского единения» на политику России в Черногории в 1903–1912 гг. 127

ГЛАВА III. Основные вызовы для русской политики на Балканах и их влияние на внешнеполитическое развитие Черногории в 1903–1912 гг. **142**

3.1. Влияние «триалистического» проекта Австро-Венгрии на русскую политику на Балканах в начале XX века и его воздействие на внешнюю политику Черногории в 1903–1912 гг. 142

3.2. Социалистическая федерация как альтернатива для южнославянских государств в восприятии русских наблюдателей и ее влияние на политику России и Черногории в 1903–1912 гг. 167

Заключение **199**

Список использованных источников и литературы **207**

Введение

Проблема, на решении которой сосредоточено данное исследование, связана с особенностями взаимодействия «крупных» и «малых» держав в рамках отдельного региона-подсистемы международных отношений. Одним из таких регионов в начале XX века являлись Балканы[1], отчасти сохраняющие «проблемный» статус и по сей день. В 1903–1912 гг. Черногория стала одним из центров концентрации российского военно-стратегического, политического и идеологического влияния на Балканском полуострове. Политический курс Российской империи относительно Княжества (с 1910 г. Королевства) Черногория в этот период, в системе «баланса сил», согласно М. Каплану[2], выстраивался с учетом фактора присутствия на Балканах всех пяти «великих держав». С одной стороны, это обуславливало тяготение к системе взаимодействия, основанной на определении стратегического паритета, однако пересечение интересов двух и более «великих держав», с другой стороны, неизбежно приводило к возникновению между ними острых противоречий[3].

Актуальность рассматриваемой проблемы. В условиях подъема историко-мотивированной риторики в мировой политике для исследователя-историка актуализируется задача совершенствования теоретической базы, связанной с изучением опыта межгосударственных отношений в рамках политически и исторически «проблемных» регионов, в том числе влияния внутренних процессов в таких регионах на систему международного взаимодействия. Актуализируются и задачи по разработке типологии подобных процессов с последующим учетом всего теоретического и практического опыта, который они способны представить. Классический историографический концепт о Балканах как «пороховом погребе» Европы все

---

[1] В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. – М.: «Индрик», 2003. – 544 с. История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. - М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 504 с.

[2] *Цыганков, П. А.* Мортон Каплан и системное исследование международной политики. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. – № 1. – С. 25–27.

[3] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. – М.: Издательство «Наука», 1985. – С. 21–57.

еще имеет ряд не до конца рассмотренных аспектов, особенно в части совмещения данной исторической проблемы с теоретическим моделированием взаимоотношений мировых держав, а также дискурсивного и имагологического факторов, сопровождавших принятие ключевых решений в рамках балканской политики России. В этой связи Черногория и ее парадоксально высокая роль на этом внешнеполитическом направлении в 1903–1912 гг., с учетом ее ресурсной «малости» относительно «больших» государств, становится примечательным предметом для изучения.

Объектом исследования является Черногория в военно-политических планах Российской империи в Балканском регионе в 1903–1912 гг.

Предметом исследования выступает Черногория как «малый» «буферный» актор в системе военно-стратегических планов Российской империи, связанных с деятельностью русских военных миссий и военных агентов в Балканском регионе как специфическом политическом, географическом и имагологическом пространстве в 1903–1912 гг.

Хронологическими рамками работы выступают два рубежных года, ключевых в истории балканской политики Российской империи. Первый – 1903 г., когда после свержения в Сербии проавстрийского режима Обреновичей происходит значительный рост русского политического влияния в регионе[1]. С этого же времени усиливается внимание к региону со стороны русского Главного штаба, а в Черногорию назначается постоянный военный агент – Н. М. Потапов[2]. Верхним рубежным годом является 1912 г., когда в знак протеста против участия Черногории в Первой балканской войне Россия приостановила выплату военных субсидий и модернизацию черногорской армии. До начала Первой мировой войны русские военные агенты в

---

[1] *Вишняков, Я. В.* «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии / Я. В. Вишняков // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 3. – С. 68-77.

[2] Рапорт Н. М. Потапова начальнику военно-статистического отдела Главного штаба В. П. Целебровскому о его приезде в Цетинье и представлении черногорскому князю Николаю. // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М. – Подгорица, 2003. – № 15. – С. 61-62.

Черногории становятся из руководителей и советников лишь наблюдателями, не способными уже фактически влиять на политику Королевства.

1914 г. отмечен июльским кризисом и началом Первой мировой войны, что временно вывело политическую риторику в иную плоскость, а позднее привело к наступлению новой исторической эпохи.

Для задач внутренней периодизации хронологических рамок исследования ключевыми выступают два события. Во-первых, Боснийский кризис 1908-1909 гг., переориентировавший внешнеполитические интересы лидеров Черногории на бóльшую лояльность Российской империи. Во-вторых, подписание русско-черногорского военного соглашения в 1910 г., ознаменовавшее значительное усиление российского влияния в Черногории и на Балканском полуострове вплоть до начала Балканских войн.

Историческое пространство исследования достаточно широко. Прежде всего это Княжество (Королевство) Черногория, а также связанная с ним по ряду критериев, хотя и не абсолютно тождественная Сербия. Черногория выделяется из ряда других балканских государств. Прежде всего она одной из первых встала на путь постепенного высвобождения из-под османского влияния, что сформировало здесь как специфическую политическую систему, произраставшую из теократических начал, так и особый тип местного самосознания, представлявшего своего носителя некоей «лучшей частью» южнославянского сербства. Из малого по протяженности исторического пространства тем не менее формируется и определенная парадоксальность черногорской ситуации, и характер ее влияния на балканский политический курс России в начале XX века. В частности аргумент, объясняющий заметную степень влияния Черногории на русскую политику только династическими связями (феномен черногорских княжон[1]), становится малоубедительным и требует как минимум дополнительных аналитических операций для понимания логики выстраивания всей системы

[1] *Струнина, Н. Г.* Никола Петрович-Негош и его дочери – русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России / Ответственный редактор К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2011. – С. 174–238.

международного взаимодействия. Помимо этого исследование обращается к изучению событий в Болгарии, бывшей сильнейшим из самостоятельных национальных балканских государств в тот период (по оценкам русского Главного штаба). В контексте русского дискурсивного политического влияния рассматриваются связанные с подъемом социалистических идей события в Македонии, прежде всего волнения в Салониках 1910 г.; исследуется процесс распространения федералистских идей, происходивший на югославянских землях Австро-Венгрии в начале XX века, и связанный с ними временный рост популярности «триализма» в общественно-политическом дискурсе Австро-Венгрии; анализируются образы южных славян, отраженные некоторыми подданными Российской империи, пребывавшими на пространстве всего Балканского полуострова в конце XIX – начале XX веков в их дневниках или путевых заметках иного рода. Подобные тексты известны в современной отечественной балканистике под собирательным термином «травелоги» или «литература путешествий».

Цель исследования состоит в определении значения Черногории как специфического актора балканской подсистемы международного взаимодействия и элемента военно-политического планирования Российской империи в 1903–1912 гг.

Задачи исследования:

1. Исследовать специфику Черногории как «буферного» государства в системе международных отношений в начале XX века.

2. Доказать существенность роли, отводимой Россией Черногории в рамках военно-стратегического курса России на Балканах.

3. Установить степень влияния русской военной миссии в Черногории на политическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.

4. Определить характер влияния образов «малых» южнославянских народов в общественно-политическом сознании правящей бюрократии Российской империи на процесс принятия решений.

5. Изучить дискурсивные ресурсы черногорских властей для воздействия на политический курс Российской империи с учетом доминирования в регионе русской панславистской риторики.

6. Выявить специфику «триалистического» проекта Австро-Венгрии и проекта социалистической федерации на Балканах как вызовов для русской балканской политики в 1903–1912 гг.

7. Проанализировать особенности влияния наднациональных политических проектов на Балканах на политическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.

Теоретико-методологическая основа исследования выстраивается в соответствии с **принципом историзма**, поэтому при изучении причинно-следственных и – шире – исторических связей ход повествования будет иногда расходиться со временным отрезком, обозначенным в теме работы. Для выявления значения происходивших в то время процессов исследование порой пересекает и верхнюю границу – 1912 г.

Принцип **объективности**, реализуемый в ходе исследования, включает в себя учет субъективности всех участников политического процесса, подчиненных, тем не менее, влиянию идей и стереотипов общих для правящей и культурной элиты.

В ходе исследования автор придерживается **системного подхода**. Во-первых, это выражается в стремлении изучать русскую политику относительно Черногории в ее взаимосвязи с существовавшими параллельно политическими усилиями иных «великих держав». Во-вторых, системный подход позволяет рассматривать взаимодействие «великих держав» и «малых» государств на пространстве Балканского региона как элементов в единой международной системе[1], выстроенной вокруг «Балканского региона» в его многоаспектных измерениях. С учетом этой системности анализируются и

[1] Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке / Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений // Богатуров А. Д. – М.: Московский рабочий, 2002. –Разд. I. – Гл. V. – С. 112–128.

региональные особенности русской политики на Балканах в 1903–1912 гг. Кроме того, хотя исследование сосредотачивается на особенностях влияния русских военных миссий, системный подход позволяет предполагать, что процессы, происходившие в военной сфере, оказывали воздействие на весь курс русской балканской политики.

В методологическую основу исследования положен **конструктивистский** подход, выраженный в том, что под «русским военно-стратегическим и идеологическим политическим курсом на Балканах» понимается не какая-то абстрактная идея и не заданная лишь априорными условиями установка. В работе анализируется реальность особого уровня или порядка, отраженная в источниках и оказывавшая влияние на «политическую реальность», какой ее представляли деятели русского военного ведомства, а также лидеры тех «малых» балканских государств, где влияние России было особенно сильным.

Важным направлением современной отечественной балканистики стал подход к изучению истории Балканского региона XIX – начала XX веков с учетом того влияния, которое оказывали на ход исторического развития и взаимодействия различных акторов специфические **образы** южнославянских народов. Как правило, данные образы формировали у русских наблюдателей нормативные суждения о южных славянах как о «младших братьях». Они формировались в ходе длительных контактов этнических/имперских пространств, начиная от мифологизированного в славянской культуре периода деятельности солунских братьев Кирилла и Мефодия и вплоть до наших дней.

Поскольку данное исследование придерживается конструктивистского понимания «образов» как коллективно разделяемых представлений, методология работы также основывается на концепции о воздействии сформированных с помощью этих образов идей на политические процессы, в том числе на процессы выстраивания системы межгосударственного взаимодействия на пространстве Балкан в начале XX века. В итоге данный фактор, с одной стороны, выступал одним из ключевых для русского

политического курса на Балканах в 1903–1912 гг. и, с другой стороны, оказывал воздействие и на систему международного взаимодействия в рамках балканской подсистемы международных отношений, и на исторические процессы, связанные с политическим развитием Черногории в этот период.

При этом Черногория представляется дискурсивно «малой» силой на фоне представлений о «Европе» или представлений об отдельно взятых великих державах. Это связано с комплексом проблем: преломления в общественном сознании «пространств воображения»; пространственным (в том числе географическим) детерминизмом; силовым детерминизмом; а также наложенным на это пониманием «пространства» и «силы» лицами, оказывающими воздействие на социально-политические процессы. Таким образом, требует изучения, помимо прочего, генезис актуального политического дискурса, что позволяет установить особенности формирования артефактов исторической памяти, значимых для последующих поколений. Данные артефакты связываются в общественном сознании с политическими конфликтами вокруг определенного исторического региона. В этой связи важно понимать, какой образ «проблемных» регионов формируется в общественном мнении ведущих мировых держав и в сознании их лидеров и как это отражается в истории и исторической памяти. Данные образы становятся идеологической основой принятия политических решений, оформляясь в дискурсивной или визуальной форме.

Под «дискурсом» в рамках данного исследования понимается особая речевая практика, усвоенная группой людей в определенный момент их исторического развития. При этом эти люди, как правило, имеют одно или несколько оснований для выстраивания общей идентичности в дискурсивных формах. Данная практика диктует людям, относящим себя к подобной идентичности, усредненные, но схожие установки на восприятие одних и тех же общественно-политических явлений и процессов с учетом единства социокультурных представлений. Рассматривая дискурс в контексте данного исторического исследования, важно подчеркнуть, что здесь выделяется

именно та часть дискурса, которая формируется «текстами» в широком понимании этого термина. Соответственно, дискурс эпохи становится постижимым в рамках конкретного исторического периода при изучении различных видов источников, возникших тогда или в непосредственно предшествовавший ему период. Отметим, что в контексте изучаемой здесь проблемы акцент будет сделан по преимуществу на «элитарный дискурс». Под ним подразумевается речевая практика, усвоенная в определенный исторический период людьми, входящими в категорию «лиц, принимающих политические решения» или вовлеченных в общественно-политическую борьбу как минимум на уровне предложения проектов будущего.

Предполагается, что историческое знание нестабильно, оно живет и развивается наравне с его обществом-носителем, отвечая новым вызовам и по-новому сформулированным к прошлому вопросам. Таким образом, исторические исследования, посвященные проблеме восприятия политических процессов в истории, приобретают перманентную актуальность при любых качественно значимых переменах социального состояния.

В работе используются некоторые положения двух полярных традиций в теории международных отношений – реализма и конструктивизма – с совмещением некоторых из их элементов. В русле первой традиции в работе делается акцент на ведущей роли в историческом процессе тех держав, что воспринимаются как «мощные» или «полюса силы». В русле второй традиции, во-первых, такие понятия как «сила», «буферная зона», «малый актор» преломляются через призму их конструктивности; во-вторых, особое внимание в исследовании уделяется каналам влияния панславистского дискурса на отношения России и Черногории (с проекцией на все пространство Балканского региона) в 1903–1912 гг.

Помимо общенаучных **методов** (анализ, синтез, индукция и дедукция) в работе использованы специальные исторические методы.

Историко-генетический метод использован в определении эволюции русского политического курса на Балканах относительно Черногории с 1903

по 1912 гг. Это позволяет выделить ключевые события, оказывавшие влияние на военно-политическую стратегию России на Балканах, а также определить значение для нее событий в Черногории 1903–1912 гг.

Историко-сравнительный метод применен для реконструкции и сравнения одних и тех же явлений российской политики на Балканах, отраженных в источниках различного происхождения и разного авторства, что позволяет выявить общие и особенные черты этих явлений.

Историко-типологический метод служит целям классификации различных исторических источников, различных типов национально-ориентированного дискурса, политических идеологий по классической «право-левой» модели, а также для подразделения решений в рамках балканской стратегии России и иных «великих держав» по военной, политической или идеологической сферам.

При работе с автографами заметок историка В. Я. Богучарского (Яковлева), посещавшего Балканский полуостров в 1910-1911 гг.[1], а также с оригиналами и автографами донесений и рапортов русского военного агента в Черногории Н. М. Потапова[2], в сравнении с корпусом опубликованных архивных материалов, связанных с его деятельностью[3], и его дневников[4] использован комплекс текстологических методов. Обращение к черновикам позволяет выявить первичную эмоциональную реакцию их авторов на наблюдаемые ими явления. Это касается, в частности, изначально литературно сконструированных, а затем идентифицируемых в наблюдении и коммуникации стереотипных представлений о «родственных» славянских народах Балканского региона. Особенно наглядно такая эмоционально окрашенная работа с рукописью проявляется в анализе исправлений исходного текста, которые, тем не менее, сохранил черновой вариант.

---

[1] РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 41. Л. 1–8.; РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1 № 56. Л. 1–11.; РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 81. Л. 1–26.
[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674, 759, 836, 3048, 3189, 3197, 3198, 3199.
[3] Н. М. Потапов. Т. 1.
[4] Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 2. Дневники 1906–1907, 1912, 1914-1915 гг. – М.: Подгорица, 2003. – 839 с.

Для анализа особенностей русской балканской политики с учетом русских панславистских концепций применялся и дискурс-анализ. Он позволяет выявить специфические вербальные формы и конструкции, характерные для обоснования решений в рамках балканской политики России в Черногории в 1903–1912 гг. Это, в свою очередь, предоставляет базу для дальнейшего анализа этих решений в контексте предполагаемого влияния на них устойчивой системы представлений о Балканах и «малых» южнославянских народах, сложившейся в общественно-политическом сознании Российской империи конца XIX – начала XX веков, а также обнаруживает скрытые внутренние стремления, неоговоренные авторами документов напрямую.

Дискурс-анализ также позволяет проводить исследование этноисторических образов, содержащихся в травелогах, изучение которых стало одной из тенденций актуальной отечественной балканистики[1]. В сочетании с концептуальным анализом панславистских проектов переустройства Балканского региона становится возможным делать выводы о степени влияния этих образов на указанные проекты и, как следствие, на курс русской политики в Черногории 1903–1912 гг.

В сочетании с анализом образов используется теоретический подход к пониманию общественного мнения, представленный в концепции спирали-молчания Э. Ноэль-Нойман[2]. Он применяется при сравнительном подходе к анализу образов, отраженных в работах одного автора, но явно или предположительно направленных на различную аудиторию. Это позволяет строить выводы о наличии в сознании авторов расхождений между «допустимым к огласке и обсуждению в обществе» мнением о русской политике, снисходительном в отношении к «младшим» южнославянским братьям, и тем образом «малых» южнославянских народов, что сложился в

---

[1] *Гусев, Н. С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение, 2019. – № 1. – С. 3–6.

[2] *Ноэль-Нойман, Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – С. 12–18.

сознании автора в ходе личного общения с представителями южнославянских народов и прежде всего с местной интеллигенцией. Это проявилось, в частности, в случаях, когда традиционная для дискурса концепция «младших» и «ищущих заступничества старшей сестры-России братьев» диссонировала с образами южных славян, сформированными в ходе личного контакта автора с «братьями».

При анализе текстов публицистических изданий Российской империи последней четверти XIX века, таких как «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» или «Русская мысль», применялся метод статистического анализа публицистики. Он позволил выявить прежде всего общие тенденции в распространенных образах Балканского региона и его жителей, определить особенности их динамики, а также их влияние на риторику и политическую теорию русского панславизма. Как итог, стало возможным сделать выводы о влиянии данных образов и концепций на политическую повестку в Российской империи и на Балканах в конце XIX – начале XX веков.

Новизна исследования обусловлена выбором охарактеризованных выше методов и методологических подходов в их оригинальном сочетании между собой, а также оригинальной для отечественной науки постановкой ряда исследовательских задач. С учетом оригинальности методов и поставленных задач при прочтении новых и ранее привлекавшихся для исследования источников получены новые выводы – прежде всего о тесном переплетении внешнеполитического курса Российской империи в отношении Черногории в начале XX века и панславистского феномена «братского» восприятия южных славян, имевшем дискурсивно диалектический характер.

Новизна присутствует в оригинальном принципе рассмотрения русской балканской политики с точки зрения «малых» балканских народов и народностей, не только сербов или болгар, но и черногорцев, словенцев, жителей Македонии, с учетом влияния на эту политику панславистского братского восприятия южных славян в России начала XX века. На основе

проделанного анализа сделано заключение об особенности русской политики на Балканах, подразумевавшей вовлечение в орбиту ее дискурсивного и идеологического оснащения всех южнославянских этнокультурных идентичностей – не только самых представительных (сербской или болгарской), но и черногорской.

Перспективной же особенностью русской балканской политики, с учетом ее панславистского идеологического базиса, была ее потенциальная возможность роста до наднационального уровня проектирования с последующим привлечением и неславянского населения Балкан. Однако эта особенность несла и потенциальною проблему для русской политики в регионе, так как позволяла отдельным южнославянским сообществам вырабатывать собственные проекты балканской консолидации (в том числе альтернативные пророссийскому).

Научная новизна исследования проявляется также в имагологическом подходе к изучению международных отношений на Балканах в канун Первой мировой. Он опирается на достижения отечественной и мировой исторической и политической психологии. Образ «малых» народов в общественном сознании России начала XX века был снисходительным и подчиненным – как «младших братьев» своей «старшей сестры-покровительницы». Усилия по созданию такого образа были обоюдными со стороны русской и части балканской интеллигенции, в чем заключалась причина дискурсивной устойчивости и значимости этого образа в России и южнославянском общественно-политическом сознании.

Источники, составляющие базу данного исследования, подразделяются на три основные группы.

К первой группе письменных источников относятся материалы официального делопроизводства. Это рапорты, докладные записки, аналитические обзоры дипломатических и военных ведомств: программные документы партий и общественных движений, содержащие те или иные

решения в ходе русской политики на Балканах в целом и в отношении Черногории в частности в 1903–1912 гг.

Взгляд высших армейских чинов Российской империи на вопрос переустройства Балканского региона можно проследить в корпусе опубликованных[1] и неопубликованных[2] документов из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также опубликованных[3] материалов фонда Генерального штаба и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). При сопоставлении опубликованных материалов и их архивных подлинников в работе будут делаться ссылки на документальные публикации, за исключением случаев, когда необходимо указать на особенности оригинального документа. Таким образом, пласт этих источников включает рапорты, телеграммы, записки, письма и отчеты о деятельности русского военного агента Николая Михайловича Потапова в Черногории, а также документы, освещающие различные аспекты взаимоотношений России с Черногорией и иными южнославянскими государствами, с Австро-Венгрией и Османской империей в период с 1902 по 1915 гг. Кроме того, в неопубликованной части фонда № 2000 приведены синхронные донесения русских военных агентов в иных балканских государствах: Сербии, Болгарии, Румынии, Турции[4]. В них представлена оценка событий и явлений, происходивших в регионе в целом и в южнославянских странах в частности. Здесь можно проследить место отдельных государств в военно-стратегических планах русского Главного штаба, оценки деятельности русских военных и дипломатических миссий на Балканах, оценки политических верхов южнославянских государств и взгляды на «идеализированный» образ Российской империи у широких масс населения этих стран. Составленные в основном военными и министерскими служащими документы (донесения и рапорты) представляют собой прекрасный материал,

[1] Н. М. Потапов. Т. 1.
[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674, 759, 836, 3048, 3189, 3197, 3198, 3199.
[3] Н. М. Потапов. Т. 1.
[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048.

дающий емкую информацию по существу вопроса. Тем не менее представленная в них оценка носит определенную долю субъективности. Хотя в массе своей они написаны военными людьми, призвание которых не располагает к значительному искажению информации в отчетах, и можно было считать содержание данных документов близким к существовавшей реальности и лишенной значительных неточностей, но только с одной оговоркой: речь идет о реальности, в том субъективном ее измерении, в каком сами авторы данных документов эту реальность воспринимали.

Кроме того, в отчетах агентов из Сербии, Болгарии и Румынии сохранились обзоры периодической печати в этих странах от 1911–1913 гг. с приложенными вырезками на местных языках (в основном сербском и болгарском)[1]. Анализ этих материалов позволяет не только выявить отношение представителей русских миссий на Балканах к актуальным политическим процессам, но и проанализировать специфику отражения русской политики в прессе «малых» балканских государств.

Важное место в корпусе привлеченных в работе источников занимают опубликованные дневниковые записи Н. М. Потапова за 1906-1907, 1912, 1914-1915 гг.[2], которые следует отнести к источникам личного происхождения. Несмотря на утрату значительной составляющей от всего комплекса дневников Потапова, написанных им в Черногории с 1903 по 1915 гг., здесь представлены внушительная их часть, воссозданная составителями по материалам Архивного отдела Национального музея Черногории и Архива Института российской истории Российской академии наук. Данные записи интересны и как содержащие сиюминутную авторскую оценку черногорских реалий, и как материалы, дополняющие картину принятия решений в рамках военно-стратегической политики России на Балканах относительно Черногории в 1903–1912 гг. (в соотнесении с синхронными материалами официального делопроизводства, составленными Потаповым, другими

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674, 3048.
[2] Н. М. Потапов. Т. 2.

участниками русских миссий на Балканах или функционерами русского Главного штаба в Санкт-Петербурге). Дневники Потапова представляют интерес и как материалы по изучению общества и культуры Черногории означенного периода, в том числе и культуры политической. В них содержится авторская оценка влияния лидеров Черногории на внутреннюю и внешнюю политику страны, а также отмечается рост недовольства властями со стороны иных общественных слоев. Характерно, что, хотя сущностное содержание дневников Потапова и его официальных рапортов по одним и тем же вопросам не расходится формально, в дневниках наблюдается склонность к выражению более критичных оценок. Таким образом, два тома опубликованных материалов, связанных с Потаповым, образуют единый комплекс источников, становящийся одним из базовых для данного исследования.

Для изучения вопроса об идеологическом влиянии России в регионе были привлечены документы (письма, открытые публицистические произведения – воззвания славянской интеллигенции, официальные донесения русских наблюдателей), опубликованные в специальном тематическом сборнике[1]. Они освещают внутреннею обстановку и настроения среди славянского населения Австро-Венгерской империи, его реакции на балканские события. Прежде всего это Боснийский кризис 1908-1909 гг. и две Балканские войны 1912-1913 гг.

Для углубленного изучения международной системы, сложившейся на рубеже XIX-XX веков вокруг Балканского региона, как с точки зрения «великих держав», так и с позиций «малых» государств, привлекались материалы, опубликованные в специализированных сборниках

[1] Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.).– М.: Древлехранилище, 2010. – 653 с.

дипломатических документов по вопросам внешней политики России и иных «великих держав» в отношении друг друга[1] и «малых» государств Балкан[2].

Содержание источников первой группы в большей степени объективировано профессиональной компетенцией их авторов и политическими расчетами сообразно меняющейся обстановке, чем источников второй группы, включающей прежде всего произведения из корпуса «литературы путешествий». Они относятся отчасти к источникам личного происхождения и публицистике.

На протяжении всего XIX века корпус таких источников, составлявшихся путешественниками из Российской империи, постоянно пополнялся. Позднее, в 1912-1913 гг., в связи с началом Балканских войн возник особенно массивный комплекс синхронных путевых заметок, в которых речь идет о сравнительно небольшом регионе, а это дает возможность сопоставления и сравнения информации. Оговоримся: если для текстов подобного жанра первой половины XIX века допустимо применять термины «травелоги» или «литература путешествий», то к концу столетия и в начале XX века уже возможно увереннее дифференцировать данные произведения с применением понятий «путевые письма», «репортажи», «дневниковые заметки» и т. п. Это результат развития и усложнения жанра «путешествий» в литературоцентричной Российской империи. Однако с учетом специфики путешествия и ключевого для авторов данных текстов опыта «встречи с

[1] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 г. Серия 2-я 1900–1913. т. 18, ч. 2: 14 сентября 1911 г. – 13 ноября 1911 г. [Москва] ; [Ленинград] : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938–1940. – 1938. – XVII, 382 с. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3-я. 1914–1917. Т. 1. 14 янв. – 4 авг. 1914 г. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. – 616 с. Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.): Сб. документов / Харламова А. А. / Иванова. Е. М. Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Каф. международных отношений. – М: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – 430 с.

[2] Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 3, Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. / составители Шемякин А. Л. ... [и др.]. – Белград : Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2012 (Можайск: Можайский полиграфический комбинат). – 703 с. Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Том 4, Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / авторы-составители Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. – Белград: Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2017 (Москва: ООО «Алатырь»). – 1008 с.

новым», сопровождавшим появление данных текстов, допустимо считать данный комплекс источников единым целым.

Применительно к теме исследования примечательный пласт источников второй группы содержится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Речь идет в первую очередь о личных фондах русских историков, журналистов и исследователей, бывавших в начале XX века на Балканах.

В работе использованы материалы фонда историка народничества В. Я. Богучарского (Яковлева), хранящиеся в РГАЛИ (фонд № 1696). Прежде всего были привлечены единицы хранения 41 и 56, содержащие автографы статей и путевые заметки времени его пребывания на Балканском полуострове в 1910-1911 гг.[1]. А также единица хранения 81, относящаяся к иному периоду, скорее всего, к 1906 г.[2] Отдельную ценность привлеченный корпус источников представляет в связи с тем, что часть статей, содержащихся в РГАЛИ в виде рукописей и (в одном случае) машинописи, не были опубликованы в изначальном виде. Отдельные идеи и фрагменты этих текстов были опубликованы лишь частично и после 1913 г. в журнале «Современник». Допустимо также предположить, что часть умозаключений, выработанных автором в этот период, использовалась им впоследствии при составлении предисловия к русскому изданию книги английского путешественника Э. Ф. Найта «Революционный переворот в Турции» (1914)[3]. Тем не менее, если Богучарским и планировалась полноценная доработка указанных статей и заметок для последующей публикации, то смерть автора в 1915 г. не дала ему завершить эту работу. Таким образом, базирующиеся на путевых заметках тексты Богучарского, публицистические по жанру, но содержащие его личные впечатления о Балканах, имеют признаки литературы путешествий.

---

[1] РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 41. Л. 1–8.; РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1 № 56. Л. 1–11.
[2] РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 81. Л. 1–26.
[3] *Тортика, М. В.* Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология, 2013. – № 1 (144). – С. 66-67.

Часть документов из фонда В. Я. Богучарского уже вводились ранее в научный оборот, но делалось это для решения иных исследовательских задач. Историографы А. В. Болотина[1] и Л. М. Искра[2] привлекали эти источники для написания трудов о Богучарском как об историке народничества. Применительно к проблеме настоящей работы данный корпус источников ранее не привлекался.

Для анализа генезиса панславистских концепций к началу XX века в их взаимосвязи с формированием образа «малых» балканских народов и русской балканской политикой в отечественном сознании использованы более ранние травелоги, в частности материалы, собранные М. В. Беловым[3].

Множество образцов «литературы путешествий» опубликовано и в журнале «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» с 1883 по 1887 гг.

На содержание перечисленных в рамках второй группы источников безусловно оказала влияние субъективная (или «партийная») позиция их авторов. Однако применительно к рассматриваемой в исследовании проблеме это можно считать скорее их достоинством, нежели недостатком. Выводы о специфике образов «малых» балканских народов и их влиянии на русскую балканскую политику, построенные на основе этих материалов, будут объективны в фокусе поставленной проблемы.

К третьей группе источников относятся статьи, публиковавшиеся в отечественных публицистических журналах, таких как «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» и «Русская мысль», выходивших в последней четверти XIX века. На страницах этих двух изданий в рассмотренный период поднимались вопросы, связанные с проблемами славянского единения, кирилло-мефодиевской традиции, роста

---

[1] *Болотина, А. В.* В. Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. – Вып. 3. – С. 49–84.

[2] *Искра, Л.М.* Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества. сборник научных трудов. Воронежский государственный университет, 2007. – С. 3–23.

[3] Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. – СПб., 2018. – 672 с.

или упадка российского духовного и политического влияния на Балканах. Данные публикации порождали на своих страницах и в русском обществе широкую полемику вокруг метафор «братства» и «славянского единения», являвшихся наиважнейшими для теории панславизма. Все это оказывало влияние на панславистский дискурс в русском общественном сознании и, как следствие, на балканскую политику России в отношении южнославянских государств как в конце XIX, так и в начале XX веков. Большой пул материалов, связанных с темой, представлен и в иных журналах того времени, таких как «Вестник Европы» или «Русское богатство». Однако для отдельных задач данного исследования, а именно для подтверждения распространенности панславистского дискурса в русском общественно-политическом сознании и сочетания этого дискурса со спецификой русской балканской политики, это представляется достаточным. «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» выбраны как содержащие большой объем публикаций разного жанра по славянской теме. «Русская мысль» – издание по широкой общественно-политической тематике, с высокой частотой присутствия на его страницах «славяноцентричных» публикаций и обсуждения вопросов русской балканской политики.

Следует подчеркнуть, что предложенное подразделение источников на группы содержит сугубо авторское видение подхода к анализу источников, а, значит, оно имеет и исследовательские ограничения. Так, позднейшие воспоминания русского дипломата в Белграде 1911–1915 гг. В. Н. Штрандтмана[1], воспоминания первого секретаря русской миссии в Черногории в 1905 г. Ю. Я. Соловьева[2], донесения и отчеты русского военного агента Н. М. Потапова и воспоминания С. Ю. Витте можно отнести к двум первым группам одновременно. При этом записки о путешествиях в

[1] Штрандтман, В. Н. Балканские воспоминания / Василий Штрандтман; подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Шемякина; примеч. А. Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. Р. Субаева. - М.: Книжница, Русский путь, 2014. – Ч. 1: (1908–1913 гг.); ч. 2: (1914–1915 гг.). – 504 с.

[2] Соловьев, Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893–1922 / Ю. Я. Соловьев; [вступит. ст. Б. Штейна]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 415 с.

Хорватию, составленные литературоведом И. П. Созоновичем и изданные в 1884 г. в ряде номеров «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», можно рассматривать и в рамках второй, и в рамках третьей группы[1].

Наконец, очень важное значение и как специфическая публицистика, и как публикация оригинальных источников представляют труды П. А. Ровинского[2], впервые в отечественной практике описавшего множество вопросов политического реформирования Черногории на рубеже XIX–XX веков в контексте международных отношений с ближайшими соседями и отдаленными странами.

В подобном сочетании и с применением всего комплекса описанной методологии данные источники в отечественной исторической науке рассмотрены впервые.

Историографию проблемы надлежит подразделить на три группы. К первой группе относится собственно историография Балканского региона и Черногории. Ко второй – отечественные и зарубежные труды по проблеме панславизма, выступавшего идеологической основой принимавшихся в рамках русской балканской политики решений. К третьей группе относятся отечественные и зарубежные работы по политической антропологии, социальному воображению и, в частности, образам Балканского региона.

Отечественную историографию по тематике Балканского региона, в свою очередь, можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Разделяются они подобным образом как хронологически, так и при выявлении основных черт, присущих этим этапам.

Так, в дореволюционный период были написаны первые работы по теме Балканских войн 1912-1913 гг., а также упомянутые выше исследования Черногории, выполненные П. А. Ровинским[3]. Данные работы интересны не

---

[1] *Созонович, И. П.* Из путевых заметок по Хорватии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 1. – С. 18–23.
[2] *Ровинский, П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб., 1888–1915.
[3] Там же.

только как обзоры, написанные «по горячим следам». Поскольку они составлены современниками происходивших событий, их можно рассматривать одновременно как пласт исторических источников. Например, маркером реакции на балканские события кануна Первой мировой у части русского общества, и прежде всего русской интеллигенции, может служить книга А. Пастухова[1] – крайне эмоциональная по тону и основанная на панславистском «братском» восприятии южных славян.

Для советской историографии характерна иная идеологическая тенденциозность. В целом исследователи этого периода в своих работах придерживались макроисторического подхода. Оценка Первой мировой как войны империалистической, в духе марксистско-ленинской теории, окрашивала и предвоенный период. Деятельность «великих держав» и их политика на Балканах оценивалась негативно, причем эта тенденция присутствует и в характеристике политики Российской империи, хотя в заметно меньшем объеме. Подчеркивалось недопустимое посягательство этих держав на право балканских наций на самоопределение. В конце советского периода выделяется ряд исследований, систематизировавших сведения о предвоенных Балканах, главными из которых являются работы Ю. А. Писарева[2]. Его монография, написанная в 1985 г., вобрала в себя опыт предшествующих исследований и подводит своеобразную черту в череде иных работ по данному вопросу. Не удивительно, что для нее характерны все обозначенные выше черты советского подхода. Ценен труд тем, что ко времени своего появления представлял наиболее полный обзор развернувшихся на Балканах и вокруг них событий с привлечением новейшей литературы и широкой источниковой базы того времени. Косвенно, а в ряде случаев и прямо, автор делал попытки отойти от традиционных «заслонок» советской исторической традиции.

---

[1] *Пастухов, А*. Балканская война 1912-1913 гг. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – Москва: Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н. И. Пастухова, 1914.
[2] *Писарев, Ю. А*. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны.

Фундаментальное двухтомное исследование «Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма»[1], подготовленное и изданное Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР, примечательно глубоким аналитическим обзором истории борьбы балканских народов за независимость на территории Австрийской (позднее Австро-Венгерской) империи на протяжении XIX века. Данная проблема рассмотрена с точки зрения характерной для советской исторической науки макроисторической концепции о борьбе народов за независимость как производной от антагонизма общественных классов, стимулирующего ход всего мирового исторического процесса. Особый интерес это исследование вызывает с точки зрения оценки «триалистического» и «социалистического» проектов переустройства Балканского региона.

Для постсоветской историографии характерен отход от традиций макроисторического подхода и переход к микроисторическому, а также отход от чрезмерно негативных оценок времени, наследия и опыта Первой мировой войны. Со множества тем были сняты идеологические ограничения, что сделало их открытыми для научного рассмотрения, в том числе с применением инновационных исследовательских подходов. Можно выделить целый ряд исследователей, рассматривающих различные аспекты происходивших на Балканах процессов – от непосредственно влиявших на политическую жизнь региона и даже всей Европы до менее всеобъемлющих, но не менее примечательных. Особый интерес в этой связи приобретают серии «Человек на Балканах»[2] или «Славяне и Россия»[3], представляющие собой сборники

[1] Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М.: «Наука», 1981. – 464 с.

[2] Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетейя. – 2009. – 336 с.; Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 408 с.

[3] Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – 556 с.; Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – 320 с.

статей, где изложены актуальные достижения исторической мысли в этом исследовательском поле.

Ранее в изданном под редакцией Ю. А. Писарева и В. Л. Малькова сборнике «Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории» (1994)[1] ставилась цель такого подбора статей, дабы получившееся в конечном итоге издание проливало свет на ряд ранее не затрагиваемых аспектов как непосредственно времени Первой мировой войны, так и предвоенного периода, особенно в отношении Балканского региона. Чуть ли не впервые в постсоветской историографии здесь предпринята попытка более многомерной оценки, а во многом и переоценки Первой мировой войны как исторического, социального, военного, культурного феномена, феномена общемирового значения, оставившего заметный след и в истории нашей страны.

Среди публиковавшихся в позднейших сборниках статей в данном исследовании особенно активно привлекались работы Ю. А. Писарева, В. Л. Малькова, В. Б. Хлебниковой, Н. И. Хитровой, Я. В. Вишнякова, С. А. Романенко, И. В. Чуркиной, как правило, для более углубленного понимания специфики Балканского региона и Черногории в 1903–1912 гг.

Ряд исследований по вопросам системных особенностей российского влияния на политические процессы в рамках балканской подсистемы международных отношений в XIX – начале XX веков принадлежит перу В. Н. Виноградова[2]. Помимо изучения истории Румынии его работы по истории Балкан отмечены системностью в подходе к исследованию международных процессов и, в частности, посвящены феномену британского влияния на систему отношений в Балканском регионе, и, как следствие, влиянию британского фактора на курс русской балканской политики. Позднее

[1] *Писарев, Ю. А. Мальков, В. Л.* Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / сборник статей. – М.: Наука, 1994. – 304 с.

[2] *Виноградов, В.Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. – М.: Наука, 2005. – 299 с.; *Виноградов, В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах, 1683–1914. – М.: Индрик, 2010. – 479 с.; *Виноградов, В. Н.* За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М.: «Индрик», 2002. – 502 с.

особенности политики Великобритании на пространстве Балканского региона в начале XX века освещала в своих работах О. И. Агансон[1].

В вопросе реконструкции истории Черногории большую ценность представляют труды Н. И. Хитровой, которая исследовала по преимуществу внутреннюю политику Княжества на стыке веков[2] и процессы консолидации черногорского национального самосознания до начала XX века[3]. Отдельный интерес представляет обзорная статья Хитровой, выступающая предисловием к составленному при ее участии сборнику документов, связанных с фигурой военного агента Н. М. Потапова[4]. Здесь дана характеристика личности Н. М. Потапова и основных этапов русско-черногорских отношений с 1903 по 1914 г.

Аналогичным образом большое историографическое значение для данного исследования имеет коллективная вступительная статья к сборнику документов по русско-словенским отношениям[5], обращенная, в том числе, к вопросам австро-венгерского «триализма».

Я. В. Вишняков рассмотрел ряд вопросов, связанных с особенностями формирования и исторического развития институтов власти в молодом сербском Королевстве, а также влияние различных социальных групп на его внешнюю и внутреннюю политику в начале XX века[6]. Его монография также актуализирует не только историческую, но и политологическую проблематику связанных с Балканским регионом вопросов, проливая свет на ряд особенностей политического развития южнославянских государств в начале

---

[1] *Агансон, О. И.* От Бухареста до Сараево: политика Великобритании на Балканах и начало Первой мировой войны // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2014. –№ 1 (1). – С. 121–122.; *Агансон, О. И.* Между прагматизмом и идеализмом: к вопросу о методах британской политики на Балканах (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 90–92.

[2] *Хитрова, Н. И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908. – М., 1993.

[3] *Хитрова, Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70 годах XIX века. – М.: Наука, 1979. – 336 с.

[4] *Хитрова, Н. И.* Предисловие / Н. М. Потапов. Т. 1. – С. 15–25.

[5] *Артизов, А. Н., Чуркина, И. В., Эскин, Ю. М., Колоша, В., Кошир, М., Жумер, В*. Предисловие. / Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). – М.: Древлехранилище, 2010. – С. 17–19.

[6] *Вишняков, Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 438 с.

XX века. Отдельное внимание Вишняков уделяет общественной реакции на политические события в Сербии. Специальная глава посвящена воздействию на ее внутреннюю и внешнюю политику национального вопроса, значению России и ее образа для широких масс южнославянского населения и тому, как этим фактором оперировали представители русских дипломатических миссий, агентур и боровшиеся за электорат политические партии. Данное исследование примечательно подробной разработкой проблемы переворота 1903 г. в Сербии и связанных с ним изменений внутри страны, а также восприятия его в ближних государствах, прежде всего в Черногории, Австро-Венгрии и России.

Подробное изучение социально-политических процессов в Черногории XIX – начала XX века проведено в работах В. Б. Хлебниковой[1]. Внимание исследователя в них обращено к основным социальным, экономическим и политическим проблемам Черногорского Княжества (Королевства) в начале XX века. Хлебникова дает подробную характеристику черногорский архивных фондов и широкий обзор местной, сербской и черногорской, историографии. Данный момент отчасти свойственен и работе Я. В. Вишнякова «Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века», хотя по понятным причинам описание черногорской историографии в ней уступает по объему и значимости историографии сербской. Так, Хлебникова обращает внимание на работу черногорского исследователя Ж. Булаича[2], проясняющую особенности развития черногорской экономики с учетом влияния архаичных социальных институтов, а также на вклад исследователя Н. Шкеровича[3] в многостороннее изучение проблематики ряда внутриполитических кризисов в Черногории в начале XX века и их взаимосвязи с внешнеполитическими событиями, такими как аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

---

[1] *Хлебникова, В. Б.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. – М., Институт славяноведения РАН, 2016. – 238 с. *Хлебникова, В. Б.* Черногория в начале XX в. // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 319–361.

[2] *Булајић, Ж.* Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. – 284 р.

[3] *Шкеровић, Н.* Црна Гора на освиту XX вјека. Београд, 1964. – 640 р.

В начале XXI века, а особенно ко времени столетнего юбилея Первой мировой войны, значительно возрос интерес к истории того периода как в целом, так и к событиям, происходившим на Балканах, в частности. В свет вышел ряд научных и популярных работ различного жанра – от монографий до энциклопедий[1].

Работы первой группы реконструируют исторический облик Балканского региона как с точки зрения его места в системе международной политики начала XX века, так и места отдельных частей региона, прежде всего южнославянских государств Сербии, Черногории и Болгарии.

Ко второй группе исследовательской литературы относятся работы, посвященные проблемам панславизма как социально-политического учения. В отечественной науке данная тема рассматривалась с XIX века. Одним из первых историков, писавшим по данной проблеме, был А. Н Пыпин[2]. Уже во второй половине XIX века он исследовал генезис панславистского учения в России, Польше и на Балканах, дал критический обзор характерного для общественно-политического сознания современников (во Франции, Англии, Германии и Австро-Венгрии) мнения о панславизме как об агрессивной и чисто пророссийской идеологии. До сих пор многие его идеи лежат в основе современных работ, посвященных панславистским концепциям[3].

Несмотря на определенную «национальную окрашенность» темы, проблема панславизма поднималась и в советский период. Делалось это, однако, в большей степени вне национальной проблематики как части марксистско-ленинского учения. Чаще всего исследования по этой проблеме приобретали специфические формы. Проводился либо историографический

---

[1] Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. Ред. Г. Д. Шкундин. // Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – Кн. 1. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. – М.: «Индрик», 2003. *Оськин, М. В.* Первая мировая война. – М., Вече, 2010. *Рябинин, А.* Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб., Terra Fantastica, 2003. *Золотарев, В. А.* Серия книг «Первая мировая: забытая война». – М.: «Издательство АСТ». – 2014-2015. *Абрамов, Д. М.* Миссия России. Первая мировая война. – М.: Алгоритм. – 2014. *Миронов, В. Б.* Первая мировая война. Борьба кумиров – М.: ОЛМА. – 2014.

[2] *Пыпин, А. Н.* «Вопрос о национальности и панславизме» // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1824. 90 л.

[3] *Аксенова, Е. П.* А. Н Пыпин о славянстве. – М.: «Индрик», 2006. – С. 9–36.

обзор представлений о панславизме, либо лингвистический анализ данного термина[1].

Рубежом в исследовании панславистских концепций можно считать статью О. В. Павленко 1998 г.[2] В ней подводилась черта под всем опытом постижения панславизма как исторического феномена и явления в мировой социально-политической мысли. Труд по осмыслению феномена панславизма был продолжен Павленко в последующих работах[3], и на данный момент корпус ее текстов является одним из самых значимых по вопросам панславизма в отечественной науке.

В последующие годы исследователь А. А. Григорьева особое внимание уделила изучению феномена политического влияния панславистской идеологии[4]. Об истории становления в России панславистских концепций и их влиянии на политические процессы писал А. А. Ширинянц[5]. Эта тематика в отечественной науке была продолжена, и из последних трудов, рассматривающих политическое значение панславизма как политического учения, следует выделить работу В. А. Болдина[6]. В частности, Болдин не только исследовал эволюцию панславистского учения на рубеже XIX–XX веков, но и представил новую для отечественной исторической науки концепцию «культурно-экономического панславизма».

Отдельно в череде трудов, касающихся панславистского учения, стоят работы, посвященные концепциям поздних славянофилов или

---

[1] *Волков, В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. – С. 25–69.
[2] *Павленко, О. В.* Панславизм // Славяноведение., 1998. – № 6. – С. 43–60.
[3] *Павленко О. В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. № 5. 2016. С. 3–15. / Павленко О. В. Панславизм в оценках чехословацкой историографии эпохи Холодной войны // Новый исторический вестник № 4 (58). С. 136–147.
[4] *Григорьева, А. А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). – Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. 200 с. // Григорьева А.А. Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX – начала XX века / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. – № 6-1 (20). – С. 78–82.
[5] *Ширинянц, А. А., Мырикова, А. В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. / Под ред. А. А. Ширинянца. – М., 2010. – 72 с.
[6] *Болдин, В. А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А. А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с. (Исследования молодых ученых [Т. II]: изд. с 2018 г. / Отв. ред. серии А. Ф. Яковлева, М. С. Петрова).

неославянофилов, а также феномену «славянской взаимности»[1]. В последние годы большой вклад в изучение данной темы был сделан Г. В. Рокиной[2], обратившей внимание на роль концепции «славянской взаимности» при построении русско-словацких контактов в XIX веке.

И. В. Чуркина, в свою очередь, прорабатывала вопросы политического значения панславизма в контексте культурных славянских связей второй половины XIX века, в частности на опыте изучения истории и значения Этнографической выставки и Славянского съезда 1867 г. в Москве, послуживших в середине XIX века одним из стимулов к укреплению русско-южнославянских отношений[3]. Это, предположительно, способствовало усилению процессов формирования образов южнославянских народов в сознании интеллигенции и бюрократических элит в России.

В рамках проблемы «славянской взаимности» выделяются исследования по феномену влияния отдельных представителей славянофильского учения, таких, например, как П. А. Кулаковский или В. И. Ламанский. О значении фигуры Ламанского в контексте феномена панславизма писали А. А. Ширинянц[4], Л. П. Лаптева[5], О. В. Саприкина[6], В. А. Болдин[7], М. Д. Медоваров[8]. В данных исследованиях обращается внимание на значимые для панславистских концепций метафоры «славянской

---

[1] *Одесский, М. П.* Автобиографическая публицистика М. А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. Серия «История. Философия. Культурология. Востоковедение». Раздел: История. Исторические науки. – 2012. – № 13(93). – С. 153–170.

[2] *Рокина, Г. В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань., – 2005. – 45 с.

[3] *Чуркина, И. В.* Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах. – М., 2008. – С. 5–17. / Чуркина, И.В. Южные славяне на Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.). – С. 191–208.

[4] *Гудков, А. Д., Ширинянц, А. А.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2001. – № 1. – С. 94–119.

[5] *Лаптева, Л. П.* В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос. Вехи истории. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 1997. – С. 118–129.

[6] *Саприкина, О. В*. Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. – М., 2004. – 294 с.

[7] *Болдин, В. А., Прокудин, Б. А.* Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 158–167.

[8] *Медоваров М. В., Снежницкая С. И.* Раскол среди поздних славянофилов и роль В. И. Ламанского в нем (1887–1897) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2019, – № 5. – С. 38–47.

взаимности», «братства», а также тема общей для всех славян «кирилло-мефодиевской традиции», предложенная В. И. Ламанским во второй половине XIX века.

Определенным фоном для принятия решений на балканском пространстве начала XX века, наряду с концепциями панславизма, выступала также идея османизма. О специфике сопряженного идеологического влияния панславизма и османизма на политические решения одной из первых писала И. Л. Фадеева[1]. Позднее исследование дискурсивных взаимосвязей и разграничения османизма и панславизма во второй половине XIX века проводил А. М. Абидулин[2].

Е. Г. Кострикова исследовала процессы полемической борьбы в русской общественной мысли вокруг темы панславизма и славянской взаимности в сочетании с проблемами русской балканской политики начала XX века[3]. Особое внимание Кострикова уделяет влиянию общественного мнения и феномена массовой печати на политические процессы начала XX века. Отдельно она обращает внимание и на развитие в этот период «славянских» тем в периодической печати России и иных государств Восточной Европы.

Помимо этого в исторической науке остается актуальной и проблема панславистского учения как идеологической основы для споров о некоем самобытном пути развития России[4].

---

[1] *Фадеева, И. Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм-панисламизм) XIX – начало XX в. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.03 / АН СССР. Ин-т востоковедения. – Москва, 1989. – 29 с.

[2] *Абидулин, А. М.* Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II: 1876–1909 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саратов., – 2009. – 27 с. *Абидулин, А. М., Ширкина, И. А*. Трансформация идеологических концепций в Османской империи в 1850–1900 гг. Османизм-панисламизм // Исторический вестник. Феномен Османской империи. Т. 29. – 2019.– С. 196–215.

[3] *Кострикова, Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идейная борьба в российском обществе в начале XX века. – М.: Кучково поле, 2017. – 384 с.

[4] *Фатеев, В. А.* В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: – Антология. СПб., 2006. – С. 7–54. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 316 с.

В рамках данной диссертации, в свою очередь, делается особый акцент на просачивание панславистских метафор в начале XX века на уровень принятия решений в рамках русско-черногорских отношениях, что отсутствует в иных работах в актуальной балканистике. Возможно, это связано с восприятием Черногории как «наименее значительного» актора балканской политики начала XX века. Однако в данной работе дискурсивная «малость» Черногории рассматривается как феномен только воображаемого, но не реального умаления ее политического влияния, обусловленного системностью международных отношений в рассматриваемый период. Это возводит Черногорию до уровня «значимости», сопоставимой со значимостью иных элементов международной системы.

В зарубежной исторической науке панславистские концепции сегодня нередко рассматриваются как националистические учения, определявшие в том числе и внешнеполитический курс России, особенно применительно к поздней Российской империи[1]. Эта позиция, хотя и в значительной степени дискуссионная, тем не менее имеет в своей основе и ряд интересных аргументов.

Постсоветская тенденция на междисциплинарность исследований, наложенная на методологическую и парадигмальную революцию «новой исторической науки», способствовала появлению новых исследований, нацеленных на проблему образов Балкан в общественно-политическом сознании. Возник пласт отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию феномена «ментального поля», формирующегося вокруг самого понятия «Балканский регион». Благодаря значительному вкладу А. Л. Шемякина[2], подход к изучению образов Балкан и славянских народов стал одной из тенденций актуальной отечественной балканистики. Об актуальности проблемы и специфике изучения образов, отраженных, как

---

[1] *Ливен, Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – 688 с. *Engelstein, L.* Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 239 p.

[2] *Шемякин, А. Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. М., 2004. – С.72–93.

правило, в записках путешественников (травелогах) из России, писал Н. С. Гусев[1]. На протяжении всего XIX и в начале XX столетия путешественники посещали Балканы и тиражировали для русского общества данные образы в своих письмах, рисунках или публикуемых путевых заметках[2]. Значительный вклад в разработку этой темы внес М. В. Белов, исследовавший данный вопрос применительно к травелогам, дошедшим со времен первой половины XIX века[3].

Особое внимание к проблеме образов связано с определенной имагологической концепцией, в частности, с поставленной М. Тодоровой проблемой «воображаемых Балкан»[4]. В ее работе дается комплексный обзор образов и стереотипов европейцев начала XX века о современных им Балканах с позиции современной исторической науки. В свое время работа Тодоровой породила в науке дискуссию о значении имагологических теорий для решения задач современной балканистики, особенно с учетом влияния России на пространстве Восточной Европы[5]. В контексте «воображаемых Балкан» важен и вопрос разграничения «балканского воображаемого пространства» и пространства, понимаемого в рамках европейских концепций «ориентализма», исследовавшихся Э. В. Саидом[6]. В свою очередь ориентализированные образы Восточной Европы, выстраивавшие с эпохи Просвещения, исследовал Л. Вульф[7].

В исследовании Теодоры Толевой[8] раскрывается проблема влияния Австро-Венгрии на процесс государственного и национального развития

---

[1] *Гусев, Н. С.* Южные славяне в начале XX века … – С. 3–6.
[2] Там же. С. 9–12.
[3] *Белов, М. В.* «Молодые славянофилы» на пути к »славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. – С. 96–112.
[4] *Todorova, M.* Imagining the Balkans. – Oxford University Press, Inc. – N.Y., 2009. – 273 p.
[5] *Миллер, А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение., 2001. – № 52. – С. 75–96.
[6] *Саид, Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с
[7] *Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 10–18.
[8] *Толева, Т.* Австро-Венгрия и становление албанской нации / Перевод с болгарского А. С. Добычиной, Н. С. Гусева, А. А. Леонтьевой. Предисловие к российскому изданию А. А. Улуняна. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – 504 с.

Албании на рубеже XIX – XX веков в качестве геополитического противовеса православным нациям на Балканах.

Проблеме панславизма как специфического политического учения, дискурсивной основы для принятия политических решений, а также вопросу восприятия феномена панславизма за рубежом посвящены работа Л. Л. Снайдера[1], труд видного американского исследователя проблемы панславизма Ганса Кона[2], впервые опубликованный еще в 1957 г., а также работа М. Петровича[3] о культурном значении русского панславизма.

Важным моментом в корпусе зарубежной историографии стала работа С. Фея (1928)[4], посвященная вопросам глобального значения русской балканской политики. Представляя собой скорее публицистическое описание эпохи до начала Первой мировой войны, данная работа тем не менее отчасти поддержала и развила тенденцию к негативно-критическому восприятию европейскими историками феномена панславизма. Так, отдельным блоком в корпусе зарубежной историографии выделяются исследования панславизма как идеологии, дестабилизировавшей практику межгосударственного взаимодействия в Восточной Европе в конце XIX – начале XX веков. В этом контексте примечательны работы Ш. Шон Мак-Микина[5] и М. Макмиллан[6], которые содержат спорный тезис о возложении ответственности за начало Первой мировой войны на Россию, проводившую, в частности, неудачный политический курс на Балканах.

Немецкий историк Д. Грох[7] рассматривал панславизм с учетом его выдающегося идеологического и политического значения в XIX веке, что, по его мнению, способствовало во второй половине столетия германо-

---

[1] *Snyder, L. L.* Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990. – 445 p.
[2] *Kohn, H.* The Mind of Modern Russia Historical and Political Thought of Russia's Great Age. Palala Press, 2015. – 312 p.
[3] *Petrovich, M. B.* The emergence of Russian Panslavism, 1856-1870. New York: Columbia University Press, 1956. – 312 p.
[4] *Fay, S.* The Origions of the World War. Vol. I-II. NewYork, 1928. Перевод на русский язык: Фей С. Происхождение мировой войны. М.-Л., 1934.
[5] *McMeekin, S.* The Russian Origins of the First World War. Harvard, 2011. – 324 p.
[6] *MacMillan, M.* The War that ended Peace. The road to 1914. New York, 2013. – 739 p.
[7] *Groh, D.* Russland im Blick Europas. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988. – 439 p.

австрийско-венгерской консолидации[1]. Труды австрийского историка А. Каппелера, посвященные анализу внутриполитических и внешнеполитических особенностей России как имперского государства, акцентированы на полиэтничном составе ее населения[2].

В черногорской историографии Й. Йованович[3] дал обобщенную историю становления черногорской государственности от истоков до 1918 г. Одним из лучших и подробных изложений черногорской истории до сих пор признается работа Б. Павичевича[4], впервые вышедшая в 1955 г. Проблемным аспектам сербско-черногорской интеграции посвящал свои труды черногорский историк Д. Вуйович[5].

Наконец, ведущим черногорским исследователем истории взаимоотношений Черногории и России на данный момент считается Радослав Распопович, изучавший основные аспекты международных отношений XVIII – начала XX веков с позиции Черногории и ее внешнеполитических отношений, в том числе связей с Россией в начале XX века[6]. Также им исследованы концептуальные аспекты черногорско-российских отношений, в основном с учетом роли общей для России и Черногории православной культуры[7] А в комментариях к сборнику «Международные договоры Черногории 1878–1918»[8] он совместно с Гавро Перазичем охарактеризовал процесс развития черногорской внешней политики на региональном и международном уровнях в связи с усилением на Балканах русского присутствия после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.[9]

---

[1] *Ibid.* P. 275-280.
[2] *Каппелер, А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Андреас Каппелер; Пер. с нем.: Светлана Червонная. – М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. – 342 с.
[3] *Јовановић, Ј.* Сварање Црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црна Горе од почетка VIII в. до 1918 г. Цетиње, 1948. – 445 р.
[4] *Павићевић, Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955. – 345 р.
[5] *Вујовић, Д.* Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962.
[6] *Raspopović, R.* Diplomatija Crne Gore, 1711-1918. Београд. 1996. – 696 p.
[7] *Raspopović, R.* Crna Gora i Rusija. Ogledi i eseji. Podgorica – Београд. 2005 – 430 p.
[8] *Raspopović, R. Perazić, G.* Međunarodni ugovori Crne Gore 1878-1918, Zbornik dokumenata sa komentarom, – 'Pobjeda', Podgorica, – 1992. – 850 p.
[9] *Raspopović, R. Perazić, G.* Međunarodni ugovori Crne Gore 1878–1918, Zbornik dokumenata sa komentarom, – 'Pobjeda', Podgorica, – 1992. – 850 p.

Структура работы подразделяется на введение, три главы, заключение и список источников и литературы.

Первая глава посвящена теоретико-методологическим основам изучения Балканского региона как многоаспектного пространства межгосударственного взаимодействия. В ней рассматриваются системные факторы, воздействующие на специфику русско-черногорских отношений в 1903–1912 гг.; дается характеристика Балканского полуострова как «проблемного» региона в системе международных отношений начала XX века и как специфической «буферной зоны» международного взаимодействия. Отдельный параграф посвящен русскому панславизму как дискурсивной основе для деятельности военных и политических миссий России на Балканах в 1903–1912 гг. В связи с этим панславизм рассматривается как фактор, легитимировавший процессы принятия решений в ходе претворения русского политического курса на Балканах. Там же представлена выработка панславистского и неославянского дискурсов в журналах «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» и «Русская мысль» последней четверти XIX века. Безусловно, данные два издания за указанный период не исчерпывают всего комплекса текстов, составленных сторонниками славянской идеи. Тем не менее привлеченный комплекс текстов достаточно репрезентативен. Проникнутые панславистским пафосом публикации конца XIX века отражают доминировавшее в русском общественно-политическом дискурсе восприятие балканских славян в тот самый период, когда происходило формирование взглядов той части бюрократической элиты, которая будет осуществлять решения в рамках военно-стратегического курса Российской империи на Балканах в 1903–1912 гг.

Вторая глава сосредоточена на вопросах непосредственного взаимодействия России и Черногории в 1903–1912 гг. в рамках ряда политических, военно-стратегических и идеологических аспектов. Здесь проанализирован процесс выстраивания русской внешнеполитической

стратегии на Балканах относительно Черногории, в том числе с учетом роли, отводимой в русских стратегических планах Сербии. Кроме того, во второй главе продемонстрировано постепенное проникновение элементов панславистского дискурса из комплекса идей поздних славянофилов в тексты официального характера – планы, донесения, аналитические записки Генерального штаба (Главного штаба) Российской империи, где обсуждались вопросы взаимодействия с Черногорией в 1903–1912 гг.

В третьей главе русский политический курс на Балканах анализируется в контексте тревожных вызовов (альтернатив), зафиксированных в 1903–1912 гг. представителями русских миссий, с учетом их влияния на политическое развитие «малых» южнославянских государств, прежде всего Черногории. В качестве первого вызова рассматривается альтернативный и конкурентный по отношению к панславистскому национально ориентированный проект, возникший в рамках общественно-политического дискурса Австро-Венгрии – «триализм». В качестве второго вызова рассматривается сочетание социальных и национальных конфликтов, ставших почвой для альтернативы в виде «социалистической федерации». Социалистическое движение и связанные с ним политически мотивированные выступления в Черногории анализируются с учетом восприятия этих процессов русскими наблюдателями как проблемных для балканских интересов Российской империи.

Результаты исследования **апробированы** в следующих публикациях, выполненных соискателем единолично. По теме исследования опубликовано 9 научных работ, включая 3 публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК, общим объемом 2,66 усл. п. л.

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Рыхтик П. П. Идеи «триализма» в Австро-Венгрии в 1902–1914 годах как отражение институциональных принципов антикризисной политики //

Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – № 4. – 2017. С. 60–63. (0,46 усл. п. л.)

2. Рыхтик П. П. Социалистический панславизм в начале XX века: рецепция идеи «балканской федерации» в работах В. Я. Богучарского (Яковлева) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – № 2. – 2020. – С. 90–96. (0,81 усл. п. л.)

3. Рыхтик П. П. Элементы панславизма в официальных документах военного ведомства Российской империи начала XX века: условия проникновения // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Т. 67. – № 2. – 2020. – С. 25–36. (1,39 усл. п. л.)

Научные статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:

1. Рыхтик П. П. Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы // Русская политология. Russian Political Science. № 2. 2017. С. 57–64. (0,92 усл. п. л.)

2. Рыхтик П. П. Влияние малых внутренних акторов на систему взаимоотношений в буферных зонах на примере Черногории в 1902–1912 годах // III Международная молодежная научно-практическая конференция «Гармонизация международных отношений в условиях глобального общества». 22-я Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки): материалы докладов / Отв. за вып. И. Ю. Захарова. – Нижний Новгород: НРЛ, 2017. С. 297–300. (0,23 усл. п. л.)

3. Рыхтик П. П. Роль малых внутренних акторов в системе международных отношений в буферных зонах на примере Черногории в 1903–1914 годах // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2017». [Электронный ресурс URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10753/uid110608_report.pdf Дата обращения: 03.05.2017]. – 2017. – С. 1–2. (0,23 усл. п. л.)

4. Рыхтик П. П. Особенности призыва на воинскую службу лиц с

ограниченными возможностями в условиях милиционного принципа формирования вооруженных сил на примере Черногорской армии в 1903 году // Инвалиды – инвалидность – инвалидизация. Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. – С. 524–528. (0,29 усл. п. л.)

5. Рыхтик П. П. Формирование национального самосознания в Черногории на фоне борьбы Великих держав за влияние в Балканском регионе в начале XX в // Ценностные приоритеты и гражданская активность: рефлексии и реализация в науке, литературе и искусстве – от эпохи Н. А. Добролюбова до современности: сборник докладов Международной научной конференции «XLII Добролюбовские чтения» и Всероссийской научно-практической конференции «“В усадьбе, у себя, в раю...” (Усадьба: мир, миф и миг действительности)» / Под ред. Г. А. Дмитриевской, В. М. Строгецкого. – Нижний Новгород: 2018. – С. 121–125. (0,29 усл. п. л.)

6. Рыхтик П. П. Буферная зона? Черногория в пространстве противоречий Балканского региона (1902–1914) // Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание. Материалы международной научной конференции (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) / Под ред. А. Н. Маслова и А. В. Махлаюка. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – С. 205–211. (0,40 усл. п. л.)

Практическая и теоретическая значимость работы заключается в комплексном осмыслении системообразующих процессов русско-черногорских отношений и балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. Сделанные обобщения и выводы, а также представленный в диссертации материал можно использовать в исследовательской деятельности с целью дальнейшей разработки рассматриваемой проблемы в рамках исторической науки, а также в рамках смежных гуманитарных дисциплин: политологии, теории международных отношений и исторической

антропологии, в практической деятельности лиц и организаций, разрабатывающих вопросы международного сотрудничества.

Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при написании исследований по истории балканской политики России, в учебных заведениях при чтении общих и специальных курсов по Отечественной истории, Политической истории, Новейшей истории и иных связанных с рассматриваемой темой учебных дисциплин, а также в качестве материала для дальнейшей разработки актуальных проблем политической истории России.

Помимо этого работа восполняет ряд пробелов в постижении истории влияния русской панславистской идеологии на систему региональной политики на Балканах в период с 1903 по 1912 гг., а также по вопросам влияния русской политики на ход политического развития Черногории в тот же период.

Дальнейшие перспективы исследования данной проблемы связаны с дополнением и корректировкой представленных выводов новыми данными, а также с рассмотрением «буферности» Балканского региона в иных дисциплинах, таких, например, как экономическая наука[1]. Проблема перспективна и с точки зрения дальнейшей проверки гипотезы на опыте исследования иных «проблемных» регионов (современного Ирана[2] или Монголии[3]), лежащих на перекрестке сфер влияния крупных полюсов силы в системе международных отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русско-черногорские отношения в 1903–1912 гг. находились в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости с общими политическими целями Российской империи в Балканском регионе, в том числе на уровне

---

[1] *Максакова, М. А.* Тенденции развития экономического сотрудничества России и стран Западных Балкан: дис. канд. экон. наук / М. А. Максакова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М., 2015. – 257 с

[2] *Винокур, А. В.* От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране: 1900–1914: автореф. Дис. … канд. ист. наук / Винокур, А. В. – СПб., 2004. – 168 с.

[3] *Дудин, П. Н.* Становление государственности Монголии: первая половина XX в.: автореф. Дис. канд. полит. наук / Дудин, П. Н.;: Бурят. гос. ун-т.─ Улан-Удэ, 2012. ─ 170 с.

господствующего дискурса правящей элиты и деятелей русского военного ведомства в частности.

2. Для русской панславистской риторики был характерен специфический образ южнославянских «братских» народов, в частности черногорцев. Этот образ было принято описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность. С учетом такого восприятия южных славян выстраивался и курс русской балканской политики в 1903–1912 гг.

3. Поскольку панславистское восприятие южных славян в XIX – начале XX веков оказывало влияние на внешнеполитический курс России и на политическое развитие «малых» южнославянских государств, прежде всего Сербии, Болгарии и Черногории, этот феномен привлек к Балканскому региону специфическое внимание других «великих держав», чья политика в регионе вынужденно приобретала национальное идеологическое измерение. В частности, в Австро-Венгрии это вылилось в альтернативный «триалитический» проект консолидации Балканского региона под ее началом.

4. Спровоцированное русской политикой панславистского толка повышенное внимание к региону «великих держав» и прежде всего русско-австрийское соперничество на Балканах привели к тому, что «малые» южнославянские народы воспринимали главной угрозой Австро-Венгрию, но не Россию. Это сформировало ключевые особенности русско-черногорских отношений в 1909–1912 гг., а также создало условия для становления Балканского региона как проблемного узла системы международного взаимодействия с чертами «буферной зоны», ставшей пространством последующих кризисов международного значения.

5. Положение Черногории как «малого» «буферного» южнославянского государства в системе международных отношений Балканского региона в 1903–1912 гг., с учетом популярности панславистской риторики, предоставляло ее лидерам особые возможности по влиянию на

политику «великих держав» и прежде всего на балканскую политику Российской империи.

6. В условиях противоречивого развития новых государств на Балканах в конце XIX – начале XX веков их лидерами разрабатывались альтернативные национальные и наднациональные проекты региональной интеграции, отчасти созвучные дискурсу русского панславистского проекта, с исключением образа «старшей покровительницы – России» или трансфером такого образа на иные, значимые на региональном пространстве государства – Сербию или Болгарию.

ГЛАВА I. Особенности балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. в свете системного подхода

1.1. Проблема «буферных зон» в системах международного взаимодействия

Особенности «проблемных» регионов в системе международного взаимодействия уже достаточно давно находят отражение в политическом дискурсе. Ярким примером подобного рода дискурсивной «проблематизации» региона можно считать и Балканский регион, в конце XIX – начале XX веков получивший характеристику «порохового погреба Европы».

В своих воспоминаниях С. Ю. Витте писал, как 31 (18 по старому стилю) мая 1889 г. император Александр III за завтраком, что был дан в Большом дворце Петергофа после парада лейб-гвардии Конно-гренадерского и Уланского полков, произнес следующие слова: «Пью за здоровье князя черногорского, единственного верного друга России»[1]. Читая этот отрывок, невольно удивишься тому, что предстает в сознании при первичном, пусть и критическом, анализе его содержания. Глава империи, на тот момент уже длительное время бывшей одной из ведущих мировых держав, публично восхваляет свою дружбу с князем небольшого балканского государства. Более того, семантически подчеркивает, что у его империи нет иных «верных» друзей и союзников, кроме маленького балканского государства. Создается впечатление даже, что подобная реплика не может быть не чем иным, как открытым признанием неудачи российского внешнеполитического курса, в частности неспособности России найти достаточно сильных союзников. Такие слова, прямо или косвенно, снижают возможность появления новых союзников в среде государств, имеющих с Россией схожие интересы. Кроме того, Александр III превозносит роль одного своего союзника и принижает

[1] *Витте С. Ю.* Воспоминания (1849–1894). В 2-х тт. М., 1960. Т. I. Детство. Царствования Александра II и Александра III. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 420.

роль прочих, противопоставляет свою державу всему остальному миру, исключая лишь «верную» Черногорию. Но не менее удивительна и реакция общественности на эти слова. Когда известие о тосте облетело Санкт-Петербург и затем распространилось за рубежом, там оно вызвало не восторженное ликование в среде антироссийских сил или же поток насмешек в адрес российского монарха и его дипломатии, как можно было бы ожидать, но некое смятение и переполох[1]. Здесь уже приходится задаться вопросом о скрытых мотивах императора России и о том, что он хотел донести до сведущих лиц в правительствах своих европейских соперников. В чем же ценность маленькой балканской страны, не обладавшей на стыке девятнадцатого и двадцатого столетий[2] (и в начале столетия двадцать первого[3]) значительной долей ресурсов? Не случайно одним из спорных моментов в исторической балканистике остается вопрос о возможностях черногорской государственности претендовать на политическую субъектность без учета внешнеполитического фактора и, прежде всего, без последовательной помощи России[4]. Встает вопрос и о ценности других подобных малых политических образований, особенно когда они находят себе место в повседневной риторике лидеров гораздо более крупных политических сил. Как и почему лица, принимающие политические решения, воспринимают и преподносят подобные малые акторы в столь значимом ключе?

На первый взгляд кажется, что в сравнении с «великими державами» «малые» государства на Балканах имели второстепенное влияние на политику в регионе. В силу своего недостаточного, в сравнении с «крупными» полюсами силы, геополитического веса они были способны проводить не столько автономный и самостоятельный политический курс, сколько вынуждены выстраивать его в рамках политического курса ведущих держав и

---

[1] Там же. С. 420.
[2] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 46–54.
[3] Montenegro // CIA – The World Factbook – Country Comparison:: National product [Электронный ресурс] // URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/mj.html (Дата обращения: 12 октября 2020).
[4] *Хлебникова, В. Б.* Черногория: Феномен … – С. 5.

соизмеримо с их предписаниями. Однако подобный подход следует считать в недостаточной степени верным, так как определенное пространство для маневра, в том числе и влияния на полюса силы у политических лидеров «малых» государств, сохранялось.

Концепция, лежащая в основе части выводов данной работы, предполагает, что таковое влияние достигалось за счет системного характера международных отношений в начале XX века и вхождения Балканского региона в мировую систему в этот период в качестве отдельного элемента – подсистемы.

Выстраивая систему политического взаимодействия в рамках «проблемного» региона, полюса силы оказываются в ситуации не просто взаимодействия, но и взаимозависимости[1], становятся элементами единой системы. Это означает, что любое изменение, происходящее с малым государством, пусть даже в рамках его внутренней политики, будет влиять прямо или косвенно и на политику отдельного полюса силы. В рамках системного анализа политической истории «проблемные» регионы в системе международных отношений допустимо анализировать как «буферные зоны» – по аналогии с терминологией, используемой в естествознании: в химической термодинамике существует концепция, определяющая «буферные зоны» как зоны, способные оказывать влияние на сопредельные среды именно через изменение своих внутренних характеристик[2].

Этимология самого слова «буфер» в целом интуитивно понятна. Оно происходит от английского buff и дословно может переводиться как «буйвольная кожа», то есть кожа толстая, способная держать и смягчать удар[3]. Словарь Уэбстера начиная с редакции 1913 г. трактует существительное buffer как некий «эластичный механизм», нивелирующий последствия, вызываемые

---

[1] *Каплан, М.* Система и процесс в международной политике. // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 220–235.
[2] *Гроот, С. Р.* Термодинамика необратимых процессов. Изд.: М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы. – 1956. – С. 47.
[3] Buff // Etymology dictionary [Электронный ресурс] // URL:http://www.etymonline.com (Дата обращения: 07 сентября 2020).

столкновением тел[1]. Таким образом, изначально слово употреблялось в сфере, описывающей те или иные механические и технологические процессы, прежде всего при описании непосредственного функционирования тех или иных устройств, служащих для гашения или амортизации. Еще в «Большой советской энциклопедии» (1971) слово «буфер» и словосочетания с образованными от него прилагательными трактуются в сугубо техническом ключе[2].

Позднее в социальных теориях термин был условно перенесен на политические объекты и явления по принципу подобия. Конкретнее термин стал использоваться при описании ситуаций, когда та или иная территория служит точкой пересечения двух и более сил. Или же на ней расположена некая третья сила, препятствующая соприкосновению двух полюсов. Причем последнее часто было характерно для ситуаций, когда данная третья сила «спасает» два других полюса от необходимости непосредственно соприкасаться, сталкиваться между собой. Это играет на руку либо одному из них, не имеющему возможностей противостоять сопернику, либо обоим – в случаях, когда их силы тождественны и исход конфликта мало предсказуем. Такая ситуация выражена в термине «буферное государство». Помимо означенной роли «спасителя» определяющая черта буферного государства – явно выраженная политическая и экономическая слабость в сравнении с любым из государств-соперников либо с группой государств-союзников, составляющих один из полюсов силы. Хотя сам этот термин в России уже вошел в некоторые специализированные словари политических понятий[3], однако ему не нашлось места в ряде других, нацеленных на более широкую аудиторию[4].

---

[1] Buffer // Webster's Revised Unabridged Dictionary (G & C. Merriam Co., 1913, edited by Noah Porter) [Электронный ресурс] // URL:http://www.lexicon.x10host.com (Дата обращения: 05 сентября 2020).
[2] Буфер // М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 471. – (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; 1969–1978, т. 4).
[3] Буферное государство // Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко, 1999. [Электронный ресурс] // URL:http://www.slovarnik.ru. (Дата обращения: 05 сентября 2020).
[4] Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 2–3.

Тем не менее понятие «буферная зона» следует трактовать шире, нежели «буферное государство». «Буферными» часто называют не только отдельные страны, но и целые регионы. Хотя такие зоны нередко сами состоят из нескольких автономных государств, способных к ведению самостоятельной внешней политики, но в рамках геополитического дискурса они все равно рассматриваются полюсом силы как целостный феномен.

Достаточно часто использовал термин «буферная зона» Збигнев Бжезинский в работе «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)». Здесь проводится анализ влияния третьей силы на ход межполюсного противостояния (для характеристики международного положения Китая и России). Так, автором предсказывается, что в силу недостаточного экономического потенциала со временем Россия превратится в «буферную зону», разделяющую экономические зоны влияния Китая и стран Запада[1].

Мортон Каплан в своей известной теории о шести типах международных систем[2] выделяет «гибкую биполярную систему»[3]. Этот тип один из немногих, признававшихся самим М. Капланом как существовавший какое-то время в действительности, соотносился с периодом Холодной войны. Процессы, описанные М. Капланом в отношении этой системы, схожи с процессами, характерными и для «буферных зон». И при рассмотрении международной системы в этом ракурсе видно, что явления «буферных зон» и аналогичные им способствуют большей «гибкости» и «мягкости» международной системы.

Другим исследователем, в трудах которого встречаются представления о «буферных зонах», является Гетфрид Мюнклер[4]. Теория Мюнклера выстраивается на основе аналитики множества исторических кейсов, и на

---

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. – С. 141.
[2] *Цыганков, П. А.* Мортон Каплан и системное … – С. 25-27.
[3] *Каплан, М.* Система и процесс … – С. 220–235.
[4] *Мюнклер, Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л. В. Ланника под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника – М.: Кучково поле, 2015. – С. 296.

протяжении всей книги он обращается к описанию явлений разносторонне охватывающих проблематику «буферных зон». Подобно З. Бжезинскому, он связывает различные «буферные» процессы с международной системой, в которую встроен Китай. Однако взгляд Мюнклера отличается рассмотрением самого Китая как срединной, связующей империи, а не каких-либо из его соседей[1]. Также Мюнклер упоминает, как еще в эпоху Римской империи в оборонительных целях на границах с территориями варваров римлянами создавались и поддерживались небольшие вождества[2].

Примечательно замечание Г. Мюнклера о том, что периферия, лежащая вне границ имперских держав, нередко играет «инициирующую роль»[3]. Желая получить те же блага, которыми обладает население крупной империи, периферия может спровоцировать постепенное добровольное вхождение в состав такой державы или, в силу таких воззрений, оказывать проникновению имперских институтов на свою территорию относительно слабое сопротивление[4]. По словам Мюнклера, на центр империи, представляющей собой один из полюсов силы, значительное влияние способны оказывать, а в отдельных случаях провоцировать достаточно крупные военные конфликты, вызовы, исходящие со стороны имперской периферии[5]. Когда же на таком периферийном пространстве пересекаются сферы влияния двух и более имперских миров, по мнению Мюнклера, возрастает вероятность малых конфликтов, критическая масса которых со временем приводит к большой войне[6]. Необходимостью стабилизации и порядка в регионах, примыкающих к имперским границам, Мюнклер склонен оправдывать вынужденное прямое вторжение в такие зоны любыми, даже военными средствами[7]. Отдельно говорится о миротворческом влиянии для отдельных регионов со стороны

[1] Там же. – С. 124.
[2] Там же. – С. 182.
[3] Там же. – С. 30.
[4] Там же. – С. 81.
[5] Там же. – С. 67-68, 173.
[6] Там же. – С. 199–201.
[7] Там же. – С. 295.

внешней силы.[1] Термин «буферная зона» употребляется Мюнклером применительно к региону Восточной Европы в его современном положении. И здесь автор рассуждает о необходимости искусственного укрепления этого «буфера», по-видимому, склоняясь к приемлемости такого сценария[2].

Как значительный исследовательский вклад Г. Мюнклера следует выделить два концептуальных аспекта. Первый связан с изменением семантики границ в современную эпоху и замены старых границ «приграничными пространствами»[3]. Такие пространства шире по своему территориальному охвату, нежели старые границы. Они замыкают на себя многие международные процессы, но действуют исходя уже из новых принципов и нередко превращаются в конфликтные регионы или «буферные зоны». Второй аспект касается перехода противоборства сил в современную эпоху из географических пространств в измерения менее материальные, а именно в зоны информационных и денежных потоков и наукоемкие сферы[4]. Как следствие, в процессе борьбы за эти потоки, в этих измерениях способны возникать уже «буферные зоны» в новом, постмодернистском понимании, но выполняющие те же функции смягчителей, стабилизирующих систему.

Таким образом, если относительно начала XX века еще можно говорить о наличии «буферных зон» в международных системах в контексте прежде всего географического пространства, то в современную эпоху данный феномен все больше транслируется в виртуальное пространство, и термин «буферная зона» приобретает специфические конструктивистские черты. То есть будут иметь значение социальные структуры специфического ментального характера, которые Б. Андерсом в свое время были обозначены под термином «воображаемые сообщества»[5].

---

[1] Там же. – С. 84.
[2] Там же. – С. 296.
[3] Там же. – С. 180, 299.
[4] Там же. – С. 217.
[5] *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 25–27.

В отечественных исследованиях также есть работы, описывающие характерные для «буферных зон» процессы. Здесь следует вспомнить труды В. Л. Цымбурского и разработанную им в рамках геополитического анализа теорию лимитрофов[1]. Под лимитрофами в общем смысле обычно понимаются государства или регионы, разделяющие геополитическое пространство «великих держав» и использующиеся ими для достижения своих геополитических целей.

В работе А. В. Михалева «Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы» 2013 г. приводится взгляд на современное монгольское государство как на ключевой элемент системы межполисного взаимодействия в Азии. Монголия становится инструментом сглаживания противоречий и установления равновесия в треугольнике Россия – Китай – США, то есть трансформируется в «буферную зону» азиатского и мирового геостратегического пространства. Особое внимание в работе отводится автором на рассмотрение роли инструментов неформального влияния. Подчеркивается, что в современном мире нивелируется значение военного присутствия как инструмента непосредственно силового, и он преобразуется в один из рычагов проведения политики «мягкой» силы[2].

При изучении общественно-политических процессов исследователю необходимо помнить, что и массы, и отдельные лица, принимающие политические решения, соизмеряют свое поведение и выстраивают цели своей деятельности, соотносясь не столько с некими объективными или в достаточной степени реальными условиями, событиями, сколько с некими конструктами, образами этих событий. Данные образы кажутся массам и лидерам в достаточной степени реальными, что приводит к установлению в общественно-политических процессах высокой доли «симулятивности». О

---

[1] *Цымбурский, В. Л.* Россия – Земля за великим лимитрофом: Цивилизация и геополитика. М., УРСС, Изд. 2, 2010. – С. 54.

[2] *Михалев, А. В.* Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / науч. ред. Д. И. Бураев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. Ун-а, 2013. – С. 8–10, 159–206.

роли симуляций и симулякров в конструировании актуальной реальности упоминал, в частности, Ж. Бодрийяр[1].

Открывается простор для воздействия на общественное сознание и поведение через использование прежде всего средств массовой информации, но также и иных каналов массовой и межличностной коммуникации. В процессе такой манипуляции большое значение приобретает фактор апелляции именно к острым, эмоционально окрашенным стереотипам массового сознания. Отдельное место в этом процессе коммуникации занимают исторические образы социально-политических процессов, а также различные социально-политические учения. Особенно те учения, что приобрели широкую известность в ходе своего «дискурсивного бытия» в прошлом. Сам факт популярности подобных учений служит целям оправдания их рациональности в массовом сознании. В этой связи исследования истории возникновения подобных учений, а также особенностей закрепления этих учений в массовом сознании в виде системы стереотипов имеют не только высокую приоритетность, в том числе и в рамках исторической науки, но и приобретают все более возрастающую актуальность по мере технического и технологического развития средств массовой коммуникации в последние полтора столетия.

Особенно остро означенная проблема встала перед исследователями общественных явлений еще в XX веке, который некоторыми авторами, такими как Г. Лебон[2], Ж.-Г. Тард[3], С. Московичи[4] и Д. В. Ольшанский[5], был прозван «веком толпы» или «эрой масс». Соответственно, в этих условиях проблема эмоционально окрашенного и некритического восприятия различных социально-политических явлений окончательно вышла на макроуровень анализа всех аспектов социокультурного бытия и в известной мере стала

---

[1] *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – С.13–42.
[2] *Лебон, Г.* Психология народов и масс. – СПБ.: Макет, 1995. – С. 36–54.
[3] *Тард, Габриэль де.* Общественное мнение и толпа [Текст]: перевод с французского / Г. Тард ; под ред. П. С. Когана. – Изд. 2-е. – Москва: ЛЕНАНД, cop. 2015. – С. 23–56.
[4] *Московичи, С.* Век толп. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996. – С. 17–34.
[5] *Ольшанский, Д. В.* Психология масс. – СПб: Питер, 2001. – С. 20–34.

затрагивать проблематику любой темы в рамках общественных и гуманитарных наук.

Не менее важна рассматриваемая нами проблема и при анализе явлений прошлого. В поддержку этого тезиса можно привести ряд аргументов.

Во-первых, в текущей отечественной и зарубежной научной парадигме господствует принцип историзма. Он предписывает исследователю рассматривать любые объекты его научной проблемы как изменяющиеся с течением времени. Из этого следует, что без достаточно вдумчивого и планомерного исследования исторических корней и причин того или иного явления невозможен сам по себе грамотный анализ и оценка связанных с ним социально-политических событий, происходящих в настоящем.

Во-вторых, вопросы исторического прошлого тесно связаны с аспектами национальной идентичности. Образ прошлого есть важный компонент картины мира, которую необходимо конструировать и поддерживать, и она, в свою очередь, дает почву для идентификации своего «Я» в рамках социальной общности – «Мы».

В-третьих, без выстраивания четкой и выверенной картины прошлого и вслед за ней настоящего невозможно формирование картины будущего. Так как в эпоху модерна возобладала так называемая линейная картина восприятия времени, то для ее стабильности нужно, чтобы в рамках представлений, образов времени в умах людей помимо точек «прошлое» и «настоящее» существовал и образ «будущего». Согласно Г. Теджфеллу, этот фактор в первую очередь связан также с проблемой идентичности[1].

В условиях «эры масс»[2] любой достаточно укорененный в структуре общественного мнения образ становится стереотипом. И уже как стереотип он оказывает значительное воздействие на весь ход общественных и политических процессов. При этом в руках политических элит, имеющих

---

[1] *Tajfel H.* Instrumentality, identity and social comparisons // H. Tajfel (ed.). Social identity and intergroup relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1982. P. 483–507.
[2] *Московичи, С.* Век толп. … – С. 23–40.

рычаги давления на СМИ или прямые механизмы их использования, находится крайне эффективный инструмент манипулирования общественным мнением, а значит, и всем обществом[1]. В крайнем случае, если у них и не получится влиять на то, что люди будут думать, они могут вполне успешно регулировать то, что общество в широком смысле способно узнавать. И этот фактор контроля информации уже значительно ограничивает автономию общества в системе его взаимоотношений с институтом государства. Далее в данной главе будут рассмотрены случаи использования медийного механизма влияния в условиях претворения русского политического курса на Балканах, в частности в Черногории, с учетом внешнеполитического противостояния России и иных «великих держав», прежде всего Австро-Венгрии.

При сравнении использования средств массовой информации сегодня и в процессах политического взаимодействия России и Черногории в 1903–1912 гг. выделяется ряд специфических черт. Поскольку массовые газеты приобрели широкое значение в процессе воздействия на сознание крупных рассредоточенных аудиторий уже к концу XIX века[2], неудивительно, что случай использования газет с целью дестабилизации обстановки в «буферном» регионе можно найти и применительно к объектам исследования данной работы. 27 июня 1912 г. в 13010-м номере русской политико-экономической газеты «Биржевые ведомости» была помещена статья «Черногорские министры-эмигранты», выставлявшая в негативном свете русскую миссию в Черногории и лично русского военного агента Н. М. Потапова[3]. Со слов эмигрировавших из Черногории в Белград бывших черногорских министров майора Гаталло, Митара Джуровича и Михаила Ивановича, русская миссия обвинялась в растратах военных субсидий. В ответ на это Потапов пишет письмо в редакцию газеты «Новое время» с просьбой опубликовать

[1] *Ольшанский, Д. В.* Психология масс. … – С. 33–45.
[2] *Тард, Габриэль де.* Общественное мнение и толпа. … – С. 23–56.
[3] Рапорт Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба о статье в № 13010 «Биржевых Ведомостей» // РГВИА ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3198. Л. 40.

развернутое опровержение приведенных в «Биржевых ведомостях» слухов[1]. Однако интересен и неопубликованный рапорт Потапова, направленный начальнику Генерального штаба, к которому и было приложено упомянутое письмо[2]. В нем военный агент особо напирает на поруганные «честь и достоинство» не только самого Потапова, но и всего русского офицерства. Он просит у начальства разрешения направить письмо в редакцию «Нового времени», а фактически испрашивает помощи и содействия в том, чтобы данное письмо или его тезисы вышли в печать. Это влечет за собой не только желание со стороны Главного управления Генерального штаба опровергнуть порочащие Потапова слухи, но и выступить с предложением повысить его содержание как военного агента, которое совсем не так «огромно», как представляется в печати[3].

Однако опровержения и желание выставить статью в «Биржевых ведомостях» клеветой не помогли сгладить эффект от информационного повода. В сербских и черногорских газетах публикуются статьи, пересказывающие тезисы из статьи «Черногорские министры-эмигранты» с прибавлением художественных образов и метафор. Русская миссия прямо обвиняется в причинении Черногории «огромного зла» и в попытках подчинения черногорского правительства, посредством прямых денежных дотаций или же просто подкупа[4]. Отметим, что происходит это в момент общего ослабления русского влияния, в связи с началом в 1912 г. Балканской войны и фактической денонсации русско-черногорского военного соглашения со стороны Черногории[5]. Клеветнические публикации в газетах, только

---

[1] Письмо Н. М. Потапова редактору газеты «Новое время» в связи с появлением в газете «Биржевые ведомости», порочащей его имя и честь корреспонденции. // Н. М. Потапов Т. 1. – № 337. – С. 574–579.

[2] Рапорт Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба о статье в № 13010 «Биржевых Ведомостей» // РГВИА ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3198. Л. 40.

[3] Записка Главного управления Генерального штаба с опровержением статьи в «Биржевых ведомостях» о деятельности Н. М. Потапова. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 338. – С. 579–580.

[4] Статьи «Министри-емигранти. Разговор г. Березовского с црногорским министрима-емигратима о Црной Гори и Русийи», «Страховито открите. Граф Вите оптужуе Краља Николу». // РГВИА ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3198. Л. 36–37.

[5] Рапорт Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому об обращении Черногории к великим державам с просьбой о посредничестве в урегулировании турецко-черногорского конфликта // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 344. – С. 583–584.

нагнетали негативный фон и усиливали недовольство друг другом в среде недавних союзников.

В завершение всего приведенного анализа предложим свой взгляд на определение «буферной зоны» в рамках системного подхода к анализу процессов мировой политики. Под словосочетанием «буферная зона» подразумевается специфические территории, образующиеся, как правило, вне номинальных границ государств, представляющих собой два и более конкурирующих полюса силы в зонах взаимного пересечения сфер влияния этих полюсов. Своим существованием такие зоны способствуют складыванию сбалансированной системы неконфликтного сосуществования полюсов силы, тем самым предохраняя обозначенные полюса от непосредственного столкновения. В свою очередь внутри самих этих зон нередко возникают относительно автономные малые акторы, проводящие собственный политический курс во взаимодействии с политикой, проводимой полюсами силы.

Здесь особо важно подчеркнуть, что вопреки преобладающему преставлению факт образования «буферной зоны» не только не означает само по себе образование зоны конфликтной, но, напротив, зоны способной нивелировать таковой конфликт либо перевести его в состояние скрытого противостояния невоенными средствами.

Иным вариантом влияния на «крупный» полюс силы может быть проведение «малым» актором политики «лавирования» с попеременным сближением то с одним, то с другим полюсом или даже просто угроза подобного метания. Подобные явления тоже были характерны и для Балканского региона в 1903–1912 гг. или для политики Югославии в условиях межблокового противостояния после Второй мировой войны, вплоть до утверждения концепции неприсоединения. В частности, в дневниках Н. М. Потапова от 1914 гг. содержатся наблюдения за политикой и настроениями короля Черногории Николы, сопряженные с его метаниями между интересами двух противоборствующих блоков – Антанты и

Тройственного союза. Это, по мнению военного агента, было вызвано страхом, характерным именно для политических верхов Черногории, потерять все возможности к проведению независимой от России, Австро-Венгрии и даже Сербии политики[1].

Кроме того, возможна дестабилизация и расшатывание системы со стороны «малых» государств посредством неподчинения, установленным в ней нормам и правилам политического взаимодействия.

В целом процесс взаимодействия полюсов силы в рамках «буферных зон» можно описать в трех основных формализованных моделях.

Первая модель предполагает непосредственное участие отдельного полюса силы в процессе создания «буферной зоны», обычно с военно-стратегическими целями. Она полностью подчиненна интересам создавшего ее полюса силы, по крайней мере в первое время своего существования. Кроме того, это позволяет вести основные военные действия против соперников, не проливая крови собственных солдат, а в основном «чужими руками». В качестве преимуществ использования подобной оборонительной тактики нельзя не отметить также существенное сокращение военных расходов на определенном участке границ и возникающую в этой связи возможность направлять средства казны на прочие нужды. Непосредственную тяжесть ведения военных действий несет на себе население данных территорий в лице марионеточного правительства. Как правило, экономическое и политическое положение такого региона напрямую зависит от состояния экономики и политической ситуации в полюсе силы. Даже в случае, если внутриполитическое положение в полюсе силы не сопровождается серьезными проблемами, смена внешнеполитических задач естественным образом может повлечь потерю интереса к сохранению контроля над «буферной зоной». Тогда акторы, сложившиеся в такой зоне и лишившиеся внешних материальных вливаний и прямого политического влияния,

[1] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 596–603.

становятся либо обреченными на гибель, либо, напротив, с исчезновением барьеров, прежде удерживавших их внутренний потенциал, усиливаются и превращаются в автономный политический актор. Подобной же зоной, правда, скорее экономического, чем военного характера, можно считать территорию Ассирии с ее столицей Ниневией по отношению к первой месопотамской цивилизации[1]. Этот случай также иллюстрирует случай, когда усилившаяся бывшая «буферная зона» становится по силе сначала равной, а затем и превосходящей тот полюс силы, от которого она в свое время отделилась.

Вторая модель выстраивается с участием нескольких мощных держав в ходе колебаний их силы и расширения зоны влияния. С постепенным расширением границ полюсов силы происходит взаимное пересечение сфер их влияния и образование здесь препятствующей прямому столкновению «буферной зоны». В таких зонах ярко выражена культурная и политическая эклектика, вбирающая черты, характерные для расположенных рядом полюсов, и порождающая собственные уникальные явления. Особой характеристикой политики полюсов силы в «буферной зоне», образовавшейся по такой модели, является то, что ни один из них не будет иметь решающего преимущества в своем влиянии по отношению к другим. В противном случае происходит постепенное вытеснение влияния прочих полюсов, полное включение зоны в состав наиболее сильного политического актора и утрата ею «буферности». Под такой «буферной зоной» возможно рассматривать Балканский регион в Европе как минимум с начала классического Средневековья и непосредственно в контексте международной системы начала XX века. Одним из важных аспектов, определявших черты данной зоны, были процессы политического взаимодействия России как важного геополитического полюса силы и Черногории как южнославянского государства, достаточно рано начавшего успешную борьбу с османским игом.

[1] *Мочалов, М. Ю.* Ассирийская держава. От города-государства – к империи. М.: Вече, 2015. – С. 20–31.

Третьим путем можно считать процесс возникновения в определенный момент нового актора или значительное усиление роли старого, после чего он начинает играть в политическом взаимодействии полюсов силы роль «буферной зоны». Такая модель характеризуется минимальным участием полюсов силы в создании «буферной зоны» либо отсутствием такового участия вообще. «Буферная зона» может возникнуть самостоятельно, где-то на периферии двух соперничающих полюсов силы. Поскольку она постепенно набирает мощь и влияние, первоначально такая «буферная зона» будет значительно слабее и на определенном этапе включится в процесс межполисного противостояния в подчиненной форме, выступая дополнительной площадкой в противостоянии двух и более полюсов, причем до определенного момента достаточно незначительной. Спасительная роль такой зоны как «буферной» также будет выражаться крайне слабо. Скорее всего, таковая роль сведется к отвлечению части ресурсов полюсов силы, оттягиванию момента их накопления и развязывания между ними полномасштабного конфликта.

В качестве такой «буферной зоны» можно назвать территорию северных и южных Нидерландов в противостоянии ведущих держав в Европе (Англии, Франции, Испании, государства Габсбургов)[1] с момента распада Бургундского королевства вплоть до конца Второй мировой войны. В Азиатском регионе в течение XX столетия подобной «буферной зоной» предстает Монголия[2]. Близость к Российской Федерации и Китаю как к двум основным полюсам силы азиатского региона, значительная зависимость от внешней помощи и сильное присутствие за счет инструментов «мягкой» силы, здесь США, сделало современную Монголию, по мнению исследователя

[1] *Чистозвонов, А. Н.* Нидерландская буржуазная революция XVI века / отв. ред. проф. Сказкин С. Д. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – С. 140.
[2] *Дудин, П. Н.* Становление государственности Монголии … – 170 с.

А. В. Михалева, одним из важнейших элементов системы взаимодействия в региональном и глобальном измерениях[1].

В завершение следует оговориться о ситуациях в системе международных отношений, диаметрально противоположных описанным моделям. Речь идет о случаях, когда фактические границы соперничающих государств или блоков не имеют какого-либо разделения. Подобные линии, лишенные «буфера-смягчителя», неизбежно становятся местом преткновения, зоной военного и идеологического противостояния всех внутренних сил государств-соперников и их союзников. Наиболее показательным примером подобных границ может служить история Берлинской стены периода Холодной войны и ореол, окружающий ее образ в сознании европейцев вплоть до наших дней.

Разумеется, применение охарактеризованных выше моделей политической науки к историческому исследованию имеет свои ограничения, связанные, во-первых, с теоретическими притязаниями на некую универсальность и, во-вторых, с необходимостью адаптировать выводы под особые условия, существующие в конкретном случае.

1.2. Особенности балканской подсистемы международного взаимодействия в 1903–1912 гг.

Рубеж XIX–XX веков стал особым переходным периодом в истории стран Европы, а во многом – и всего мира. Европейцы переживали эпоху культурного и технического расцвета, ими свершались великие научные открытия, они могли в считаные месяцы обогнуть земной шар и познать, как казалось, все основы мироздания. Конец столь мощному европоцентричному настроению будет положен с наступлением глобального военного, политического экономического кризиса, известного как Первая мировая

[1] *Михалев, А. В.* Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. … – С.8–10.

война, имевшая куда более масштабный характер, нежели какая-либо, проходившая ранее. Она вовлекла в противоборство огромное число стран. По сей день отголоски звучавших в ту пору выстрелов теребят память ныне живущих поколений.

Мало кто мог предвидеть масштабы войны, разразившейся в 1914–1918 гг. в Старом Свете и столкнувшей в жестоком противостоянии «великие державы» того времени. В первую очередь это были представители правящей элиты этих стран, наиболее в этой войне заинтересованные. Лица, принимающие политические решения в высших эшелонах власти, осознавали неотвратимость этой войны[1]. Война, как им виделось, должна была стать финалом шедшей тогда гонки вооружений и борьбы за сферы влияния[2]. Основная же часть населения стран Европы в то время о грядущей войне не думала[3].

В начале XX века для Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Франции и России особо остро встала проблема вооруженного передела мира[4]. Окончательно оформились два крупных военно-стратегических блока – Тройственный союз и Тройственное согласие. «Великие державы» вели масштабную подготовку к предстоящему военному конфликту[5]. Хотя одним из центральных «проблемных» регионов международной системы становились Балканы[6], первыми сигналами нарастания международной напряженности послужил на рубеже веков ряд колониальных конфликтов вне пространства Европы[7]. Относительно же пространства конкретно Балканского

---

[1] *Виноградов, В. Н.* 1914 год: Быть войне или не быть? / В.Н. Виноградов // Новая и новейшая история. – 2004. – № 6. – С. 17–25.
[2] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 43.
[3] Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. Ред. Г. Д. Шкундин. // Мировые войны XX века: В 4-х кн. / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – Кн. 1. – С. 21–100.
[4] *Clark, C.* Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012. – P. 23–27.
[5] *Taylor, A.* The struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford, 1954. – P. 5–15.
[6] *Писарев, Ю. А., Мальков, В. Л.* Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. / сборник статей. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
[7] *Дроговоз, И. Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. / И. Г. Дроговоз. — Мн.: Харвест, 2004. – С. 12–27.

региона в канун Первой мировой войны выделяются Балканские войны 1912–1913 гг., нашедшие широкий отклик в русском обществе[1].

К началу XX века Балканы все труднее было представлять как единое целое. Разумеется, с географической или военно-стратегической точки зрения Балканский полуостров мыслился таковым лицами, приближенными к процессу принятия решений в русском Генеральном штабе[2]. Тем не менее при выработке решений ими учитывались различия политического, конфессионального, этнического характера. Таким образом, с одной стороны, Балканский регион виделся как группа разобщенных и слабо тяготеющих друг к другу территорий. С другой стороны, к концу XIX века в европейском сознании уже сформировалось обобщенное пространственное представление о Балканах как особой зоне пересечения культурных и политических противоречий[3].

Подобной ситуации способствовал целый ряд факторов, связанных как с внутренней исторической спецификой Балкан, так и с тем, что в 1903–1914 гг. полуостров стал ареной противоборства «великих держав». Каждая из них стремилась или установить над Балканами свою финансовую либо военную гегемонию, или же полностью присоединить к своей державе часть территорий полуострова[4]. В отечественной балканистике в большинстве случаев отмечается, что политика «великих держав» в Балканском регионе велась не tête-à-tête по схеме: «великая держава – Балканский регион / отдельное государство», но всегда с учетом присутствия третьих сил[5] . По сути, в то время Балканский регион был именно полем борьбы «великих держав», а политика в отношении отдельных государств региона на этом фоне

---

[1] *Виноградов, В. Н.* За балканскими фронтами Первой мировой войны – М.: Издательство «Индрик», – 2002. – С. 4–6, 8–13.; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. – С. 30–43.

[2] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил Балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 30–43.

[3] *Todorova, M.* Imagining the Balkans. … – P. 10–35.

[4] *Косик, В. И.* Гордиев узел Балкан // Македония: проблемы истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 59–71.

[5] *Вишняков, Я. В.* Военный фактор … – С. 67.

имела второстепенное значение. В качестве исключения здесь возможно привести только политику Российской империи[1] и Австро-Венгрии[2], на чем в настоящем исследовании делается отдельный акцент.

Значительную роль играл географический фактор. Крупный Балканский полуостров сильно выдвигается из материка на юго-востоке Европы. В геологическом рельефе на территории полуострова доминируют горы – от Динарского нагорья до гор Пелопоннеса и нагорий Болгарии. Само название Балканского полуострова идет от турецкого Balkan или «большая, высокая горная цепь, поросшая лесами»[3]. Причудливыми изгибами горных цепей образуются также редкие равнины, обычно по окраинам полуострова и в межгорных котловинах. Таким образом, между различными землями полуострова возможно установление каких-либо сухопутных связей лишь через небольшое количество узких горных перевалов, а порой и невозможно вообще. Контроль над этими путями позволяет небольшому государству с пусть даже малочисленной армией вести длительную и успешную оборону против превосходящих сил неприятеля. С точки же зрения завоевателя контролировать горные территории гораздо сложнее, нежели пространство равнин. Крупная судоходная река – Дунай – протекает только на севере региона и, будучи удобной торговой артерией, завязывает на себя экономически все земли, выходящие к ней. Практически полное отсутствие на юге больших судоходных рек и слабое развитие в начале XX века современной морской инфраструктуры, прежде всего крупных оборудованных портов, а также достаточного количества железных дорог, напротив, не позволяли связать данные территории в единую экономическую зону.

Следующий фактор – экономический. Ценные полезные ископаемые встречаются редко. Основной статьей производства и экспорта Балканских

---

[1] *Курјак, Ј.* Русија и Балкан изменъу прошлости и реалности. // Русска политика на Балкану: зборник радова / уредник јелица Курјак. – Београд: Институт за Международну политику и привреду, 1999. – С. 79–93.
[2] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 15.
[3] *Мурзаев, Э. М.* Словарь народных географических терминов. 1-е изд. — М., Мысль, 1984. – С. 32.

стран в это время выступают продукты сельского хозяйства[1]. Согласно общим законам экономики, на сельскохозяйственном рынке практически отсутствуют условия для появления крупного монополиста, способного подчинить себе экономически всех прочих, по этой причине тенденции к естественному складыванию внутреннего рынка не имеют достаточной силы[2]. В итоге объединение рынка становится возможным навязать лишь действием «сверху». Кроме всего прочего в начале XX века и до Первой мировой войны Балканы были регионом, куда активно ввозился европейский капитал[3], и в этой ситуации крупным капиталистическим странам Европы становилось гораздо выгоднее поддерживать разобщенность отдельных Балканских стран для проведения более эффективной экономической экспансии. В данном факте для «малых» Балканских государств, таких как Сербия, Болгария, Греция, Румыния или Черногория, заключались две значимые возможности. С одной стороны, для отстаивания своей национальной автономии или полной независимости, обеспеченной определенной экономической базой им было достаточно находить опору в союзе с крупными капиталами одной из «великих держав». А чтобы предотвратить чрезмерное подчинение экономики «малого» государства крупному внешнему капиталу определенной страны, достаточно было периодически обращаться к представителям других «великих держав». Подобная картина описывается Н. М. Потаповым относительно усиления присутствия итальянского капитала в Черногории в 1906-1907 гг.[4], что даже вызвало в Главном штабе дискуссии по вопросу о целесообразности продолжать русские военные субсидии[5]. С другой стороны,

---

[1] *Писарев, Ю.А.* Великие державы и Балканы … – С. 46–54.
[2] *Гришина, Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). - М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. - С. 76–80.
[3] *Писарев, Ю.А.* Великие державы и Балканы … – С. 26-35.
[4] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С.32–36, 66–67.
[5] Доклад Г. Н. Данилова В. А. Сухомлинову о вызове в Петербург Н. М. Потапова с целью пересмотра военной субсидии Черногории / Записка Главного управления Генерального штаба о размерах военной субсидиии Черногории на период с 1910 по 1914 гг. и условиях предполагаемого русско-черногорского военного соглашения / Рапорт Н. М. Потапова генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Г. Н. Данилову о нецелесообразности дальнейшего сокращения военной субсидии Черногории / Доклад Главного управления Генерального штаба В. А. Сухомлинову о необходимости увеличения военной субсидии Черногории и роли ее армии в случае войны с Австро-Венгрией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 217, 219, 221–222. – С. 404, 406–410, 412–414.

этот же фактор определял основы экономических противоречий и политических решений, препятствующие консолидации «малых» Балканских государств.

Значительную роль играет и историко-культурный фактор. С точки зрения цивилизационного подхода Балканский полуостров предстает уникальной контактной зоной. Здесь встречаются и переплетаются культуры сразу трех «цивилизационных миров»: европейского протестантско-католического, евразийского православного, лидирующие позиции в рамках которого с конца XV века стала занимать Россия[1], и ближневосточного мусульманского. Таким образом, здесь в ходе исторического развития формировались целые религиозно-культурные анклавы, многие из которых сохраняются по сей день[2].

Подобная культурная эклектика, конечно, не могла не привести к складыванию ряда принципиальных и подчас неразрешимых противоречий, образующих в конечном итоге множество центробежных сил в различных областях региона. Кроме того, это стало благодатной почвой для проведения различных спекуляций с целью этноконфессиональных мобилизаций.

На сравнительно небольшой территории Балканского полуострова проживает множество народов и народностей как южнославянских (сербы, словенцы, болгары, черногорцы, боснийцы, македонцы), так и народов тюркоязычных, а также албанцы, греки, румыны и венгры. Размытые этнические границы давали возможность радикально настроенным политическим силам, как правило, националистического толка, выступать с грандиозными популистскими проектами «великих» национальных государств, «великих» Болгарии, Албании, Сербии, Черногории и так далее[3].

---

[1] Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Нонпарель, 2010. – С.18–45.
[2] *Задохин, А. Г., Низовский, А. Ю.* Пороховой погреб Европы. – М.: Вече, 2000. – С. 5.
[3] История Сербии и Черногории: Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия. / [Сост. Сергей Шумов и Александр Андреев]. - М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – С. 207–215.

Не удивительно, что сегодня, когда каждое государство региона является национальным (исключение Босния и Герцеговина), в каждом из них существуют подобные движения, и на просторах сети Интернет периодически возникают карты будущих «великих держав». И сегодня, когда на Балканах сохраняется очаг международной напряженности, и в начале XX столетия этот фактор имел большое значение в рамках балканской «буферной зоны». Во-первых, национальный вопрос часто выступал ключевым в деле формирования балканской политики «великих держав», прежде всего Австро-Венгрии и Российской империи[1]. И, во-вторых, в различных ситуациях и при определенном дискурсивном переосмыслении его различными политическими кругами как самих балканских государств, так и «великих держав», он достаточно быстро мог превращаться из деконсолидирующего фактора в риторический феномен, служащий делу всебалканского единства.

В конце XIX века от начинающей ослабевать Османской империи на Балканах отделяются ее национальные окраины, и в итоге образуется ряд новых национальных государств. В рамках защиты собственных национальных интересов[2] правящим классом новых государств осознавались следующие задачи, стоящие перед ними. Во-первых, отстаивание своей независимости, вплоть до вооруженной борьбы за нее. Во-вторых, продолжение борьбы с Турцией и расширение собственных территорий. По вопросу разделения территорий слабеющей Порты между самими молодыми странами существовали определенные противоречия, а их неразрешенность в 1913 г. привела к развязыванию Второй балканской войны за передел отошедших к Болгарии территорий. И, в-третьих, в условиях постоянного сильного влияния ведущих держав на политику Балканских государств последние были вынуждены в силу своего шаткого положения прибегать к

[1] Анонимный словенец – Российскому правительству. 25.4.1902. // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914г.) – № 28. – С. 98–99.
[2] Мировая политика и международные отношения/ Под. ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова – СПб.: Питер, 2007. – С. 51–68

стратегии лавирования между двумя военно-стратегическими блоками, принимая дивиденды с обеих сторон и посылая им обещания дружбы и сотрудничества. Напротив, окончательное принятие одной из сторон влекло неминуемое полное подчинение малого государства влиянию одного блока, вплоть до полной потери независимости. Черногория в самом начале XX века была склонна к использованию подобной тактики. Вплоть до Боснийского кризиса 1908–1909 гг. князь Черногории Никола метался меж двух полюсов, с обозначением же угрозы австрийской экспансии он был вынужден пойти на подписание военного соглашения с Россией, по сути, отдававшего черногорскую армию в подчинение русскому Главному штабу[1]. Тем не менее 17 (30) ноября 1910 г. оно было им подписано[2].

Важным для Балканского региона в означенный период был и геополитический фактор. Именно на рубеже XIX–XX веков он проявился наиболее остро и стал значительно влиять на балканскую политику держав Тройственного союза и Тройственного согласия. Каждая из «великих держав» Европы имела свои геополитические цели на Балканах. Так, для Германии контроль над Балканским регионом и обеспечение прямых путей сообщения с Турцией через Австро-Венгерскую территорию открывали стратегический простор экспансии на подконтрольные Британской империи территории Ближнего Востока, Северной Африки и в дальнейшем – Индии. Италия видела в ослабленной Турции объект своей прямой военной экспансии как в Африке, так и на территории Балкан[3]. В условиях усиления Германии и России для Австро-Венгрии в начале XX века южный путь экспансии останется последним и единственно возможным.

Великобритания, в свою очередь, стремилась к сохранению своих колониальных владений и недопущению германского доминирования на

---

[1] Проект военного соглашения между Россией и Черногорией 10(23) августа 1910 г. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 248 – С. 456–459.
[2] Телеграмма Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией и одобрении его королем Николаем // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 262 – С. 476.
[3] *Рябинин, А.* Малые войны … – С. 9–25.

Балканах. Хотя большинство представителей традиционной британской историографии и отстаивает позицию, предполагающую снятие с Англии любой ответственности за развязывание Первой мировой войны[1]. Тем не менее, как указывает О. И. Агансон, присутствие Британии на пространстве Балканского полуострова было значительно. Удачно лавируя на «домашней» политической арене в лондонском парламенте и преуспевая в диспутах с радикально настроенными политическими силами, британскому Форин Офис удавалось проводить свой последовательный внешнеполитический курс на Балканах. Отличался же данный курс широким применением различных механизмов того, что сегодня принято называть «мягкой силой»[2].

Франция проводила политику охраны своих кредиторов и экономических концессий на Балканах с параллельным расширением экономической экспансии[3]. Двум последним державам, таким образом, были более выгодны разделенные, но сильные Балканские страны как заслон на пути окончательного складывания германско-турецкого союза. Из Франции же в Черногорию поставлялись и необходимые в свете потенциальных конфликтов единицы вооружения. Не позднее апреля 1903 г. черногорский князь Никола купил на русские деньги во Франции 40 тыс. байонетов (изогнутых ружейных штыков) 3/4 аршина длиной и имевших форму ятагана. По другой версии, означенные байонеты были получены им от Франции в подарок. Данный тип штыка напоминал черногорцам их традиционные кривые боевые ножи. По этой причине байонеты были с успехом приняты в рядах солдат, поступив немедля на вооружение армии. Таким образом, все черногорское народное войско получило на вооружение однообразное холодное оружие хорошего качества[4].

---

[1] *Агансон, О. И.* От Бухареста до Сараево: политика Великобритании на Балканах и начало Первой мировой войны … – С. 121-122.
[2] *Агансон, О. И.* Между прагматизмом и идеализмом: к вопросу о методах британской политики на Балканах (конец XIX – начало XX вв.) … – С. 90–92.
[3] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 13–38
[4] Рапорт И. Н. Сысоева В. П. Целебровскому о принятии байонетов на вооружение в черногорской армии. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 11. – С. 56.

В силу высокой актуальности в общественном дискурсе России и Австро-Венгрии славянского национального вопроса политические акции, затрагивающие Балканский регион, приобретали для общественно-политической жизни этих стран особое значение. Поскольку в начале XX века большинство проектов переустройства или реконсолидации региона имели национальную ориентацию, то апелляции к ним со стороны этих двух «великих держав» только формально проходили сугубо в русле их внешней политики. На деле эти действия неизбежно затрагивали национальные концепты и императивы и, как следствие, оказывали влияние на их внутренний общественно-политический дискурс и внутреннюю политику.

Для России наиболее выгодными союзниками из всех молодых Балканских государств выступали Сербия[1] и Черногория[2]. Одно из первых мест отводилось им высшими военными чинами России при составлении военно-стратегических планов в регионе. В докладах от 1902 г. русский Главный штаб оценивал состояние вооруженных сил этих стран, а также их возможную роль в предстоящем конфликте. Прежде всего эта роль определялась непосредственной близостью их к территориям вероятного противника в лице Австро-Венгрии, а во вторую – нацеленностью их политики против Османской империи. С включением этих стран в орбиту своего влияния сформировавшаяся к 1907 г. Антанта и конкретно Российская империя получали значительное преимущество в борьбе с Тройственным союзом. Такая конфигурация позволила бы разрешить ставший уже притчей во языцех вопрос о черноморских проливах. Именно через балканских союзников в случае военного конфликта с Тройственным союзом в условиях сложившейся стратегической обстановки она могла получать бесперебойное снабжение снарядами и другими необходимыми военными припасами из

[1] *Никифоров, К. В.* Сербия на Балканах. XX век. М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 24–26.
[2] *Виноградов, В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах, 1683–1914 / В. Н. Виноградов; Российская акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2010. – С. 420–423.

Франции и Англии[1]. Планы эти имели, однако, скорее тактический, нежели стратегический характер. Если в записках Главного штаба и обсуждались сугубо политические вопросы в отношении «малых» Балканских государств, то в большинстве случаев делалось это при осознании офицерами штаба, что они сопряжены с вопросами военного характера.

Несколько более амбициозным в своей основе был проект переустройства балканского региона, известный как «Балканский союз». Он продвигался А. П. Извольским (министром иностранных дел в 1906–1910 гг.) и С. Д. Сазоновым, ставшим министром иностранных дел Российской империи в 1910 г. Проблема реализации данного проекта состояла в начале XX века в том, что по состоянию на 1902 г. балканские страны были крайне разобщены, главным образом в сфере своей внешней политики. Румыния, находившаяся под управлением проавстрийски настроенного Карла I Гогенцоллерна, все сильнее в этот период вовлекалась в орбиту влияния Тройственного союза. С подписанием особой конвенции, о существовании которой русскому Главному штабу было известно[2], она обязалась помочь Тройственному союзу своими военными силами, а потому относилась к числу вероятных противников России. Отношения славянских государств полуострова в это время были осложнены прошедшей недавно сербско-болгарской войной[3], к тому же отмечалась общая неустойчивость политики Сербии и Болгарии[4]. Объективно единственным «верным другом» России в донесениях Главного штаба называется лишь «маленькая геройская Черногория»[5].

Но, по мнению С. Д. Сазонова, в сложившейся ситуации Российская империя могла решиться пойти на достаточно рискованный, однако крайне выгодный в случае успеха ход. В начале XX века она поставила целью своей

---

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил Балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – №3. – С. 30.
[2] Там же. – С. 30.
[3] Там же. Примечание 3. – С. 44.
[4] Там же. – С. 31.
[5] Там же. – С. 38.

балканской политики преодоление основных политических и геополитических противоречий региона и направила основные усилия своей дипломатии на создание под своей эгидой «всебалканского» союза, в идеале стремясь привлечь в его ряды не только славянские страны, но и Грецию, и Османскую империю[1].

В создании такого союза под эгидой Российской империи С. Д. Сазонов видел возможность противостоять в региональном и глобальном измерении силам Тройственного союза и прежде всего значительно ослабить Австро-Венгрию. Идеологической основой же данного проекта становились панславистские концепции, характерные для поздних русских славянофилов или неославянофилов[2].

Но в любом случае задачу установления контроля над «проблемным» Балканской регионом в России старались решать постепенно. На фоне свержения в мае 1903 г. режима Обреновичей в Сербии и начала усиления политических позиций России на Балканах этот шаг в целом закономерен и свидетельствует о том, что в преддверии будущей войны Россия трезво оценивала стратегическое значение и роль данного региона. С учетом того, как будут развиваться события летом 1914 г. в Боснии[3], можно говорить даже об определенной доле стратегического и политического предвидения со стороны русских дипломатических и военных чиновников[4]. Посредством воплощения панславистского политического проекта Россия всерьез планировала укрепиться в южнославянских государствах – Сербии, Болгарии и Черногории.

Россия к началу XX века ощущала свою особую миссию «старшей сестры-покровительницы» по отношению к близким ей южнославянским

---

[1] Там же. – С. 42–43.
[2] *Ковтуненко, М. К.* Концепция политического панславизма И. И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 222–227.
[3] *Љушић, Р.* Принцип Гаврило (1985–1918), Оглед о националном херoју. «Новости» Београд, 2014. – P. 34–36.
[4] *Otte, T.G.* July Crisis. The World's Descent into War, Summer 1914. Cambridge University Press, 2014. – P. 406–409.

народам[1]. Постепенно на протяжении XIX столетия в русском сознании формировался образ «малых» угнетаемых балканских народов, взывающих к своей сестре с просьбой их защитить[2]. Славянская идея воплощалась в проектах объединения под эгидой России[3], ставших основой уже упомянутого плана С. Д. Сазонова. Одна из версий проектов предполагала создание не «союза», но «балканской федерации». Такой вариант преобразований имел широкую связь с традицией панславистской идеологии. Со временем подобный проект уже рассматривался как отвечающий целям Российской империи на Балканах. Предполагалось создание федерации или конфедерации, в которую войдут лишь славянские политические единицы. В продвигаемом консерваторами варианте подразумевалось абсолютное преобладание России над остальными членами альянса[4].

В этом контексте отдельно следует охарактеризовать психологические факторы, диверсифицирующие национально-политические идентичности[5]. Подходя с психологической точки зрения к вопросу о восприятии человеком информации, исследователи отмечают здесь несколько ключевых особенностей. В первую очередь делается оговорка о том, что на протяжении всей истории человечества индивид никогда не был в состоянии всеобъемлюще осмыслить и оценить информацию не только на сознательном уровне, но даже, очевидно, на уровне подсознания. И особенно это стало заметным в постиндустриальную эпоху, характеризующуюся как значительным засорением и увеличением объемов информационных потоков, так и резким увеличением их числа. В связи с этим с незапамятных времен человек вырабатывает в своем сознании различные фильтры или же мыслительные установки. Необходимы они для первичного отсева

---

[1] *Никифоров, К. В.* Россия и славянская идея в XXвеке // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р. П. Гришина. – М., 2014. – С. 9–18.

[2] *Белов, М. В.* «Молодые славянофилы» … С. 96–112.

[3] *Павленко, О. В.* Панславизм. … – С. 49.

[4] *Белянкина, В.Ю.* Исторические проекты балканской федерации во внешнеполитических взглядах русской общественности второй половины XIX – начала XX века // Манускрипт. – 2019. – № 12. – С. 17-18.

[5] *Геллнер, Э.* Нации и национализм. / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – С. 206.

поступающей информации и позволяют периферической нервной системе установить, стоит ли тот или иной внешний информационный сигнал детального рассмотрения и последующей реакции.

Одним из таких фильтров является условный отсев и выделение из всех потоков информации сигналов, извещающих о грозящей индивиду опасности. Данные сигналы естественным образом влекут за собой определенную реакцию со стороны организма. Информация об опасности может поступать как со стороны объектов неживой, так и живой природы и прежде всего со стороны других индивидов. В последнем же случае, соответственно, проверка информации на то, представляет ли другой индивид угрозу или нет, а также последующая реакция на нее и называется в психологии реакцией «свой-чужой». Первичная реакция на другого человека, а точнее на его образ в нашем восприятии, происходит всегда, не важно – осознанно или нет. Данный образ формируется у нас чуть ли не мгновенно, собирательно из двух или трех его признаков, первыми попавших в поле зрения. Если в рамках установок индивида данные признаки соответствуют образу врага, значит, и этот человек им будет определен как враг, «чужой». В ином случае он может быть определен положительно – «свой» или нейтрально – «другой». Подобная антитеза «свой-чужой-другой» характерна не только для межличностных, но и для межэтнических взаимоотношений еще со времен формирования на Земле первых государств. В исторической науке есть примеры использования подобного методологического подхода: проблема культурного самоопределения эллинистических государств[1].

В этом случае вполне закономерно также и то, что в сфере влияния близ границ одной крупной социокультурной общности с другой, воспринимаемой как «враг», «конкурент», может находиться специфическая зона. Население этой зоны, а точнее его образ, совмещает в себе черты, присущие одновременно обоим соседствующим и конкурирующим полюсам, при этом

[1] *Хазина, А. В., Софронова Л. В.* Антиномия «свой-чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии. // Вестник российского общества интеллектуальной истории. – 2010.

не важно, образует ли население такой зоны третью малую социокультурную общность или нет, ибо в отношении этого населения, как правило, не происходит однозначной реакции по формуле «свой – чужой», а в отношении всей зоны, соответственно, не происходит четкого понимания, является ли она враждебной или дружественной. Получается, что людей, населяющих данную территорию, в представлении жителей одного из полюсов силы невозможно в полной мере назвать «своими», как и невозможно называть их «другими». Через опознание же другого и чужого нация «логически идентифицирует» и себя в сравнении с ним[1].

В такой «не до конца чужой» «буферной зоне» формировались русские представления о «малых» южнославянских народах на контрасте противостояния с «другой» Европой, в частности Австро-Венгрией. А она в сознании дипломатов все более замещала в качестве балканского противника Османскую империю[2]. Как итог в русском общественном сознании возникла связь панславистской идеологии с представлениями о «малых» балканских народах.

В целом же проблеме восприятия страны в ее политическом контексте и в рамках ее значения в системе международных отношений уделяется большое внимание в рамках современной отечественной политологии[3]. Так, споры о некоей «русской идее» и ее «христианских истоках», формируемой во взаимодействии и с образами других стран в русской политической истории, постоянно обострялись в отечественном социально-политическом дискурсе, особенно в кризисные моменты[4]. В контексте подобной кризисной ситуации, дискредитирующей смысловые и ценностные устои государственного

---

[1] *Миллер, А. И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 45–50.

[2] *Копылов, Н. А.* Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного мифа. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 371–388

[3] *Шутов, А. Ю.* Политическое восприятие страны как проблема теории коммуникации // Россия – Польша: проблемы взаимного восприятия: Материалы научной конференции (23-24 сентября 2011 год, МГУ имени М. В. Ломоносова) / Под ред. А. Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2013, – С. 7–11.

[4] *Коваленко, В. И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – С. 253–260.

управления и связанной с ней проблемы «исторической памяти»[1], в отечественной политологии актуализируется также проблема национальной идентичности[2].

Таким образом, образовавшаяся в результате социальных и культурных процессов зона взаимного пересечения сфер влияния в течение непродолжительного времени обретает достаточно прочное обоснование своего существования с точки зрения психологических процессов восприятия.

Ряд политических теорий, подобных концепциям (Г. Мюнклер, З. Бжезинский), стремящихся описать особенности организации пространств, в большинстве случаев стремятся к построению более-менее четких моделей-схем. Однако большой проблемой с точки зрения специфики Балканского региона в начале XX века является вопрос о том, как работают плохо структурированные пространства, то есть те, что практически невозможно описать с использованием априорных схематичных конструкций. Фактически в случае с пространством «малых» Балканских стран в начале XX века речь идет о периоде не расцвета или упадка организующей пространство империи, но о периоде «ухода империи» из данного пространства. То есть наблюдается исчезновение сверхмощного по отношению ко всем акторам региона организующего начала – Османской империи. А сам процесс межакторного взаимодействия в пределах балканской подсистемы международных отношений обретает в качестве одной из важных своих детерминирующих черт определенное «состояние постимперии». Причем это «состояние» включает помимо сугубо экономических, социальных, политических или геополитических императивов также императивы сугубо идеологические.

Определенный «эффект остатка» на Балканах того, что собирательно обозначают как Pax Ottomana, в начале XX века вбирает в себя феномен «крушения» здесь одной империи и еще набирающих силу и пока

---

[1] Forging Collective Memory. Government and International Historians through Two World Wars. / Wilson Keith (ed.). Berghan Books, Providence – Oxford, 1996. – P. 12–15.

[2] *Телин, К. О., Филимонов, К. Г.* Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение, 2020, – т. 19, – № 1, – С. 36.

сохраняющих status quo новых кандидатов на роль регионального гегемона-охранителя. Одна из идей данной работы состоит в том, чтобы проиллюстрировать, как в этом процессе Российская империя перенимает пальму первенства у Австро-Венгрии с опорой на идеологические конструкты, базирующиеся на дискурсе панславизма или неославизма русского образца. Таким образом, возможным оказалось бы показать, как в рамках определенного и индуктивно исследуемого исторического кейса переплетаются формально не «рядоположенные» теории о геополитическом противостоянии полюсов силы и конструктивистском значении таких консолидирующих идеологий как панславистский дискурс в его практическом политическом преломлении. Собственно, для имперских элит в теории всегда свойственно становиться по структуре надэтничной правящей группой, здесь можно упомянуть о различии терминов «турки» и «османы». Таким образом, в случае с русскими военно-стратегическими планами на Балканах панславистские дискурсивные конструкты в перспективе позволяли, в том числе представителям правящего класса, легитимизировать и свою потенциальную надэтничную по отношению к «малым» балканским народностям структуру. А главное – в перспективе организовать балканское пространство по отношению к пространству российскому в рамках конструктивистской дискурсивной формулы «периферия-центр». Кроме того, это позволяло преодолеть потенциальную проблему в стремлении к гомогенности со стороны «малых» «буферных» государств на Балканах.

Таким образом, здесь еще обозначается проблема условной «исторической буферности». Подобный дискурсивный конструкт возможно применять в случаях наблюдения при историческом анализе феномена переходного периода, в эпоху от ухода одной организующей пространство империи и до прихода на ее место другой или других.

Относительно уже затронутой выше психологии организации пространств Г. Мюнклер отводит большое значение вопросу имперской миссии в рамках задач государственной стабилизации в империи и

пропаганды имперского проекта внутри и вовне. Необходимость изобретения подобного имперского проекта оправдывается логикой исторического развития любой империи. Особенно же актуализируется потребность в таком проекте в момент резкого расширения державы за пределы этнотерритории, явившейся изначальной базой для возникновения империи. Для удержания этого пространства в пределах империи, точнее для обеспечения простого согласия покоренных на этапе экспансии народов с новым их положением в составе империи, требовалось сформулировать и утвердить идею имперской миссии. Причем данная идея обязана иметь наднациональный характер или, по меньшей мере, выходить за пределы того, что понимается правящими классами в качестве «интересов» национального ядра. Империи, не способные выработать подобный проект и идею об особой миссии, обречены на быстрый в исторической перспективе крах[1]. Данная миссия представляется Г. Мюнклером как некий концептуальный стержень, скрепляющий в сознании населения империи фундаментальные цели и задачи политики их державы, то есть задачи имперского проекта. В широком смысле эти «мессианские» цели предполагают построение и укрепление имперского мира. В свою очередь, с точки зрения Е. Г. Кострикова, в начале XX века фундаментальный панславистский концепт в виде идеи «славянского единения» стал доминирующим и базовым в рамках всей балканской политики Российской империи[2]. Данная концепция выходила за пределы чисто «русского» или «восточнославянского» национально-культурного пространства и позволяла культивировать в сознании южных славян идею об их совместном существовании в пределах одной славянской империи. По сути, концепт «славянского единения» становится основой имперского проекта России, но именно в восточноевропейском регионе и прежде всего на пространстве Балкан. В этом контексте и на данном ментальном пространстве к началу

[1] *Мюнклер, Г.* Империи. Логика господства над миром … – С. 158–178.
[2] *Кострикова, Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идейная борьба в российском обществе в начале XX века … – С. 23–123.

XX века в сознании правящей аристократии самой Российской империи, а также в ментальной среде ее главного геополитического противника на Балканах – Австро-Венгрии и в восприятии лидеров и населения «малых» балканских государств Россия стала восприниматься в статусе державы, находящейся на некоей промежуточной стадии, на пути строительства потенциальной «славянской империи», чье «естественное» пространство будет включать в себя и Балканский регион.

Здесь проявляется определенная дискурсивная особенность. С одной стороны, концептуальной базой панславизма в конце XIX века становится именно «национальная» славянская идея. С другой стороны, Россия все масштабнее заявляет о себе как о защитнице всех славян. И данный «титул» России на дискурсивном уровне формируется не только в общественно-политическом дискурсе Российской империи, но и в сознании населения других государств. Таким образом, под «панславистскими проектами» на Балканах в начале XX века следует понимать в первую очередь именно проекты, формировавшиеся и продвигавшиеся в рамках русского общественно-политического дискурса. Именно такие проекты окажут ключевое воздействие на политическое развитие южнославянских государств в 1903–1912 гг., таких как Черногория.

С теоретической точки зрения в масштабах Балканской подсистемы международных отношений в начале XX века панславистские концепции могли стать решающим фактором, консолидирующим южнославянские идентичности в Черногории, Сербии и Болгарии под началом России.

В определенном смысле к подобным же консолидирующим проектам можно отнести также ряд национально ориентированных проектов, выдвигавшихся в конце XIX – начале XX веков Австро-Венгрией. В общественно-политическом дискурсе многонациональной Дунайской монархии неизбежно возникали и «неославянские» политические идеи и проекты. Но данный процесс в Австро-Венгрии не может рассматриваться в отрыве от анализа русского панславистского проекта на Балканах. Австро-

Венгерские «неославянские» концепции были во многом продиктованы не столько внутренними причинами, но формулировались во взаимодействии с панславизмом. И в первую очередь они были необходимы Австро-Венгрии, чтобы оппонировать данному проекту на дискурсивном уровне в пространстве Восточной Европы. Так, А. А. Григорьева указывала, что основной целью таких проектов было смягчение внутренней политической обстановки в Австро-Венгрии. Однако на фоне подъема популярности панславизма они в итоге нередко только стимулировали рост сепаратистских тенденций[1]. Подобное противостояние привело, в частности, на Балканах к идеологическому противоборству панславизма русского толка и австро-венгерского «триализма». Определенным образом осмысляя специфику нации и предлагая различные варианты понимания южнославянской общности и ее места в иерархии иных типов идентичностей, данные концепции оказывали влияние на политическую идеологию Сербии, Болгарии и Черногории и на весь процесс их политического развития в целом в 1903–1912 гг.

В результате к началу XX века у «малых» балканских народов панславистский дискурс приобретет особое преломление. Процессы усиления национального самосознания и продолжающаяся борьба за независимость от Османской империи требовали построения собственных концепций политической консолидации. Данным концепциям было необходимо учесть потребности в государственном строительстве для всех балканских славян. Однако базирование на сугубо национальных славянских идеях приводило бы к тенденции дискурсивного подчинения «малых» славянских братьев «старшей сестре» России в рамках распространенного на Балканах и за их пределами русского панславизма. В этой связи таковым проектам неизбежно приходилось отказываться от национальной ориентации и выходить на наднациональный уровень.

[1] *Григорьева, А. А.* Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е гг. XIX – начало XX в). // Вестник ИрГТУ. – 2011. – №7 (54). – С. 192.

Подводя итог, можно сказать, что в начале XX века (вплоть до 1914 гг.) Балканский регион в географическом и идеологическом его понимании представлял собой специфическую «буферную зону» в системе международного взаимодействия «великих держав». То есть был особой территорией, своим существованием обеспечивающей баланс в выстраивании межгосударственного взаимодействия Англии, Франции, Германии, Италии, России, и Австро-Венгрии. Возникновению данной зоны к этому периоду способствовал целый комплекс политических, экономических, культурных и психологических факторов, завязанных на особенности «присутствия» здесь «великих держав» и отдельные аспекты политики «малых» государственных акторов на Балканах.

1.3. Каналы распространения идеологии «славянского единения» в Российской империи и на Балканах в конце XIX – начале XX веков

Как уже отмечалось выше, идеологическая сфера имела высокое влияние на политику Российской империи и Австро-Венгрии в Балканском регионе. Основной причиной этому служила близость и даже пересечение национального «ментального поля» «малых» балканских народов и общественно-политического поля в этих двух «великих державах».

Сама по себе идеология была важна для оправдания экспансионистской политики «крупного» геополитического игрока в отношении «малых» акторов региона и для маскировки таковой политики под более мягкие формы. Для решения политических задач идеологического толка вырабатывались проекты переустройства или интеграции региона с высокой долей в них национальных императивов. В дальнейшем в ходе политического взаимодействия в регионе использовались отдельные концептуальные конструкции, характерные для национально ориентированных политических дискурсов, прежде всего для сглаживания формулировок в обращениях к «малым» социумам и их лидерам и для более благоприятного восприятия «малыми» акторами подобной

агитации. Кроме того, умелая идеологическая формулировка при необходимости служила целям оправдания того или иного, порой вынужденного, вмешательства в дела формально суверенных «малых» государств. Такое оправдание требовалось «великим державам» не только для объяснения своих действий внутри страны. Это позволяло объяснять агрессивную политику и для населения «малых» акторов «проблемных» регионов, и для других «крупных» полюсов силы. Данные процессы со временем приводят к тому, что «проблемный» регион становится площадкой идеологического противостояния проектов и концепций, транслируемых элитами и интеллигенцией различных «великих держав».

Еще в манифестах Петра I времен Прутского похода 1711 г., обращенных к южнославянским народам, присутствуют «братские» концепты. А именно обращение «к единоверной нашей братии»[1]. Это укладывается и в «кирилло-мефодиевскую традицию» в понимании В. И. Ламанского, и в русло более поздних панславистских концепций как таковых. Насыщены «братской риторикой» призывы Николая I к балканским славянам, ставившие целью побудить их на восстание в начальный период Крымской войны 1853–1856 гг. Прежде всего это относилось к болгарам, и именно на восстание болгар русским командованием в начальный период Крымской войны делалась существенная ставка[2]. Естественно, что «братской риторикой» было пронизано и воззвание императора Александра II, изданное накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В нем присутствовали и метафора русских и болгар как единой «великой христианской семьи», и прямое обращение к христианам-болгарам как «братьям по вере», разделяющим с русским народом чувство «согласия и братской любви»[3]. В

---

[1] *Арш, Г. Л* Балканы и Прутский поход Петра I // Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – С. 75.

[2] *Чуркина, И. В.* К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – С. 47–64.

[3] «Особое прибавление» к газете «Московские ведомости» – воззвание императора Александра II к болгарам. // РГАЛИ. Ф. 577 оп. 1 ед. хр. 54. 1 л.

куда менее высокопарных формулировках подобные «братские императивы» проникали в сознание рядового и офицерского состава русской армии времен Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В основном они приобретали формы высказывания о южных славянах не как о «братьях», но как о «братушках»[1]. На этом уровне не только братская любовь, но и определенная снисходительность «братского дискурса» в русском сознании по отношению к южным славянам проявлялась куда более явно. Причем жизнеспособность данной формулировки («братушки») в русском общественно-политическом дискурсе оказалась довольно высокой. Она проявила себя даже в советское время, в частности по отдельным данным была употреблена лично И. В. Сталиным во время Тегеранской конференции 1943 г[2].

Подобное «братское» восприятие себя во взаимоотношении с Россией существовало в XIX веке и у самих балканских славян. Это было обусловлено процессами становления их государственности в XIX веке[3]. Интересно, что один из видных деятелей болгарской литературы XIX века Любен Каравелов в конце 1870 г. писал об этом явлении, причем как о проблеме болгарского и южнославянского освободительного движения. Ведь около 30 миллионов балканских славян, по его мнению, удерживались покорно до того времени под гнетом лишь потому, что все время ждали, когда же Россия наконец подаст им «братский сигнал» к началу масштабного восстания[4]. К концу XIX века политическое и дипломатическое ослабление Порты все сильнее провоцировало Россию к усилению своей балканской политики, иначе инициатива в решении «балканского» и «турецкого» вопросов грозила

---

[1] *Фролова, М. М.* Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 87–113.

[2] *Волокитина, Т. В.* Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 436.

[3] *Никифоров, К. В.* Сербия на Балканах. XX век. М.: Издательство «Индрик», 2012. – С. 34.

[4] *Косик, В. И.* Болгарский мир Любена Каравелова и Россия // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – С. 68.

перейти к иным «великим державам»[1]. Особенно опасным виделся переход этой инициативы к Австро-Венгрии.

Описанные ранее особенности конкурентного политического воображения в пространстве «проблемного» региона как «буферной зоны» играли здесь немаловажную роль. Эти процессы в первую очередь предоставляют почву для серьезной идеологической борьбы. С учетом эмоционального напряженного сопереживания проблемам «братьев», проживающих и нередко угнетаемых в нестабильных «проблемных» регионах, их образы рисовались не отстраненно, но достаточно остро. Причем это в равной степени справедливо не только для общественно-политического сознания «великой державы», но и для лиц, принимающих политические решения.

Причем особое место в процессах сопереживания занимают образы, сформированные через опыт исторического познания своей страны и «проблемного» региона, в их взаимосвязи и культурно-национальной близости. Не удивительно, что в силу географических факторов из всех «великих держав» Европы начала XX века именно Россия и Австро-Венгрия в своей балканской политике имели наиболее прочные и уходящие вглубь истории корни. Анализируя политику двух империй на Балканах, можно заметить, что ее краеугольным камнем, как правило, выступает именно национальный вопрос. Поскольку и Австро-Венгрия, и Россия являлись крупными многонациональными державами, этот вопрос приобретал для них первостепенное значение, определяя во многом их жизнеспособность. С постановкой подобного вопроса на различных политических уровнях соседствовала апелляция к противоречиям, возникавшим во внутренней политике этих империй, а также в политике южнославянских государств Балканского полуострова. В итоге и Россия, и Австро-Венгрия выстраивали свою внешнюю политику, стремясь вовлечь в орбиту своего влияния как

[1] *Langer, W. L.* The Diplomacy of Imperialism 1890–1902. N. Y.: A. A. Knopf, 1968. – P. 190–199.

можно большее число населявших регион славянских народов. А общий контекст задавался масштабным геополитическим концепциям национально-центрированного толка. В случае с Россией таковыми следует считать неославянофильство или панславизм[1].

Важно отметить, что относительно конца XIX века уже не принято говорить о славянофильстве как о «живом» течении. Считается, что к началу 80-х гг. XX века на смену славянофилам пришли панслависты либо что славянофильская концепция эволюционировала в русскую версию панславизма[2]. Последнее неудивительно: почти всегда панславизм казался славянофилам некой силой, способной изменить политический облик Европы под эгидой славян[3]. Дискурсивные концепты «братства», «славянского единения» и «взаимного тяготения» характерны для славянофильства уже с середины XIX века.

В конце XIX века значительный вклад в формирование образов «малых» южнославянских народов в русском общественно-политическом сознании внесли тексты, публикуемые в общественно-политических журналах и обозрениях. В отношении славянского вопроса особенно заметным в русской публицистике стал журнал «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», появившийся осенью 1883 г. В нем примечательны не только отдельные статьи на проблемные, с точки зрения редакции, темы, но и обзоры статей славянской периодической печати, называемые «Известиями из славянских земель». В данных обзорах редакция стремилась обозначить наиболее интересные и важные темы и, главное, обратить на них внимание русского читателя. Чаще всего здесь приводились выдержки о проблемах «малых» славянских народов на западе от границ Русской империи. О притеснении галичан, словаков, словенцев, в меньшей

---

[1] *Достян, И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М.: Наука, 1980. – С. 102.
[2] *Кудряшев, В. Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма / Вестник Томского государственного университета. 2012. – № 364. – С. 68–71.
[3] *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 58–174.

степени чехов в Австро-Венгрии, о проблемах государственного строительства в Сербии или о столкновениях славян и иных народов в регионе Македонии.

Уже в первом номере «Известий…» 1883 г. можно найти славянофильские панславистские императивы. Причем содержатся они даже не в заметках, специально посвященных проблемам славянских национальностей, но в обзоре актуальной («зарождающейся») болгарской литературы. Тем не менее в начале заметки автором помещается специфическая преамбула. Здесь говорится о влиянии на становление болгарской литературы политико-географических особенностей данной страны, а точнее – феномена разделения ее национальной территории на автономное государство и Восточную Румелию, которая «чувствует большую зависимость от Турции». Упоминается и о проблеме Македонии и ее «страданиях», ибо она «оставлена на жертву притеснениям Турции и интригам Греции и Австрии». Это «вредно» сказывается на развитии болгарской письменности, которая именно поэтому «пока исключительно публицистическая»[1]. Поскольку речь идет о первых строках заметки, сложно судить только на этом материале, разделяет ли автор всецело подобные оценки «страданий» и проблем южнославянских народов или же просто стремится органично включить свой текст в общий прославянский дискурс. Однако, зная о симпатиях автора заметки слависта Петра Андреевича Кулаковского к проблемам южнославянских народов и о том, что незадолго до написания этого текста он предпринимал поездки по Сербии и Болгарии, был знаком с видными деятелями южнославянской культуры и, в частности, митрополитом Сербии Михаилом[2], можно предположить, что он не просто разделял подобные взгляды. Кулаковского вполне справедливо будет отнести к той

[1] *Кулаковский, П. А.* Болгарские библиографические известия. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 1. – С. 28.
[2] *Данченко, С. И.* Деятельность П. А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 8-1. – С. 77–93.

части отечественных публицистов второй половины XIX века, которыми подобные концепты не только распространялись, но во многом формировались. В том числе на основе личного опыта непосредственных контактов с носителями южнославянской культуры. Тем не менее приведенный случай показателен и сам по себе, так как характерен для своего времени. Конкретно он характерен именно для публицистики, ориентированной на панславистский императив или базирующейся на таковом императиве.

Во втором номере «Известий…» 1883 г. в заметке «Археологическое исследование Боснии и Герцеговины» среди ключевых причин, оправдывающих необходимость археологической исследовательской экспедиции на территории Балканского полуострова, упоминается «укрепление духовной связи народностей Балканского полуострова с Россией», потому она будет «необходимым дополнением экспедиции военной»[1].

Тем не менее заметок, которые имели бы своей непосредственной целью обратить внимание читателя на проблемы южных славян, в трех выпусках журнала 1883 г. в «Известиях…» не публиковалось. Напротив, поднимались проблемы отдельных групп западных славян. В первом номере содержалась заметка о лужицких сербах[2], в третьем – о проблемах словаков, проживающих на территории Венгрии[3], а также объявлялся сбор денег в помощь «бедствующим галичанам»[4], продолжавшийся длительное время.

В номерах «Известий…» за 1884 г. славянофильско-панславистская риторика представлена уже шире. Так, первая статья первого номера «Исповедники и партия» написана библиографом Ф. М. Достоевского

---

[1] *М. С.* Археологическое Исследование Боснии и Герцеговины. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 2. – С. 12–16.
[2] *К. Г.* Из Поездки к Лужичанам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 1. – С. 19–22.
[3] *А. Б.* О современном общественном положении словаков в Венгрии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 3. – С. 17–22.
[4] Помощь бедствующим галичанам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 3. – С. 29–30.

Орестом Федоровичем Миллером. Ее автор проводит разбор идей Достоевского и на его основе – аргументы в защиту важности «славянской партии». Говорится о строгой связи данной партии с социальными низами. Именно тем, что их проекты отстаивали «народные начала», объясняется торжество их идей 19 февраля (по старому стилю) 1861 г. в освобождении от крепостничества в России, а позднее, 19 февраля (по старому стилю) 1878 г., освобождении от османского гнета в Болгарии[1]. В самой символической для Миллера параллели «освободительных годин» прослеживается не только торжество идей русских славянофилов, но и духовное мистическое братское родство русского и болгарского народов.

В том же номере в статье Кулаковского «Деятельность Югославянской Академии в Загребе» содержится интересный аргумент в пользу возрождения и скорого взлета южнославянской культуры, а значит и быстрого «развития отдельных славянских народностей». Данное утверждение базируется на очевидном для Кулаковского факте «замечательной энергии», которую обнаруживают в себе «славянская литература» и славянские «ученые общества» в деле воспитания и просвещения своих народов вопреки бедности средств и «преследованию правительства в Австрии»[2]. Далее в этом же выпуске журнала, в конце травелога «Из путевых заметок по Хорватии» ученого-литературоведа Ивана Петровича Созоновича, будущего члена Государственной думы от Могилевской губернии, содержится прямая рекомендация русскому обществу «посерьезнее интересоваться этим (хорватским) симпатичным и образованным родственным нам народом». В этом случае его сближение с русским народом несомненно «пойдет гораздо быстрей»[3].

---

[1] *Миллер, О. Ф.* Исповедники и партия. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 1. – С. 7–13.

[2] *Кулаковский, П. А.* Деятельность Югославянской Академии в Загребе // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 1. – С. 13–18.

[3] *Созонович, И. П.* Из путевых заметок по Хорватии // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 1. – С. 18–23.

Позднее, в третьем номере «Известий…» того же года, в продолжении «Из путевых заметок по Хорватии», Созоновичем дается интересный обзор хорватской литературы. Приводимые им цитаты хорватских поэтов П. Прерадовича, С. Враза, Н. Зринского несут в себе яркие метафоры, характерные для риторики панславистов. Упоминаются здесь и «братья» в отношении характеристики не только хорватов, но всех славян. Уверенность, что «каждый правый славянин […] будет рад вашему (хорватскому) возрождению». Используется метафора славянской «Мекки» на Балканах, которую требуется возродить и защитить. Для последней цели, скажем, Прерадович, даже апеллирует к истории, культу предков. Сам хорватский народ в заметке Созоновича характеризуется как «одинокий, осиротелый среди сплотившихся и сильных врагов». Этот объясняет стремление хорватов отстаивать и сохранять свои традиции, свою историю. Совокупность представлений о своей истории в сознании хорватского народа остается единственным культурным и ментальным источником для поддержания их национальной идеи в жизнеспособном состоянии[1]. Особенно интересна приведенная Созоновичем цитата из Прерадовича: «Запад разлагается, гниет, слабеет, развитие его на ложном пути, на востоке же, озаренном молнией, явилась уже новая жизнь»[2]. Созоновичем указывается, что данную цитату его современник из России вполне мог бы приписать «каким-либо московским славянофилам». Однако в пику такой идее сразу оговаривается, что Прерадович почерпнул подобный образ из давно сформировавшегося в хорватской культуре убеждения, ведь уже в XVII веке Юрий Крижанич высказывал подобную мысль. Тогда этот концепт не нашел отклика ни в России, ни на родине. Но теперь вторящий ему Прерадович уже не звучит одиноко, за ним идут многие представители хорватского народа. В этой связи Созонович выражает надежду, что «братские» призывы Прерадовича и других

[1] *Созонович, И. П.* Из путевых заметок по Хорватии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 3.– С. 27–35.
[2] Там же. – С. 35.

хорватских поэтов найдут «сочувственный отклик» и в современной ему России[1].

Во втором номере «Известий…» от 1884 г., в статье религиозного философа Владимира Сергеевича Соловьева «О народности и народных делах России» и в примечаниях к ней, составленных Александром Алексеевичем Киреевым, поднимается вопрос о сути национальной идеи. Говорится, что феномен таковой черпает свои основы в религиозных представлениях и концепциях. Развитие же национальной идеологии имеет конечной целью построение «на земле Царствия Божия». Таким образом, народы, чьи религиозные концепции происходят из одного источника, родственны друг другу и в своих национальных представлениях. В примечаниях же Киреева оговаривается, что этим не только лишь объясняется стремление России заботится и оберегать «ручьи», что собираются сойтись в «русском море», по выражению А. С. Пушкина. Но также особо подчеркивается, в противовес позиции Соловьева, что стремление это со стороны России носит отнюдь не эгоистический характер. Причина заботы России о «ручьях» не в том, что сама она без них боится «иссякнуть». Причина здесь, по мнению Киреева, сугубо альтруистическая, так как в этой заботе Россия видит свою «священную обязанность»[2]. Позднее, в шестом номере «Известий…», будет представлена статья Соловьева «Славянский вопрос»[3], написанная после череды полемических статей и заметок, критиковавших прошлые идеи Соловьева. Здесь особо оговаривается важность религиозного вопроса как базиса для славянского единения, необходимость для России совершить духовный «подвиг», пересмотреть заветы православия и согласиться на единение церквей, так как восточное православие и западное католичество «не исключают, а дополняют друг друга»[4]. Речь, однако, не идет об унии,

---

[1] Там же. – С. 35.
[2] *Киреев, А. А.* О народности и народных делах России. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 2. – С. 8–20.
[3] *Соловьев, В. С.* Славянский вопрос // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 6. – С. 5–15.
[4] Там же. – С. 15.

понимаемой как подчинение одной церкви другой, но скорее о равноправном союзе. Таким образом, возможно будет от этапа культурного духовного единения прийти к единению политическому.

Славянский вопрос, проблема угнетаемых славян, живущих вне пределов Российской империи, не переставал быть актуальным, напротив, всячески подчеркивались и обсуждались представителями славянофильской интеллигенции. 14 февраля 1884 г. Владимир Иванович Ламанский, выступая на собрании Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества, указывал в своей речи на важность «западно-славянских вопросов» и в мирное время. Причем под «западными» здесь понимались все славяне, проживающие в Европе к западу от границ России, то есть и те славяне, кого сегодня принято называть «южными». Ламанский говорил о тесном культурном и политическом переплетении на западе славянских народов, причиной чему послужило их длительное проживание в составе многонациональной Австро-Венгерской империи. Потому невозможно было всерьез обсуждать проблемы хорват, не затрагивая вопроса сербов и словенцев. Мирное время не следует считать поводом забыть о военных или политических проблемах в пользу проблем экономических. Ламанский осознавал проблему «великих» идей: идей «Великой Болгарии», «Великой Хорватии» или «Великой Сербии» как взаимно исключающих друг друга. В этом взаимном исключении им виделась лишь задача разобщения славян и польза для «непримиримых врагов» славянства[1]. Позитивная цель в совместном интеллектуальном труде всей славянской интеллигенции – необходимо разработать и преодолеть эти проблемы, дабы решить задачи всеобщего славянского единения.

С частью идей Ламанского спорил автор чешского происхождения в своей заметке, помещенной в пятом номере «Известий…» от 1884 г. и

[1] *Ламанский, В. И.* Западно-славянские вопросы занимательны для нас и в мирное время. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 3. – С. 6–13.

подписанной псевдонимом «И. Шумаван»[1]. Так, Ламанский видел опасность в том, что чешская наука много берет из немецкой науки, опирается на ее достижения и ее культуру, итогом чего могло стать отдаление чешской культуры от культуры иных славян. Шумаван же упирал на то, что основа культуры народа лежат в его языке, а его чехи за время пребывания под управлением немцев не изменили. С меньшим страхом, нежели Ламанский, относился Шумаван и к факту перехода чехов из православного вероисповедания в католическое. Однако главное здесь то, что и для Шумавана как чеха представлялась самоочевидной идея о грядущем единении славянства, так как «все тела взаимно тяготеют друг к другу». Бесспорным для него было и то, что совершить такое единение способна только Россия, так как в таком тяготении «преодолевает то, которое превышает остальных по величине»[2].

В третьем номере «Известий…» от 1884 г. содержится целый памфлет неославянофилов «Наши пессимисты», направленный против тезисов противников объединительных славянских идей. Особенно критиковались тезисы о неудачах русской внешней политике на Балканах: якобы влияние России там «равно нулю», а итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. якобы воспользовалась «только одна Австрия». Автор памфлета, подписавшийся простым псевдонимом «Панславист», все эти тезисы подвергает сомнению и в целом выражает надежду, что будущее принадлежит славянству, и эра эта настанет, лишь только «мы будем нравственно, материально и умственно готовы поднять эту трудную задачу»[3].

В шестом, седьмом и восьмом номерах «Известий…» от 1884 г. вышло несколько заметок, посвященных теории панславизма. Это прежде всего

---

[1] *Шумаван, И.* Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно–славянских вопросах. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 5.– С. 11–16.
[2] *Шумаван, И.* Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно-славянских вопросах // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 5.– С. 16.
[3] *Панславист.* Наши пессимисты. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 3. – С. 14–17.

стенограмма речи Янко Краля «Панславист Людевит Штур и его учение»[1], а также заметка «Братание чехов с мадьярами и поляками»[2]. Факт братания воспринимался как этап в развитии движения «австрийского панславизма», лидерство в каковом признавалось за чешскими панславистами.

В напечатанном в восьмом номере 1884 г. отрывке из труда «Задачи России в Болгарии»[3] обращалось внимание на актуальное экономическое развитие Болгарии, высказывалось опасение тем фактом, что болгарский рынок все сильнее подчинялся австрийскому. Редакция «Известий…» стремилась обратить внимание русской общественности на данный факт, дабы побудить общественное мнение склониться к позициям, поддерживающим деятельность по возвращению Болгарии в сферу русского влияния.

В травелоге «Путевые заметки по вновь присоединенной Черногории у албанской границы в 1881 году»[4] говорится об угрозах в отношении черногорцев со стороны турецкого правительства. Автор травелога высказывает предположение, что подстрекаемая австрийцами Порта, разжигая недовольства на подконтрольных себе албанских территориях, будет вынуждена пригласить австрийские войска для их подавления. В итоге Черногория окажется окружена силами Австро-Венгрии.

Знаменательным событием для «Известий…» в 1885 г. стал юбилейный выпуск, подготовленный к тысячелетней годовщине со дня кончины Св. Мефодия. Были подняты и широко обсуждались вопросы кирилло-мефодиевской традиции и ее важности в деле всеславянского единения наряду с общецерковным, духовным базисом всех славянских народов[5].

---

[1] *Краль, Я.* Панславист Людевит Штур и его учение // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 6, 7. – С. 15–20, 19–23.

[2] Братание чехов с мадьярами и поляками. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 8. – С. 2–6.

[3] *Рязанов, Д. Б.* Из наблюдений над экономической и общественной жизнью Болгарии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 8. – С. 18–20.

[4] *Волков, И.* Путевые заметки по вновь присоединенной Черногории у албанской границы в 1881 году. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 9. – С. 16–20.

[5] Послание Святейшего Синода чадам российской церкви ко дню тысячелетия со дня кончины св. Мефодия. / Соколов, М. И. Св. Кирилл и Мефодий. / Торжественное празднование тысячелетия памяти св. Мефодия в С.-Петербурге 6 апреля. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1885. – № 4. – С.171–173, 173–186, 186–191.

В первом за 1886 г. номере «Известий…» обзоре сербских и болгарских газет выделен ряд основных акцентов, на которые упирала пресса этих государств. Особое внимание русского читателя обращалось на сербские газеты. Перед страной стояла необходимость внутренних преобразований, обострившаяся после неудачной для Сербии войны с Болгарией в 1885–1886 гг. Как отмечала газета «Сербский Лист», это подтолкнуло Сербию на «естественный» союз с Черногорией, и, как продолжение этих действий, должно подтолкнуть и на более тесное сближение с Россией. На взгляд «Сербского Листа», следовало преодолеть «опасное» недовольство Россией со стороны Сербии из-за итогов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., чтобы добиться от России «справедливого» отношения, каковое она проявляет к народу черногорскому[1].

Далее в том же номере дана перепечатка статьи о положении славян словацкого поэта и публициста Святозара Гурбана-Ваянского[2]. В ней содержится прямое обращение ко всей славянской интеллигенции – задуматься и бороться за «сохранение своего существования и спасения», глядя на примеры иных, окружающих ее народов. Из контекста ясно, что призыв направлен в первую очередь к чешской и южнославянской интеллигенции. Но факт перепечатки и издания данной статьи в «Известиях…» говорит о поддержке редакцией этих идей и подспудном желании побудить русскую общественность помочь «братским» народам в борьбе за «существование».

Во втором номере 1886 г. с прискорбием сообщалось о проблемах славянского населения в Венгрии, поднималась проблема насильственной мадьяризации славянского населения в этих землях. Несмотря на общеимперский закон, в окружных судах Венгрии стало принято чинить проблемы словакам в судопроизводстве при подаче ими судебных прошений

[1] Известия из славянских земель по газетам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1886. – № 1. – С. 20–21.
[2] Там же. – С. 25–26.

на родном языке. Со ссылками на словацкие газеты упоминался случай в Златых Моравцах, где в окружном суде требовали прошений «лишь на мадьярском языке» или «с мадьярским переводом» как основным. Сообщалось о «диких подвигах» мадьярского населения, в частности случаях «мадьяризаторского терроризма против патриотов «панславов»[1]. Данные заметки, бесспорно, призваны были обратить внимание русской общественности на страдания славянского населения в Дунайской империи. Редакция «Известий…» стремилась подстегнуть в соотечественниках желание помочь славянским «братьям» денежными пожертвованиями, собиравшимися в каждом выпуске журнала, или даже более активными действиями.

Большое значение из всех статей «Известий…» 1886 г. имела статья в третьем номере «Славяне и немецкое стремление на восток (по поводу сербско-болгарского столкновения и речи Бисмарка)», подписанная псевдонимом «Западный панславист»[2]. Ее написание, как ясно из подзаголовка, было спровоцировано недавней сербско-болгарской войной. Основной мыслью заметки следует счесть подспудную надежду всех славян на Россию, «ибо западное и южное славянские племена распались, но восточное устояло». Речь идет о той самой надежде, которую, с одной стороны, питает панславистский проект. Но с другой, и фактом своего существования этот проект, в свою очередь, обязан данной надежде. Таким образом, панславистская политическая риторика будет необходима России всякий раз, когда в своей внешней политике она стремится действовать на западном направлении. Но и сама Россия зависит от панславистской повестки, вынужденная отвечать самоотверженно и быстро на все просьбы «малых» «братьев» о помощи, рискуя в противном случае потерять свой авторитет в глазах славянской общественности и всего мира. Сам автор статьи выражает

[1] Известия из славянских земель по газетам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1886. – № 2. – С. 75.
[2] Западный панславист. Славяне и немецкое стремление на восток (по поводу сербско-болгарского столкновения и речи Бисмарка). // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1886. – № 3. – С. 106–117.

эту мысль в формуле: «значение России для славян и значение славян для России»[1].

В шестом номере 1886 г. была издана статья Ф. И. Успенского «Как возник и развивался на Руси восточный вопрос»[2]. Речь шла о восточном вопросе, подразумевавшем все, что касалось влияния России на Балканском полуострове, а также проблему черноморских проливов. Подчеркивалось, что ни один «мыслящий русский человек» не может отстранятся от данного вопроса, каким бы ни было дальнейшее развитие данной проблемы.

Наряду с тем, как одной из проблемных тем 1886 г. в «Известиях…» была Сербско-болгарская война 1885–1886 гг., в 1887 г. интерес редакции и авторов журнала также продолжал обращаться к проблемам балканских славян. Так, вызвал опасения факт сближения римской и черногорской церквей. Особенно в свете того, что власть князя в Черногории конца XIX века имела особый сакральный характер, и сравнительно недавно в исторической перспективе она была, по сути своей, теократической[3]. Таким образом, церковные вопросы имели прямое и значительное влияние на политическую жизнь Княжества.

В целом славянский вопрос, затрагивающий проблемы «западного» и конкретно балканского славянства, был одним из главных для русских неославянофилов 80-х гг. и живо обсуждался на страницах «Известий…» в 1883–1887 гг. Если в 1883 г. в номерах журнала статьи и заметки с неославянской риторикой и темы Балканского региона составляют по объему страниц менее десятой части либо не содержатся вовсе, то уже в номерах 1884 г. объем таких статей в большинстве случаев превышает треть содержания номера. В отдельных же случаях таковой объем достигает почти 2/3, как в случае с первым номером за 1884 г.

---

[1] Там же. – С. 117.

[2] *Успенский, Ф. И.* Как возник и развивался на Руси Восточный вопрос. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1886. – № 6. – С. 245–257.

[3] *Ровинский, П. А.* По поводу церковной конвенции между Черногорией и Римскою курией. / Письма из Черногории. Письмо П. А. Ровинского. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1887. – № 1, 4. – С. 31–34., 209–213.

В сентябре 1887 г. редактором «Известий…» на два года становится давний член Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества В. И. Ламанский[1]. В своих статьях, речах и публицистических трудах он продолжал активно развивать неославянские идеи[2]. Особенно большое внимание он уделял теме духовной близости всех славян через так называемую «кирилло-мефодиевскую традицию». Сами же его труды в силу заметности данной фигуры в среде славянофилов[3] можно считать в достаточной степени репрезентативными[4]. Исходя из духовной, новозаветной трактовки идеи «братства» через «кирилло-мефодиевскую традицию», распространенную на всех славян[5], Ламанский пришел к представлению о «славянском братстве» как базису для единения всех «малых» и «больших» славянских этнических групп, так как в нем (братстве) есть «великая сила для одиноких и целых народов»[6]. В дальнейшем Ламанский перенес концепт «братство» через метафору «братства по оружию» на взаимоотношения России и южных славян, в частности на сербов и черногорцев[7]. Синтез представлений о трансцендентном, божественном братстве в сочетании с единой языковой традицией в системе идей Ламанского приводит в определенный момент к созданию теоретического концепта естественного «всеславянского» братства и прежде всего братства и единения русских как наиболее многочисленной ветви восточных славян и южных славян, так как именно от них в свое время восточные славяне заимствовали единую

---

[1] *Лаптева, Л. П.* В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX-XX веков // Славянский вопрос. Вехи истории. М. Инст-т славяноведения РАН. 1997. – С. 118–129.
[2] *Léger, L.* Recueil d'articles en l'honneur de V.-J. Lamansky à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts scientifiques // Journal des savants. 1909. – № 4. – P. 187-188.
[3] *Болдин, В. А., Прокудин, Б.А.* Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. – С. 158–160.
[4] *Саприкина, О. В.* Академик В. И. Ламанский … – С. 5–13.
[5] *Ламанский, В. И.* Три мира Азиатско-Европейского материка // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 229, 288.
[6] *Ламанский, В. И.* Россия уже тем полезна славянам, что она существует (посвящается И. С. Аксакову) // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 445–446.
[7] *Ламанский, В. И.* Речь в Славянском обществе // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 486–488.

письменную традицию[1]. Естественность же идей подобного объединения В. И. Ламанский оправдывал, в частности, историческим опытом Люблинской унии Польши и «Западной Руси»[2]. Все это, в конечном итоге, приводит к сакрализации как самого концепта «братство», так и «естественного единения» славян, начатой в славянофильстве с середины XIX века[3].

В контексте формирования представлений о Балканских славянах в русском общественном сознании конца XIX века большой интерес представляет также журнал «Русская мысль», а конкретнее – его постоянный обзорный раздел «Заметки по внешним делам».

В третьем номере от 1883 г. в таковых «заметках» рассматривается история недавней Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Война эта, по мнению автора заметок, сделала Россию «средоточием восточной политики», отодвинув из нее прочие «великие державы». Цель России в этой войне оценивалась исключительно как благородная. Порядок управления, установленный Портой, прямо назывался «неумелым», «самовластным» и, главное, «неестественным»[4]. Под «естественными» же воспринимались для балканских народов или независимое от иных народов самоуправление, или самоуправление под патронажем России. На контрасте и в сопоставлении с недавними событиями Русско-турецкой войны рассматривались и оценивались и актуальные политические процессы. Так, перед войной 1877–1878 гг. русские дипломаты посещали европейские столицы с целью предотвратить образование в случае военных действий антирусского союза. В аналогичном ключе понимались автором заметки А. А. Майковым и поездки русского министра иностранных дел в Италию и Германию зимой 1882–

---

[1] Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 497.

[2] *Ламанский, В. И.* Западнославянские вопросы занимательны для нас и в мирное время; Ламанский, В. И. Национальная бестактность // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 539–560, 615–634.

[3] *Ламанский, В. И.* Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 719–720.

[4] *Майков, А. А.* Заметки по внешним делам. // Русская Мысль – 1883. – № 3. – С. 95–96.

1883 гг. На фоне нарастания конфликтной ситуации на Балканах, усиления позиций Австро-Венгрии в регионе, возникновения новых дипломатических противоречий между «малыми» южнославянскими государствами русской дипломатии вновь было необходимо «сгладить углы» и обеспечить безопасность для своего политического курса в важном регионе[1]. Важном, очевидно, и по мнению русского внешнеполитического ведомства, и по мнению составителя «заметки» для журнала «Русская мысль».

Очень интересна в этом ключе «заметка по внешним делам», написанная для вышедшего следующим четвертого номера «Русской мысли» 1883 г[2]. Там вновь поднималась проблема именно Балканского региона, и вновь при анализе актуальной политики России проводились параллели с прошедшей недавно Русско-турецкой войной. В начале заметки дана цитата из известного Высочайшего манифеста об объявлении войны Турции от 12 апреля 1877 г. Он проникнут христианской, а точнее даже православно-христианской риторикой и идеологией. Фактически посредством того, что В. И. Ламанский называл единой «кирилло-мефодиевской традицией» оправдывалось вмешательство России в южнославянско-турецкие противоречия, а также готовность русских самоотверженно и безвозмездно бороться за свободу «малых» балканских славянских народов. Подобным же идеям не чужда и панславистская риторика. Но главное здесь в следующем выводе, который делает автор «заметки» после приведенной им цитаты. Суть в том, что стоит лишь «заменить Турцию или Порту на Австро-Венгрию», то слова и смысл Высочайшего манифеста, очевидно, покажутся еще не «отошедшими в прошедшее»[3].

В итоге образы и концепты, порожденные панславистской риторикой в общественно-политическом дискурсе в определенный момент времени (апрель 1877 г.), продолжали жить. С одной стороны, подобные тексты и

---

[1] Там же. – С. 95–98.
[2] *Майков, А. А.* Заметка по внешним делам. // Русская Мысль – 1883. – № 4. – С. 89–118.
[3] Там же – С. 89.

концепты оставались в жесткой привязке с породившей их прославянской идеологией, с другой же, они обретали и некую самостоятельность, резонируя в пространстве политического воображения Российской империи с новыми текстами, идеями, концептами и, главное, злободневными международными событиями. Важно, что утрачивая способность подкреплять самою себя посредством создания новых побочных и ведущих концепций, поддерживающих суть, идеология постепенно перестает быть жизнеспособна в рамках актуального общественно-политического дискурса. В данном же случае наблюдается постоянное «обновление» панславистской идеологии. Идеи и концепты панславизма оставались на слуху у властей предержащих и актуализировались по мере необходимости в целях общественной мобилизации, а также для достижения задачи сплочения элиты. Но, кроме того, прозвучав в публичном пространстве хотя бы единожды, эти идеи становились объектом (дискурсивной точкой), применявшемся не только властью, но и иными силами, способными на созидательный труд в идеологической сфере. Силами, способными наряду с элитами использовать смыслы, заложенные в панславистских концептах. Не представляется неожиданным, что подобной силой во второй половине XIX века стала высокообразованная и не слитая всецело с властными институтами русская интеллигенция.

Так, далее по тексту упомянутой уже «Заметки по внешним делам» из четвертого номера журнала «Русская мысль» от 1883 г. автор использует апелляцию к тексту Высочайшего манифеста 1877 г. не только для параллели с актуальной политической обстановкой на Балканах, но и с целью некоторой критики правящей бюрократии Российской империи. То есть, как это не парадоксально, речь идет о критике в отношении русских властей 1883 г., оправданной самими же русскими властями еще в апреле 1877 г. Суть критики заключалась в том, что в конце заметки ее автор А. А. Майков приводил факт похвалы в отношении русских дипломатов со стороны австрийских, поскольку относительно боснийских выступлений русская миссия вела себя

«успокоительно и честно»[1]. Похвала эта, по мнению автора «заметки», не что иное, как плохо прикрытая издевка, что русская периодическая печать стремится или замять, или подать в выгодном для русского министерства свете. Ведь русская миссия не просто не поддержала праведное выступление своих «малых» славянских «братьев», но сделала это в явном противоречии с ранее озвученной Российской империей в Высочайшем манифесте 12 апреля 1877 г. позицией о защите всех балканских славян. Подобная слабость не могла, по мнению автора «заметки» и редакции журнала, не навредить возвышенным целям славянского единения.

В целом «балканская повестка» в заметках по внешним делам в «Русской мысли» с 1883 по 1889 гг. присутствует с поразительным постоянством. Она поднимается если не в каждом политическом обзоре конкретного номера, то не менее шести раз в год[2].

В 1890–1900-е гг. заметок о зарубежных делах становится уже меньше. Сильное влияние на содержание и тематику журнала оказали события революции 1905–1907 гг. С 1905 г. в «Русской мысли» все больше пишут о российских внутриполитических проблемах и все меньше объем статей посвящен зарубежным темам. Практически в каждом номере прямо (в названии статьи или заметки) или косвенно (в целом по тексту статьи) поднимаются вопросы общественно-политической жизни в Российской империи. Литературные произведения (стихи и повести) в «Русской мысли» в этот период также сосредотачиваются на внутрироссийской рефлексии. Иностранная политика реже попадает в фокус внимания авторов журнала.

Но в 1907 г. эта тенденция временно меняется. С 1907 г. раздел, когда-то носивший название «Заметки по внешним делам», называется «Иностранная политика», однако суть и содержание данного раздела меняется не так значительно. Можно, тем не менее, констатировать тот факт, что после

---

[1] Там же – С. 118.

[2] Русская мысль. – 1883. – № 3-11. Русская мысль. – 1884. - № 1–4, 6–12. Русская мысль. – 1886. – № 1, 2, 4–12. Русская мысль. – 1887. – № 1–12. Русская мысль. – 1888. – № 1–8, 10–12. Русская мысль. – 1889. – № 1–12.

переименования раздела стилистика и характер заметок отходят от повествовательного стиля и приобретают больше черт, свойственных научным обозрениям и аналитическим сводкам. Теперь в отдельных номерах обычно помещаются статьи в «Иностранной политике», посвященные лишь одной конкретной стране, чаще всего Германии и Франции, реже – Австро-Венгрии.

Интерес к балканским славянам также переживает подъем. Так, в одиннадцатом номере «Русской мысли» за 1908 г. выходит большая статься Александра Александровича Стаховича «По южным славянским странам», представляющая обзор и перепечатку писем автора, написанных во время поездки в Чехию и южнославянские земли. Здесь дается краткий обзор чешской и южнославянской культуры, прежде всего особенностей местных литературных произведений. Поднимается проблема малого интереса в русском обществе к произведениям славянских авторов. Причем, ссылаясь на опыт последнего на тот момент Славянского съезда в Праге, Стахович отмечает, что это «инфантильное» равнодушие к славянской литературе характерно даже для многих русских, поместивших славянскую тематику в центр своих научных и общественных интересов. В этом Стахович видит, в частности, одно из «слабых мест» современного ему учения неославизма[1].

К 1911 г. же балканская славянская повестка на страницах «Русской мысли» вновь постепенно стихает, как и любая другая национально ориентированная повестка, кроме внутренней российской и (частично) еврейской. Сопряжено это с приходом в журнал большого числа авторов – приверженцев социалистических идей, таких как В. Я. Богучарский (Яковлев). Заметки и о международной тематике носят скорее теоретический характер и посвящены интернациональным проблемам, таким как борьба низших сословий и классов за политические права[2]. Это

[1] *Стахович, А. А.* По южным славянским странам. // Русская мысль. – 1908. – № 11. – С. 130–142.
[2] *Богучарский, В. Я.* Из истории политической борьбы в 80-х годах. / Жаботинский, В. Е. Письма о национальностях и областях. Еврейство и его настроения. / Рысс, П. Я. Психологический кризис. // Русская мысль. – 1911. – № 1. – С. 1–47, 95–115, 129–140.

согласуется и с предшествующим смещением российской политической повестки в целом от внешних вопросов в сторону внутрироссийских экономических и национальных противоречий[1].

Активно обсуждались идеи славянского единения и в иных заметных российских публицистических изданиях начала XX века. Так Ю. В. Ромашов отмечал, что в газете «Новое время» в 1908 г. уделялось внимание недостаточной прагматичности России во взаимоотношениях с балканскими славянами, особенно с теми, что были ею не так давно освобождены от османского ига. Якобы Россия поступила излишне благородно, не став навязывать по факту освобождения «малым» Балканским государствам своего прямого экономического или политического влияния. Вместо этого Россия дала этим странам широкие возможности для самостоятельного определения своей экономической политики и дипломатической стратегии. Этим, по мнению газеты «Новое время», Россия просто отдала братские южнославянские страны «в зависимость к германскому капиталу»[2].

В то же время, как убедительно доказал Д. Е. Новиков, в 1906–1914 гг. русская либеральная мысль, сделав ставку на появившуюся в ходе революции 1905–1907 гг. многопартийную систему и послабления в сфере цензуры, постаралась захватить внимание широкой общественности империи, дабы с опорой на социальную поддержку лоббировать тот политический курс, который казался ей наиболее верным[3]. В первую очередь это относилось именно к внешней политике Российской империи на Балканах. Предполагалось сплотить общественное мнение Российской империи и иных славянских стран вокруг идеи защиты «славянства», что напрямую

---

[1] Приложение к протоколам совещания парламентской фракции конституционно-демократической партии с представителями местных групп партии 23 мая 1910 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия» (РОССПЭН), Центр полит. и экон. истории России Рос. независимого ин-та соц. и нац. проблем, Гос. архивная служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Д. Б. Павлов, отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 264–265.

[2] *Ромашов, Ю. В.* Кризис идеи славянского единства в конце XIX – начале XX в. В российском обществе // Власть., 2013. – №3. – С. 166.

[3] *Новиков, Д. Е.* Русские либералы о славянском национальном движении в Восточной Европе и на Балканах (1906–1914 гг.) // Славянский альманах. 2001. – М., 2001. – С. 182–196.

соответствовало задачам соблюдения национальных интересов России. Такое понимание «национальных интересов России» было присуще в первую очередь русским либеральным течениям. В частности именно русские либералы начала XX века закрепили в русском общественном сознании понятие «германизма» как враждебной политической идеологии по отношению к славянским странам и объединениям. Подобные шаги формировали образ Германии и Австро-Венгрии как «агрессоров», в то время как Россия укреплялась в статусе «сестры-покровительницы» или «сестры-заступницы». Наибольшее значение в рамках русской либеральной повестки приобретала кадетская газета «Речь», ключевой автор которой – глава партии кадетов П. Н. Милюков[1] – считался в этот период в Российской империи, причем не только в либеральной среде, ведущим специалистом по вопросам балканской политики России. А славянская национально ориентированная риторика хоть и не лежала в основе политической программы кадетов, тем не менее периодически использовалась ими в своих программных документах с 1905 г.[2], видимо, по причине того, что дискурсивные формы панславизма в целом продолжали иметь достаточно большое влияние в русском общественном сознании в начале XX века.

Интересно, что в 1909 г. в связи с Боснийским кризисом кадетская партия высказывалась за сохранение Россией нейтралитета в сербском вопросе. Но несмотря на этот факт, в протоколах заседания партии этого времени неосознанно признаются, во-первых, общерусские «симпатии» к Сербии и Черногории, а, во-вторых, что эти симпатии сами по себе воспринимаются в России как мотив для вступления в войну на стороне

---

[1] *Милюков, П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского: С прил. 2 карт и пересмотр. в 1909 г. текста турецкой конституции / П. Н. Милюков. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. – 404 с.

[2] Доклад П. Н. Милюкова «О тактике партии в Государственной Думе». // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост. и ред.-подготовитель О. Н. Лежнева, отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 202–217.

сербов. А факт привлечения Болгарии на антирусские позиции оправдывается кадетами прежде всего влиянием на Болгарию Германии[1].

Последовательную политику по поддержанию в общественно-политическом дискурсе Российской империи концепций славянского единения на основе общей веры и языка в начале XX века проводили партии правого толка[2], центром идеологической повестки которых были «исконные» российские ценности, традиции и смыслы. Они согласуются с характерной в этот период в Российской империи панславистской идеологией. В документах русских социалистических партий начала XX века риторика «братских» народов отсутствует в противовес правым[3].

В Российской империи во второй половине XIX века были организованы мероприятия, призванные восстановить пошатнувшийся после неудач Крымской войны международный авторитет России в сознании славянских народов[4] – Всероссийская Этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г.[5]. Данное, как казалось, культурное событие имело широкое политическое значение, прежде всего в деле консолидации славянской интеллигенции под руководством России[6]. И особенно это сказалось в части привлечения славян, проживавших на территории Австро-

---

[1] Журнал заседания Центрального Комитета к.-д. партии 1 марта 1909 г. // Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 Т. – М.: Прогресс-Академия, 1994. Т. 1: протоколы центрального комитета конституционно-демократической партии, 1906–1911 гг. – № 144. – С. 332–345.

[2] [Информационное сообщение] О заседании главной палаты Союза имени Михаила Архангела. // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов, отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С. 549–550.

[3] Из речи М. И. Скобелева на заседании IV Государственной Думы при обсуждении бюджета на 1916 г. // Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Центр полит. и экон. истории России Рос. независимого ин-та соц. и нац. проблем, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, сост. С. В. Тютюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 422–427.

[4] *Чуркина, И. В.* Южные славяне на Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.). – С. 191–208.

[5] *Чуркина, И. В.* Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах. – М., 2008. – С. 5–17.

[6] *Никитин, С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – С. 87–93.

Венгрии[1]. Так, с точки зрения своего дипломатического резонанса и явно или не явно демонстрируемой позиции России по отношению к славянам Австро-Венгрии, это мероприятие можно сопоставить по значению со Славянским съездом 1848 г. в Праге[2], манифест которого в свое время призывал к предоставлению славянам-поданным Вены широкой политической автономии и даже независимости[3]. Как отмечал В. Н. Виноградов, в Австрии данный съезд, будучи «побратимством на панславистской основе»[4], фактически воспринимался как заговор против интересов ее правящего сословия.

Таким образом, полемика по вопросам славянского единения развивалась и нагнеталась на страницах российских публицистических изданий последней четверти XIX века и при проведении «славянских» мероприятий международного значения. Отметим особо, что данные идеи в русской публицистике не формировались в абсолютном вакууме, подразумевавшем некий отрыв от реалий быта и проблем «малых» славянских народов на Балканах. Исследователи прослеживают влияние на генезис славянофильских идей образа южных славян, отраженного в текстах русских путешественников середины XIX века (или более ранних), позднее получили широкое распространение[5]. Все большее значение в конце XIX века данные путешествия как отдельный жанр приобретают и в русской публицистике. М. В. Медоваров кластеризировал жанры, характерные в 1890–1903 гг. для журнала «Русское обозрение», одного из наиболее ярких общественно-политических изданий дореволюционной России. Медоваров показывает, что в данный период к кластеру «путешествия» причисляется не менее семи

---

[1] Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского 40-80-е гг. XIX в. – М.: «Наука», 1975. – С. 270–376.

[2] *Саприкина, О. В.* Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 10 (43). – С. 131–142.

[3] Бакунин М. Л. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст. А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; коммент., указ. имен П. И. Талеров). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 93–96.

[4] *Виноградов, В. Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. … – С. 158.

[5] *Липради, И. П.* Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Сербия // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. – СПб., 2018. – С. 491–506.

процентов публикаций журнала[1]. При этом «балканские» путешествия количественно занимают в этом кластере одно из первых мест. Причины этому можно увидеть в географической близости к России Балканского региона и все усиливавшемся в данный период внимании к проблемам «малых» балканских народов в русском общественно-политическом сознании.

В итоге становится возможным говорить о тесной связи и взаимозависимости всех трех элементов в системе русского массового сознания: представления о южных славянах – русский панславизм – славянофильство.

Подобные идеологические воззрения, формируясь и укрепляясь в русском обществе, способствовали проникновению панславистской риторики на уровень официальных документов, оформлявших ход международного взаимодействие «крупных» и «малых» акторов в рамках Балканской подсистемы международных отношений. Концепции «славянской взаимности» и «естественности славянского единения» проникали, как это будет показано ниже, в официальные документы и планы русского Главного штаба, а также принимались в расчет населением и лидерами Балканских государств, таких как Черногория.

Подводя итог: особые исторические и природно-географические условия Балканского региона накладывались на системный характер международного взаимодействия в начале XX века. Это определяло суть конкретно балканской подсистемы взаимодействия и влияло на характер взаимоотношений «великих держав» с государствами региона, придавая этим отношениям специфические, произрастающие из системных особенностей черты. При этом конкретно русская политика на пространстве Балкан, начиная еще с XVIII столетия и особенно в XIX – XX веках, идеологически была ознаменована большим значением «братского» славянского дискурса и идей

[1] *Медоваров, М. В.* О редакционной политике журнала «Русское обозрение» (по материалам базы данных содержания журнала) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019., – № 1. С. 48–50.

«славянского единения» и «славянской взаимности». В русле особой «русской панславистской риторики» был сформирован специфический образ южнославянских братских народов и, в частности, черногорцев. Благодаря усилиям славянской интеллигенции XIX века данный образ стало принято описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность, и соотносить с ним русскую балканскую политику. По этим причинам русский политический курс в отношении Черногории в 1903–1912 гг. находился в дискурсивной и диалектической взаимосвязи и взаимозависимости с политическими целями Российской империи в Балканском регионе.

ГЛАВА II. Динамика российско-черногорских отношений в 1903–1912 гг.

2.1. Сербия и Черногория в военно-стратегических планах Российской империи на Балканах в 1903–1912 гг.

В 1902–1903 гг. русский Главный штаб при составлении военно-стратегических планов в отношении Балканского региона оценивал состояние вооруженных сил «малых» Балканских государств, а также их возможную роль в предстоящем конфликте. В первую очередь в 1903 г. в подобных планах фигурировали «братские» Сербия и Черногория[1].

С осени 1901 г. российским военным министерством был утвержден в должности военный агент для славянских государств Балканского полуострова. В круг его обязанностей вошли и военные дела Черногории. Весной 1902 г. данная военная агентура была разделена на две самостоятельных – одну для Болгарии и другую для Сербии и Черногории. На должность последнего сначала был назначен Генеральным штабом полковник Леонтович (впоследствии его сменит полковник Н. М. Потапов). Изначально постоянное местопребывание агента в Черногории было назначено в сербском Белграде. Дабы при этом иметь возможность наблюдать за военными делами в Княжестве, ему предоставлялись две поездки в Цетинье общей продолжительностью в 2 месяца. Подобный порядок в докладах военному министру оценивался как малоэффективный вследствие замедленности получения полковником Леонтовичем информации об обстановке в Черногории[2] и отсутствии с его стороны постоянного контроля.

Неустойчивость внешней политики Сербии резко отражалась на ее армии, постоянно находившейся в процессе преобразования. Каждая смена

---

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 30.

[2] Доклад Главного штаба военному министру А. Н. Куропаткину о поручении наблюдения за военными делами в Черногории российскому военному агенту Белграде // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 2. – С. 29.

политического режима и новый военный министр привносили некие новые начинания, часто не успевавшие даже претвориться в жизнь. Все это крайне затрудняло для наблюдателей Главного штаба оценку состояния сербской армии[1].

По последнему закону о воинской повинности 1901 г. вооруженные силы Сербии состояли из трех призывов народного войска и ополчения (сербское «Последняя отбрана»). Воинская повинность сроком в 25 лет была обязательна для каждого серба от 20 до 45-летнего возраста для трех призывов и для лиц 17–20 и 44–50 лет для ополчения. Армии придавалось несколько однообразное, по сравнению с дореформенным, устройство, несмотря на ярко выраженное стремление правительства придать ей исключительно милиционный характер, наиболее пригодный в Сербии для целей обороны. Воинская повинность была поголовной, и всякого рода льготы предоставлялись с большой строгостью. Армия пополнялась территориально, для чего страна делилась на 5 дивизионных областей, те на 3 полковых округа, а они, в свою очередь, на 4 батальонных среза. Это разделение, однако, уже устарело, так как 20 имеющихся в армии полков пополнялись всего пятнадцатью полковыми округами. В военное время каждый полковой округ выставлял по одному пехотному полку 1-го, 2-го и 3-го призывов, а каждая дивизионная область по одному запасному батальону на каждый мобилизованный полк 1-го и 2-го призывов. Поступавшие на военную службу отправлялись на пополнение частей пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, обозных, санитарных и охранительных частей. Ежегодный контингент новобранцев составлял 20,5 тысячи, из которых 6000 получали освобождение от службы и около 15 тысяч на нее принималось. В этой ситуации военнообязанных часто не хватало, и имелись сведения, что даже первый призыв не мог быть полностью укомплектован, а второй и третий

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 32.

оставались полностью без запасных частей. Несмотря на привлечение общим порядком и с разными льготами к сверхсрочной службе, недокомплект унтер-офицеров для полевых войск на военное время исчислялся одной третью от общей потребности армейских частей.

Также, хотя для пополнения и подготовки старшего офицерского состава были предприняты серьезные меры, в том числе и русским военным агентом в Сербии полковником И. Н. Сысоевым, на потребность армии в более чем шести тысячах офицеров сербский штаб мог предоставить менее трех тысяч. С проведением же реформ и увеличением числа армейских категорий, как заключал Главный штаб, сербская армия располагала лишь третью необходимых кадров.

Кроме того, имелись проблемы и с гужевым транспортом. Лошадей и мулов имелось порядка 80% от уровня потребностей военного времени, и для создания обозов в отдельных случаях приходилось использовать волов.

В мирное время Сербия располагала следующим контингентом постоянных войск, не считая охранительных частей: 64 с половиной батальона, 17 эскадронов, 55 батарей, 5 обозных эскадронов, 5 санитарных рот. В целом же – 1121 офицеров, 23 821 нижний чин при 186 орудиях. Для второго призыва имелся только так называемый «Кадр старейшин».

В военное время армия пополнялась резервистами и должна была состоять из 87 и 3/4 батальонов, 32 эскадронов, иметь 334 орудия со вспомогательными частями и учреждениями, такими как крепостной артиллерийский полк для обслуживания крепостных батарей и административные и санитарные части для обеспечения дивизий различными видами вспомогательной службы.

Установить точную численность этой армии представляется крайне затруднительным, так как, по донесениям в Главный штаб, даже состав пехотных батальонов определяется разными источниками неоднозначно, а относительно некоторых других подразделений подвергается сомнению сам факт их существования в военное время. Приблизительно же численность

сербской армии в военное время оценивалась Главным штабом в 120 тысяч человек при 312 орудиях, из них в запасе 22 тысячи при 22 орудиях[1].

Для вооружения пехоты Сербской армии было принято ружье Маузера 1899 г. семимиллиметрового калибра. Для инженерных войск, крепостной артиллерии и резервно-полевых и местных войск имелся запас ружей Бердана № 2 и Пибоди. Конница имела сабли и семимиллиметровый карабин Маузера Кока. Часть личного состава была вооружена револьверами Смита и Вессона. Полевая артиллерия располагала 270 полевыми и 40 горными пушками де-Банжа 8-сантиметрового калибра и 60 пушками Круппа. Остальное количество орудий, по предположению наблюдателей Главного штаба, представлялось состоящим из старых пушек Ла Гитт. В осадной артиллерии имелось 89 орудий разных образцов, в крепостной 105 орудий, из них 44 новых орудий Круппа. Патронов Маузера имелось 500 штук на винтовку вместо положенных 1000 штук. Продовольствие и перевязочные средства предполагалось «добывать от населения». Обмундирования и снаряжения для полного состава армии было совершенно недостаточно[2].

В случае объявления мобилизации в Сербии надеялись поставить под ружье полевые войска в 5–8 дней, обозы – в 10 дней, второй призыв – в 2 недели, третий призыв – в 3 недели. Однако, по оценкам аналитиков русского Главного штаба, предполагать подобные сроки было бы излишне самонадеянно. Здесь сербским командованием явно не учитывалось сложное устройство, слабость кадров, полное отсутствие людей для запасных частей, более чем 50% некомплект офицеров, 20% недостаток лошадей и необходимость большую часть довольствия добывать путем реквизиции его у населения. Так, в 1885 г. Сербия затянула свою мобилизацию на два месяца, дав тем самым болгарам время подготовить и собрать свою молодую армию[3].

---

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 32–35.
[2] Там же. – С. 36–37.
[3] Там же. – С. 37

Однако помимо вопросов слабого технического оснащения потенциального союзника в донесениях офицеров Главного штаба обсуждаются и вопросы сугубо политического характера. В отдельных случаях значение политических аспектов, связанных с построением русских военно-стратегических планов на Балканах, по своей значимости или «остроте» даже превосходит значение вопросов из сферы сугубо военных расчетов.

Во-первых, по организации и в целом по характеру обучения и боевой подготовке сербская армия до последнего времени находилась под прямым влиянием австрийской, из рядов которой она заимствовала учителей, а в ее учебных заведениях проходили подготовку ряд сербских офицеров. Следует, однако, отметить, что подготовка и модернизация сербской армии велась австрийцами в рамках определенных границ, так как последние имели опасение, что в определенной ситуации Сербия не сможет адекватно вступить в конфликт против Австро-Венгрии на стороне Антанты. Кроме того, обучение в сербской армии затруднялось и рядом внутренних причин, таких как достаточно короткий срок службы, составлявший в мирное время всего полтора-два года. Также исходя из финансовых соображений резервистов призывали гораздо реже положенного, хотя и положено было всего на 15–30 дней в году, а занятия в ряде крупных воинских подразделений в последние годы не производились вовсе[1].

Во-вторых, внутренний быт армии был подвержен «разлагающему влиянию» политических партий, а часть офицеров была воспитана в духе враждебного России милановского режима[2].

И все же, несмотря на означенные проблемы, русский Главный штаб был готов пойти на оказание финансовой и кадровой помощи сербской армии с целью привлечения страны в сферу своего непосредственного влияния. Отмечалось, что разграничение сербских и болгарских интересов на Балканах,

[1] Там же. – С. 37.
[2] Там же. Примечание 4. – С. 44.

в первую очередь по вопросу Македонии[1], и последующая «популярная» «народная» война смогут послужить основой единства этих стран и внутреннего национального сплочения. Отдельно отмечалось, что, хотя сила сербских войск самими сербскими офицерами оценивается достаточно высоко, русскому штабу в своих оценках надлежит быть скромнее и не доверять излишне идеализированным воззрениям сербского командования.

Начало русской военной помощи Черногории было положено 6 июля (24 июня по старому стилю) 1895 г. в ответ на просьбу князя Николы о предоставлении денежной помощи на формирование учебных частей. Тогда была установлена субсидия в 82 тыс. рублей, и с начала 1896 г. она была включена в бюджет российского Военного министерства[2]. Еще ранее, в мае 1894 г., Россия послала в Черногорию 30 тысяч винтовок Бердана, а затем 30 тысяч трехлинейных винтовок образца 1891 г. («мосинок» или «московок», как ее стали называть в Черногории) с 12 миллионами и 12,9 миллиона патронов соответственно[3]. Сконструированный С. И. Мосином по-новому работающий магазин по подаче патрона путем введения отсечки-отражателя и простота винтовки для промышленного производства позволили ей успешно конкурировать с образцами бельгийского оружейника Л. Нагана. 16 апреля 1891 г. винтовка была принята на вооружение[4].

В 1902 г. в ответ на ходатайство Черногорского князя Николай II согласился на увеличение размера военной субсидии до 249 тыс. рублей для финансирования военной реформы[5]. В этот период в Черногории на поступающие из России средства формируется Цетиньский учебный пехотный батальон общей численностью 1500 человек, где призывники

---

[1] *Исаева, О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии. // Македония: проблемы истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 72–99.
[2] Доклад Главного штаба А. Н. Куропаткину о нецелесообразности учреждения должности военного агента в Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 4. –Примечание 1. – С. 46.
[3] Доклад Главного штаба военному министру А. Н. Куропаткину о поручении наблюдения за военными делами в Черногории российскому военному агенту Белграде // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 2. – Примечание 2. – С. 28–29.
[4] Винтовка Мосина // И. Я. Орлов, В. В Якимец, М. В. Козлов, А. И. Евдокимов. Инженерные шедевры России – Казань., «Кварц», 2008. – С. 190.
[5] *Хитрова, Н. И.* Предисловие / Н. М. Потапов. Т. 1. – С. 16.

ежегодно должны были проходить четырехмесячную военную подготовку в три смены. Формируются учебная артиллерийская батарея, где службу одновременно несли 93 милиционера по тем же срокам, что и в учебном пехотном батальоне. Конницы Черногория не имела, а весь имевшийся в распоряжении гужевой транспорт пускала на нужды обозов и прежде всего артиллерии[1].

Также летом 1902 г. русские дипломатические представители, отвечавшие тогда за передачу русской военной субсидии черногорскому правительству, докладывали министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о проводимых князем Николой изменениях в организации военных сил Черногории. В частности – о перераспределении численности формировавшихся по милиционному принципу батальонов в примерно равное соотношение. Однако это было сделано в ущерб давней черногорской традиции комплектования одной войсковой единицы выходцами из одной местности, что позволяло соблюдать в них однородность племенного состава и способствовало повышению боевого духа. При этом часть старых начальников, пользовавшихся среди солдат авторитетом, была отстранена от командования под предлогом «зрелости лет и непригодности к новому уставу»[2]. Такие перемены оказывали пагубное влияние на боевой дух как отдельных бригад, чет (рот) и взводов в частности, так и на боеспособность ранее всегда однородной и стойкой черногорской армии в целом. Это заставляло русский Главный штаб все чаще обращать свое внимание на проходящие в черногорской армии преобразования, ведь Россия отводила Черногории отнюдь не малозначимую роль при составлении в 1902 г. примерных сценариев борьбы с Австро-Венгрией.

---

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 38–39.

[2] Депеша российского министра-резидента в Цетинье П. М. Власова министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу об изменениях в организации вооруженных сил Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 1. – С. 27.

В этой связи в рапортах и донесения 1902 г. все чаще мелькают мысли о необходимости назначения в Черногорию отдельного военного агента[1]. Выступил с подобной инициативой и сам черногорский князь Никола, в общении с русским дипломатическим представителям А. П. Щегловым он высказал желание видеть в Черногории постоянного военного агента, который бы руководил модернизацией войска[2].

Основные опасения Главного штаба были связаны с тем, что увеличение числа русских военных агентов в регионе неминуемо привлекло бы внимание третьих держав, и в первую очередь Австро-Венгрии. Она, в свою очередь, опасаясь усиления присутствия России на Балканах, также могла бы предпринять попытки установить здесь свое влияние и учредить подобные же должности, что пошло бы вразрез с интересами России[3].

После инспекционной поездки в Черногорию полковника И. Н. Сысоева, ставшего русским военным агентом в Сербии и Черногории 9 октября 1902 г., он сделал вывод, что Черногория имеет прекрасный материал для подготовки армии, «много лиц испытанной храбрости», но в нынешних условиях подготовку здесь боеспособной армии вести крайне проблематично. Конкретно среди минусов подготовки он отмечал отсутствие теоретически подкованных в военном деле людей, крайне «легкомысленное» отношение к развитию вооруженных сил, «граничащее иногда даже с наивностью», и недоверие князя к ближайшим помощникам вкупе с отсутствием у последних всякой инициативы[4]. «Если же заняться, как следует

[1] Донесение И. Н. Сысоева В. П. Целебровскому о целесообразности назначения российского военного агента в Черногорию для контроля за реформированием черногорского войска // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 9. – С. 52–54.

[2] Депеша российского министра-резидента в Цетинье А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о желании черногорского князя Николая назначить в Черногорию постоянного русского военного агента // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 5. – С. 47.

[3] Доклад Главного штаба А. Н. Куропаткину о нецелесообразности учреждения должности венного агента в Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 4. – С. 45.

[4] Доклад Главного штаба Николаю II о донесениях И. Н. Сысоева относительно состояния вооруженных сил Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 12. – С. 57–58.

организацией черногорских вооруженных сил, то 35-тысячная черногорская армия стала бы мощной силой в регионе», – отмечал И. Н. Сысоев[1].

В этом свете скорейшее назначение сюда отдельного военного агента виделось делом весьма желательным. Русский дипломатический представитель А. П. Щеглов в доверительном письме министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу высказывал мысль, что в этом случае контроль за расходованием русских военных субсидий будет осуществляться наилучшем образом[2]. Тем более что Россия выплачивала Черногории и иные субсидии на государственные нужды, составлявшие около половины ее годового бюджета[3]. В частности, выплачивались прямые субсидии на личные расходы для членов черногорского правящего дома, причем воспринимавшиеся ими, по емкой оценке секретаря русской дипмиссии в 1905 г. Ю. Я. Соловьева, «как своего рода дань»[4].

Принимая во внимания вышеизложенные факты, русский Главный штаб принял решение о назначении в Черногорию постоянного военного агента, утвердив на этой должности подполковника Николая Михайловича Потапова[5]. 10 августа 1903 г. он прибыл в Цитинье, и на следующий день А. П. Щеглов представил его княжеской семье[6]. Его высочество просил подполковника смотреть на черногорскую армию «как на составную часть императорской армии и работать здесь, как у себя дома», наставлять «неопытных еще» офицеров и лично его и следить за расходованием сумм, ассигнованных на военные силы княжества[7].

---

[1] Донесение И. Н. Сысоева управляющему делами военно-учебного комитета Главного штаба В. П. Целебровскому о формировании учебных батальонов черногорской армии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 8. – С. 50–51.

[2] Доверительное письмо А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о необходимости контроля за расходованием военной субсидии Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 13. – С. 58–60.

[3] *Хитрова, Н. И.* Россия и Черногория. … – С. 41.

[4] Соловьев, Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893–1922 / Ю. Я. Соловьев; [вступит. ст. Б. Штейна]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – С. 161.

[5] Депеша А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о назначении Н. М. Потапова постоянным военным агентом в Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 14. – С. 60–61.

[6] Рапорт Н. М. Потапова начальнику военно-статистического отдела Главного штаба В. П. Целебровскому о приезде в Цетинье и Представление Черногорскому князю Николаю // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 15.– С. 61–62.

[7] Депеша А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о прибытии Н. М. Потапова в Цетинье и представлении его князю Николаю // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 19.– С. 65–66.

Таким образом, о состоянии и боеспособности черногорской армии лучше всего судить по докладным запискам и дневникам русского военного агента в Цетинье. Н. М. Потапов родился в 1871 г. и к 1903 г. являлся одним из лучших военных специалистов своего времени. Завершив в 1897 г. учебу в кадетском корпусе, он поступил в артиллерийское училище и затем успешно оканчил Академию Генерального штаба. После этого Потапов длительное время стажировался в западноевропейских странах (Германия, Франция, Швейцария и Австро-Венгрия), где изучал организацию военного дела[1], применение скорострельной артиллерии, считавшейся тогда пиком развития инженерно-технической военной мысли. Тогда же он овладевает и сербским языком, помимо языков западноевропейских[2]. Первое служебное назначение за границу Потапов получил в 1901 г., когда был направлен помощником военного атташе в Вену, где пробыл почти три года. Неудивительно, что ему была доверена должность военного агента в Черногории.

Изначально в руках Н. М. Потапова сосредотачиваются большие полномочия по контролю над расходованием русских военных субсидий и обязанности в проведении мероприятий по содействию в модернизации черногорского народного войска. При этом ему запрещалось вмешиваться во внутренние дела государства. В обязанности же военного агента инструкцией Главного штаба вменялось: оценка организации и боевой готовности черногорского войска; установление порядка обучения в частях; обеспечение средствами быстрой мобилизации армии и переориентации производства на военные нужды; контроль состояния запасов, необходимых для военных действий; инженерной подготовки страны и развития в ней путей сообщения[3].

Значение русского военного агента при черногорском дворе в данный период наглядно иллюстрирует следующий факт. Н. М. Потаповым лично был

---

[1] *Кавтарадзе, А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – М., 1988. – С. 62, 63, 115.

[2] *Колпакиди, А. И., Прохоров Д.П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – С. 25–27.

[3] Инструкция Главного штаба о задачах российского агента в Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 22. – С. 71–72.

составлен проект военного бюджета княжества на 1904 г., и этот проект был одобрен и принят князем Николой в ноябре (декабре) 1903 г.[1]. Его впоследствии положительно оценил и Главный штаб[2].

Также Н. М. Потапов осматривал пограничные укрепления Черногории, основные военные склады и знакомился с внешнеполитическими планами княжества[3]. Он предложил меры по совершенствованию боевой подготовки новобранцев[4]. В рапортах агент докладывал о проведении маневров и тактических учений, а также о проделанных успехах и дальнейших планах по реорганизации черногорской армии[5].

Составление военных бюджетов на 1905, 1906, а затем и на последующие годы также не проходит без участия Н. М. Потапова[6]. На средства русских субсидий в 1905 г. в Италии приобретались новые артиллерийские орудия[7], совершались поездки Потапова во Францию и Англию, где он лично выбирал образцы пулеметов для черногорской армии[8].

Об уровне доверия, которое оказало русскому военному агенту Н. М. Потапову, свидетельствует следующий факт. В 1912 г. отношения России и Черногории будут осложнены в связи со вступлением Черногории в Балканскую войну вопреки предписанию русско-черногорского соглашения 1910 г. В этот период русские представители будут отодвинуты черногорским правительством от процесса военно-стратегического планирования, принятия

---

[1] Донесение Н. М. Потапова В. П. Целебровскму об утверждении составленного им военного бюджета на 1904 г. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 31. – С. 86-87.

[2] Доклад Главного штаба А. Н. Куропаткину о положительной оценке черногорского военного бюджета на 1904 г. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 39. – С. 103-104.

[3] Из доклада Главного штаба Николаю II о деятельности Н. М. Потапова по совершенствованию обучения черногорской армии в январе-апреле 1904 г. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 38. – С. 102-103.

[4] Письмо Н. М. Потапова В. П. Целебровскому с предложением мер по усилению боеспособности черногорской армии и определении ее задач на случай войны // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 34. – С. 91–93.

[5] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб с проектом реорганизации артиллерии черногорской армии, составленным начальником Артиллерийского отделения Военного министерства Черногории бригадиром Мартиновичем // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 54. – С. 124-125.

[6] Сравнительная ведомость денежным отпускам на нужды черногорской армии // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3197. Л. 1–9.

[7] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб с характеристикой артиллерийских орудий, приобретенных в Италии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 112. – С. 213–215.

[8] Письмо Ф. Ф. Палицына В. Н. Ламздорфу о направлении Н. М. Потапова в Париж и Лондон с целью выбора образцов пулеметов для черногорской армии / Отчет Н. М. Потапова о поездке в Париж, Лондон и Берлин и заказе пулеметов и боеприпасов для черногорской армии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 116, 121. – С. 222, 235–238.

политических решений, повысится роль в этих вопросах представителей военных миссий в Черногории из иных «великих держав». Однако вопрос о закупке пулеметов в Германии правительство Черногории не будет давать кому-либо на откуп, но сосредоточит строго в своих руках[1], тогда как еще до 1910-х гг. подобные вопросы конкретно Потапову черногорским правительством доверялись. Притом что данный вид вооружения имел специфическое значение для черногорской армии не только с точки зрения его инновационности на момент начала XX века, но и с учетом выгоды его применения в военных действиях, в условиях преобладания холмистого или гористого рельефов.

С первых недель своего назначения в Черногорию Н. М. Потапов начал инспекционные проверки черногорских военных подразделений, о результатах которых рапортует в Главный штаб[2]. Отдельно он составляет сводное, невероятно емкое и четкое описание состояния черногорской армии на конец лета 1903 г., где также дает ее краткую характеристику.

В начале XX века черногорская армия продолжала формироваться по милиционному принципу, то есть призывом народного ополчения. Принцип этот, несмотря на кажущуюся простоту и даже некоторую примитивность, как отмечалось в Главном штабе, был наиболее эффективным для небольшого горного государства. По смелым заявлениям правительства Черногории, в ней проживало около 170 тысяч человек, но, учитывая недавнюю вспышку эпидемии и миграцию в США, это число следует целесообразным считать равным 150 тысячам. При этом в случае объявления мобилизации с восьми своих военных округов (бригад) Черногория могла выставить войско общей численностью в 36 882 человека, то есть призвать на службу каждого пятого

[1] Шифрованная телеграмма Н. М. Потапова в Огенквар ГУГШ о закупке черногорским правительством в Берлине пулеметов. // РГВИА. Оп. 1. Ед. хр. 3199. Л. 1-2.

[2] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о состоявшемся сборе 18-й очереди черногорской молодежи. Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о состоянии черногорского учебного батальона. Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о посещении летнего учебного военного лагеря на Ловченских высотах. Записка Н. М. Потапова «Краткий очерк организации и боевой подготовки черногорского народного войска». Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб об осмотре артиллерийских складов и казарм в Подгорице, Спунже и Никшиче // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 16,17,18, 20 и 21. – С. 62–66, 69–71.

жителя страны. О негативных экономических факторах, снижающих мобилизационный потенциал Черногории, Н. М. Потапов прямо писал в донесениях в Главный штаб[1]. На страницах своего дневника он более явно связывал экономические неудачи и отток населения в США с неудачными политическими решениями и отдельно отмечал, что данный факт является одной из причин постепенного формирования у многих слоев черногорского общества негативного отношения к своим правителям[2].

Черногорское народное войско состояло из пехоты и артиллерии. Военнообязанными считались все мужчины, достигшие 18-летнего возраста и способные носить оружие. Для несения тягот военной службы мужское население подразделялось на три класса. Хотя при формировании войска возраст принимался во внимание, но главными критериями выступали здоровье, физическая сила и в целом «способность к перенесению тягостей военного похода».

К первому классу относились преимущественно люди от 20 до 40 лет, способные к несению наибольших тягот службы. В отдельных случаях к этому классу могли приписывать людей и старших возрастов. Во втором классе служили молодые люди от 18 до 20 лет, а также слабые физически. Применялись они для выполнения легких военных операций и пополнения частей первого класса при несении последними потерь или по достижении приписанных ко второму классу двадцатилетнего возраста. К третьему классу приписаны все неспособные к тяготам и лишениям военной службы, и в военное время их обязывали службой в интендантстве и разного рода тыловых частях.

При формировании армейских подразделений руководствовались принципом землячества, и каждая чета в итоге состояла из представителей

[1] Записка Н. М. Потапова «Краткий очерк организации и боевой подготовки черногорского народного войска» // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 20. – С. 66.
[2] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 97–100.

одного селения, где все семьи были связаны кровным родством или, по крайней мере, из одного братства.

Помимо черногорцев в народном войске служило 4 батальона мусульман, лояльных власти князя Николы Петровича, однако при распределении, на всякий случай, строго следили затем, чтобы представители разных национальностей не попадали в одни части.

Личный состав первого класса был вооружен русскими трехлинейными винтовками образца 1891 г. Военнообязанные второго класса имели на вооружении ружья Верделя, заменившие по решению командования менее эффективные ружья Бердана. Последние были отправлены на резервные армейские склады. Третий класс ружьями не снабжался. По обычаю все мужское население должно было постоянно иметь при себе револьвер, но поскольку приобретать их приходилось на собственные средства, примерно 20 тысяч человек личного состава револьверами не располагало. Офицеры вооружались казенными саблями австрийского образца. Унтер-офицеры или «подофицеры» – саблями русского образца.

Для ознакомления с оружием при получении солдатами ружей со складов им выдавалось по 20 патронов, в дальнейшем полагалось приобретать новые патроны на личные средства. Помимо этого каждый солдат должен был сам обеспечивать себя продовольствием с расчетом минимум на 10 дней похода.

Артиллерия имела в своем составе 6 бригад по 6 орудий в каждой. Всего же 22 горных орудия Круппа 75-миллиметрового калибра, 12 полевых орудий Круппа того же калибра и 2 горных турецких орудия 60-миллиметрового калибра. Также в резерве на складах имелось 6 турецких орудий калибра 8 сантиметров. Для обеспечения нужд артиллерии по транспортировке орудий к армии было приписано 600 лошадей, в мирное время располагавшихся у хозяев. Каждый приписанный к народному войску был обязан присутствовать на занятиях по требованию своего офицера не

менее 10 раз в году. При этом люди собирались обычно в выходные и праздничные дни[1].

При подобном устройстве в случае объявления мобилизации Черногория была способна в течении одной недели сосредоточить 25–30-тысячную армию на любом участке своей границы. Это ополчение было мало способно к активным военным действиям вдали от своей страны, однако при защите родных краев веками жившие в этой местности и досконально изучавшие ее горцы смогли бы проявить себя «на высоте» как ценное дополнение вооруженных сил славянских государств[2].

По завершении проверок Н. М. Потапов дал заключение о состоянии черногорской армии:

1. Неудовлетворительное функционирование военного министерства, во главе с престарелым уже воеводой Пламенацем.

2. Практически полное бездействие членов младшего командного состава, получивших свои должности 20 лет назад и тогда же последний раз видевших свои подразделения в сборе. Многие неграмотны и занимаются исключительно хлебопашеством.

3. Крайне слабо ведется строевая подготовка чет и взводов, как правило, силами лишь наспех обученных в цетинском учебном батальоне унтер-офицеров.

4. Важная для ведения горной войны саперная подготовка не проводится вовсе.

5. Отсутствует тактическая подготовка, даже в учебном батальоне, где знакомят только со сторожевой службой.

6. Не проводились еще ни разу правильно организованные маневры.

7. Отсутствует обоз.

---

[1] Записка Н. М. Потапова «Краткий очерк организации и боевой подготовки черногорского народного войска» // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 20 – С. 66–69.

[2] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 29

8. Отсутствуют интендантские, инженерные и медицинские запасы.

9. Неудовлетворительно устроены артиллерийские склады.

10. Начальствующие лица в народном войске получают нищенское жалование, вследствие чего входят в долги своим более состоятельным подчиненным и не имеют в их среде авторитета[1].

На основании данных выводов Н. М. Потапов в рапорте в Главный штаб предлагал нижеследующую программу реорганизации, тем более что в связи с завершением работ по строительству нового здания Военного министерства князь Никола замыслил также реорганизовать структуру самого министерства. Для решения этого вопроса создавалась специальная комиссия, куда приглашался и русский военный агент[2].

Комиссия рекомендовала увеличить состав министерства и провести грамотное перераспределение в нем должностных обязанностей. Военным агентом прописывается также и наилучший, по его мнению, проект новой структуры. Затем предлагалось учредить при Военном министерстве особый шестимесячный курс по подготовке офицеров Генерального штаба, где особое внимание уделялось бы принципам ведения горной войны, а также вопросам управления армии, причем не только своей, но и австрийской, и турецкой. Особым пунктом Н. М. Потапов выделил необходимость создания учебной саперной полуроты. Следующей значительной мерой он считал организацию учебных сборов инструкторов (офицеров) народного войска. И, наконец, как крайне необходимое выделено ежегодное производство правильно организованных маневров между частями различных бригад с привлечением командного состава остальных бригад как посредников и, разумеется, офицеров Генерального штаба в ролях штабных деятелей и посредников. Кроме этих мер особое внимание в программе Потапова уделено еще двум вещам: увеличению содержания офицерам народного войска и устройство

[1] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о неудовлетворительном состоянии черногорской армии и о мерах по реорганизации военного управления и учебной подготовки // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 23 – С. 73-74.
[2] Там же. – С. 74.

значительного числа новых артиллерийских складов, и рассредоточение по ним имеющихся артиллерийских запасов. Последняя мера была особенно важна для увеличения боеспособности армии, так как имелись бригады, на территории которых не было ни одного артиллерийского склада, тогда как многие другие были переполнены снарядами.

В завершение рапорта с проектом реорганизации Н. М. Потаповым приведен подсчет финансовых расходов, необходимых для осуществления всех мер. По данным этого подсчета выходило, что средства, выделяемые княжеской казной, и русские военные субсидии (в четыре раза превышавшие эти средства) не только покрывают в достаточной мере весь проект, но даже остается излишек в размере 30 тысяч флоринов, в связи с чем препятствий для осуществления проекта нет[1]. Позднее в проект было внесено ряд изменений в связи с неодобрением его русским Главным штабом. В частности, была прописана более разветвленная сеть должностей при министерстве[2]. В декабре 1903 г. Потапов рапортовал об открытии в Цетинье офицерской школы с шестимесячным курсом, что призвано было повысить образовательный уровень офицеров, а также позволяло иметь контингент офицеров для назначения на должности расширяющегося военного министерства[3].

Таким образом, анализируя возможную роль в потенциальном конфликте с Германией и Австро-Венгрией, Черногории и Сербии, специалисты Главного штаба отводили своим «малым» «братским» союзникам решение вспомогательных задач. В планах Главного штаба Российской империи армиям Сербии и Черногории отводилась задача привлечения на свои границы как можно более многочисленной группировки вероятного противника, дабы для русской армии отпала необходимость

[1] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о неудовлетворительном состоянии черногорской армии и о мерах по реорганизации военного управления и учебной подготовки // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 23. – С. 74–77.
[2] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб об обнародовании закона о новом устройстве Военного министерства Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 33. – С. 89-90.
[3] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб об открытии офицерской школы в Цетинь. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 36. – С. 95.

держать в Бессарабии значительные силы в ущерб основным направлениям наступления.

Для Сербского королевства предполагалось отвлечь нацеленный на нее XV Босно-Герцеговинский корпус Австро-Венгрии. Численность его, по оценкам русского штаба, в 1903 г. составляла до десятой части всех полевых войск Австро-Венгрии[1]. Необходимо было вынудить ее сосредоточить на юге как можно большую группировку своих войск, не считая означенной. Кроме того, в случае распространения в тылу австро-венгерских войск национальной славянской идеи и возникновения на этой волне партизанского движения от Сербии требовалось оказывать ему всяческую поддержку. При ведении Сербией успешной обороны ставился вопрос о возможностях развития успеха путем наступления вдоль реки Дрины, вплоть до захвата Сараево.

Относительно Черногории военно-стратегические планы строились сходным образом, но с учетом сравнительно меньшей численности ее армии. Поскольку в русском штабе понимали, что на масштабные наступательные действия вне своей страны черногорская армия не была способна вследствие своей достаточно жесткой территориальной привязки, а также отсутствию в Черногорской армии системы длительного продовольственного снабжения войск. (Каждый солдат должен был сам обеспечивать себя пайком из расчета на трое суток похода[2].) Тем не менее в Генеральном штабе полагались на «прекрасные боевые качества черногорского милиционера»[3].

По оценкам офицеров русского Генерального штаба, задачу минимум Австро-Венгрия видела в захвате Македонии, достижении Салоник, создании разделяющей немецко-мадьярской полосы между Сербией и Черногорией и окончательном включением их в орбиту своего экономического влияния[4]. Захват Салоник для Австро-Венгрии оказывался крайне важен и тем, что

---

[1] Объяснительная записка к ведомостям боевого расписания Австро-Венгерской армии на 1903 год. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1 Ед. хр. 759 Л. 80–86.

[2] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 38-39.

[3] Там же. – С. 40.

[4] Там же. – С. 40

данный город был призван стать крайним пунктом железной дороги, связующей Дунайскую монархию с Эгейским морем[1]. При этом южный регион империи имел крайне неразвитую инфраструктуру. Только одна железнодорожная линия Меткович – Мостар – Сараево – Добой – Брод позволяла перебрасывать войска и развивать наступление в этом направлении. В связи с этим Главный штаб ставил перед Черногорией задачу наступательного удара и захвата этой линии у Мостара или Сараево с последующим переходом к обороне и отвлечением на себя частей XV Босно-Герцеговинского корпуса. Дальнейшее развитие военных действий уже зависело бы от успехов сербов, но в любом случае Черногория служила бы прекрасным горным плацдармом на фланге наступления австрийских войск на Балканах.

Все эти вопросы, поднятые в официальных донесениях и стратегических планах еще в 1903 г., были невероятно актуальны в контексте потенциального всеевропейского конфликта. И русская военная агентура, и русский Главный штаб с начала XX века и вплоть до 1914 г. не могли с уверенностью считать ни одно из балканских государств, кроме Сербии или Черногории, заслуживающим доверия и долгосрочным союзником. Только условные «интересы» этих двух стран считались относительно близкими с интересами Российской империи на Балканах.

Конечно, основная задача в потенциальной войне ложилась, по замыслу Генерального штаба, на Сербию[2], но и необходимость в подготовке и оснащении черногорской армии всецело осознавалась[3]. В последующие годы с учетом успехов по реорганизации черногорской армии планы естественным образом дополнялись и пересматривались. Так, в связи с развитием парка

---

[1] Из Пешта (корреспонденция). // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 4.– С. 31-32.

[2] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 39–41.

[3] Донесение И. Н. Сысоева В. П. Целебровскому о целесообразности назначения российского военного агента в Черногорию для контроля за реформированием черногорского войска // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 9. – С. 52–54.

черногорской артиллерии к 1911 г. для черногорской армии в случае войны ставились и задачи по обстрелу и разрушению приграничных австро-венгерских крепостей[1]. Дабы успешно претворить в жизнь эти замыслы, Россия стремилась к подписанию военных соглашений с каждой из трех славянских стран. В потенциальных соглашениях между Россией и славянскими государствами Балкан необходимо было также сгладить накопившееся напряжение, в частности преодолеть сложившиеся Сербии, Болгарии и Черногории проблемы по вопросу статуса Македонии и Старой Сербии. В освобождении этих славянских земель Россия видела одну из важнейших задач своей внешней политики в Балканском регионе. Однако вопрос о разделе означенных земель, и прежде всего Македонии, между союзниками России оставался спорным[2]. В планах русского штаба от 1903 г. отмечалось, что в перспективе русской дипломатии следовало направить силы на склонение Румынии на свою сторону или хотя бы обеспечить ее разрыв с Тройственным союзом[3].

Для достижения означенных результатов в «борьбе славянства и германизма» (именно такие термины используются в докладах военного министерства) славянским странам Балканского полуострова необходимо проникнуться важностью идеи единства, сознанием солидарности и духом взаимного примирения. Интересно, что на почве «ненависти [в России] ко всему немецкому» пытались выстраивать свое влияние при русском императорском дворе и черногорские княжны Милица и Анастасия[4]. Факт же родства Романовых с черногорской княжеской династией сам по себе оказывал значительное влияние как на русскую внутреннюю политику начала

---

[1] Рапорт артиллерийского инструктора королевской черногорской армии полковника Рачинского начальнику Генерального штаба // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3189. Л. 308-309.

[2] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 41-42.

[3] Донесение военного агента в Румынии об особенностях военных торжеств в Бухаресте в мае 1914 года // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 1-.

[4] *Струнина, Н. Г.* Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. – № 5-1. – С. 40–41.

XX века, так и на политику, выстраиваемую в рамках балканской подсистемы международных отношений. Особенно с учетом того, что династические связи Черногория имела не только с Россией, но и с Грецией и Сербией. Так, Н. М. Потапов в своих дневниках в 1912 г. отмечал, что для короля Черногории Николы в принятии стратегических решений по вопросам ведения военных действий и внешней политики Черногории в ходе первой Балканской войны большее значение имели вопросы, затрагивавшие династические политические интересы, нежели аспекты сугубо военные или экономические[1]. Таким образом, можно предположить, что само понятие «государственных интересов» для черногорского лидера имело сугубо «монархические» формы осмысления, то есть было тождественно с его личными интересами и, несколько шире, интересами его династии. И поскольку двор Черногории установил династические связи и с домом Романовых, значит князь (король) Никола не мог даже косвенно не ассоциировать интересы своей страны с интересами Российской империи.

2.2. Влияние идеологии «славянского единения» на политику России в Черногории в 1903–1912 гг.

Когда на рубеже XIX–XX столетий в России элементы панславизма стали одной из дискурсивных и концептуальных основ политической повестки[2], у критиков панславизма за рубежом не оказалось сколь-нибудь внятного ответа для противостояния этой идеологии на пространстве Балкан и Восточной Европы, который бы выходил за рамки тезиса о том, что панславизм представляет некую абстрактную угрозу для выживания европейской цивилизации[3]. Такое замешательство зарубежных авторов может быть вполне объяснимо слабой информированностью или идеологическим

[1] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 450–464.
[2] *Ковтуненко, М. К.* Концепция политического панславизма … – С. 222–227.
[3] *Engelstein, L.* Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. – P. 20–57.

ослеплением. Но точно так же было не до конца ясно, что означало данное понятие для его апологетов в самой России[1].

Наиболее очевидно во всех версиях политического панславизма выделяется лишь идея единого славянского государства, которое возникнет в будущем[2]. Сроки претворения в жизнь данного проекта, как и сущность его воплощения, уже были предметом спора. Как предполагал еще в середине XIX века один из первых исследователей панславизма А. Н. Пыпин, это мог быть и «великий союз равноправных славянских народностей»; и идея польских панславистов о том, что во главе такого союза станет Польша, которая наделялась статусом некоего славянского мессии и, как итог, статусом лидера; и известная концепция о том, что рано или поздно «славянские ручьи сольются в русском море»[3], а средоточием славянского мира станет Москва; существовала и концепция демократического панславизма М. А. Бакунина, соединенная с социализмом[4].

Из русской перспективы вытекало, во-первых, сознание принадлежности к нации – лидеру славянского мира и, во-вторых, привычка покровительственно относиться к иным славянским народам, точно так же, как относятся в семье старшие родственники к младшим[5]. Хотя русские мыслители и осознавали, что каждый из славянских народов начал свое развитие в историческом смысле, в одно и то же время отделившись от общего корня, в их текстах все чаще и чаще звучали метафоры «младших братьев-славян», особенно в отношении южных славян. Данная особенность русского панславизма сочеталась с ресентиментом, который в данном случае указывал, по выражению О. В. Павленко, на «несправедливость существовавшего миропорядка по отношению к славянам»[6]. Такое сочетание порождало особое

---

[1] *Григорьева, А. А.* Балканская политика России …– С. 78–82.
[2] *Аксенова, Е. П.* А. Н. Пыпин о славянстве. … – С. 7–42.
[3] *Пыпин, А. Н.* «Вопрос о национальности и панславизме» // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1824. – Л. 3.
[4] *Одесский, М. П.* Автобиографическая публицистика М. А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. Серия «История. Философия. Культурология. Востоковедение». Раздел: История. Исторические науки. – 2012. – № 13(93). – С. 153–170.
[5] *Пыпин, А. Н.* «Вопрос о национальности и панславизме» // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1824. – Л. 5.
[6] *Павленко, О. В.* Панславизм. … – С. 49.

предназначение России – не только сестры всех братьев-славян, но их сестры-заступницы. Как следствие, с расцветом панславистской концепции в конце XIX – начале XX веков эти императивы проникают и в официальные меморандумы и распоряжения военного министерства, где, как кажется на первый взгляд, не должно быть места ни метафорам, ни иным литературным излишествам. Как бы то ни было, в панславизме, по наблюдению А. Н. Пыпина, перед различными славянскими народами «открылось поприще для притязаний национального самолюбия и квасного патриотизма», и «каждая заметная славянская национальность рассчитывала составить свою славу в этом будущем и выставить во всей полноте национальные свойства, составлявшие ее гордость»[1].

Среди множества факторов, оказывавших влияние на эволюцию русского панславизма, особо выделяются три основных. Во-первых, это балканская политика России, реализуемая в динамике международных отношений. Во-вторых, нарастание в XIX веке (в контексте внешнеполитических задач и пореформенной трансформации) влияния славянофильства и его наследия, обеспечившего идеологическую основу для новых проектов[2]. В-третьих, углубление и распространение представлений о «малых» балканских народах, формируемых травелогами, этнографическими очерками, популярной и художественной литературой[3].

Таким образом, хотя во второй половине XIX века в русском общественном дискурсе стали нагнетаться панславистские идеи, сначала это имело лишь теоретическое, концептуальное преломление. Однако с обретением идеей «славянской взаимности» популярности в сознании российской публики и с продолжающим оставаться неразрешенной для мировой политики «балканским вопросом» данные концепты в определенный

---

[1] *Пыпин, А. Н.* Вопрос о национальности и панславизме // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1824. – Л. 6.

[2] *Фатеев, В. А.* В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: – Антология. СПб., 2006. – С. 7–54.

[3] *Белов, М. В.* Рец. на кн.: Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., заключ. А. Л. Шемякина; коммент. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. – СПб.: Алетейя, 2006. — Славяноведение. 2009. – № 1. – С. 107–111

момент должны были начать оказывать влияние и на процесс принятия властных решений. Публицисты продвигали в печати славянофильские тезисы, и данные тексты осмыслялись и анализировались военными и гражданскими служащими страны. Таким образом, к рубежу XIX–XX веков из дискурса публицистического крыла русской интеллигенции панславистские концепции проникали в дискурс русских чиновников, находящихся на дипломатической и военной службе.

Масштабы амбиций русского панславизма полностью коррелируют с масштабами внешнеполитических сфер влияния России и с ее геополитическими амбициями на Балканах[1]. По замечанию К. В. Никифорова, «славянская идея» была также связана напрямую и с ситуацией в самой России, ее восприятием в общественном сознании[2]. На этом фоне влияние панславистских идей в России находилось во взаимозависимости с распространением славянофильских идей[3]. Затем они интегрировались в некоторые проекты и инструкции высшего уровня принятия политических решений в Российской империи – планы и приказы русского Генерального штаба в начале XX века.

Результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что идеями, характерными для поздних славянофилов, таких как Ламанский, уже в начале XX века оперируют офицеры русского Генерального штаба, воспринимавшие их, очевидно, из царившего тогда в общественном сознании панславистского дискурса. Использованием таких аргументов, как «естественное тяготение [к России]», принадлежность «к числу естественных союзников России» «по симпатиям и убеждениям массы своего населения» (применительно к «малым» южнославянским государствам), в планах Генштаба оправдывается дипломатическое и военное вмешательство России в их внутреннюю и внешнюю политику. В них также явно проступает искренняя

[1] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 15–34.
[2] *Никифоров, К. В.* Россия и славянская идея … – С. 9–18.
[3] *Павленко, О. В.* Панславизм. … – С. 48.

вера их составителей в то, что подобные метафоры и концепты всецело разделяются и самими южнославянскими народами[1]. Здесь, в частности, говорится о том, что сами «логика и исторический ход событий … подсказывают … правительствам этих государств, что их будущее тесно связано с Россией и что в силу этого они должны быть такими же преданными и искренними союзниками ее, как и управляемые ими народы»[2].

При этом периодически возникающие проблемы, связанные с негативной реакцией на русское вмешательство, объясняются враждебным влиянием иных государств. Они увязываются, вопреки прежней логике, не с симпатиями по отношению к Германии или Австро-Венгрии, но тем, что «в ряды важнейших государственных деятелей [Сербии и Болгарии] проникают лица, находящиеся под сильным влиянием австро-венгерской дипломатии»[3]. Даже благоприятные прогнозы в отношении попавшей под влияние Тройственного союза Румынии оправдывались в русском Главном штабе мнением, что «симпатии средних и низших классов населения направлены в сторону России, нежели Австрии, и [следовательно] между населением и правительственными слоями нередко замечается сильная рознь»[4]. Благодаря этому Россия будет способна выступить в роли «старшего и могучего члена в семье будущих свободных и прочных славянских народов»[5].

При рассмотрении вопроса о целесообразности сохранения и увеличения русских военных субсидий для Черногории в марте 1908 г. в записках Генерального штаба присутствуют такие же апелляции. Речь идет о «симпатии черногорского народа к России и ненависти его к другим иностранцам, входящим с ними в соприкосновение», что позволяет России надеяться на использование черногорской силы «в случае осложнений на

---

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 30–43.
[2] Там же. – С. 30-31.
[3] Там же. – С. 31.
[4] Там же. – С. 31.
[5] Там же. – С. 43.

Балканах»[1]. Анализируя же позицию черногорского князя Николы относительно выбора прорусской или проавстрийской линии, среди главных причин, не дающих князю склониться к окончательному выбору «австрийской» линии, предполагается неприятие такой политики в среде черногорских социальных низов, желающих видеть союз своей страны с «братской» Россией[2]. Таким образом, панславистский дискурс выступал для офицеров русского Генерального штаба некоей моделью, объясняющей наблюдаемые ими политические явления. При этом определенный романтический ореол данной модели, по-видимому, не смущал офицеров штаба. Причиной этому, с одной стороны, можно назвать усвоение панславистского дискурса в их среде, что делало его в достаточной степени естественным, а, с другой стороны, сказывалось то, что многие русские гвардейские офицеры времен поздней Российской империи характеризуются (М. М. Фроловой) как «литературно одаренные люди, составлявшие элиту не только русской армии, но и русского общества»[3].

Определенный «фильтр братской концепции» в отношении южных славян проявлялся и в восприятии русских, прибывавших на Балканы, в том числе и по линии военного ведомства. Представителем такой группы наблюдателей был Н. М. Потапов[4]. Задачами военного агента стало не только выяснение вопросов военного характера, таких как состояние и реформирование черногорской армии, но и текущих политических предпочтений и интересов правящих верхов Черногории и населения княжества[5].

---

[1] Записка Генерального штаба о субсидии, выдаваемой Россией Черногории, статьях расходов и о политической ориентации князя Николая // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 178. – С. 336.
[2] Там же. – С. 333–337.
[3] *Фролова, М. М.* Болгары в восприятии гвардейских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 88.
[4] *Кавтарадзе, А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – С. 62, 63, 115. *Колпакиди, А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. – С. 25–27.
[5] Инструкция Главного штаба о задачах российского агента в Черногории. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 22. – С. 71-72.

Так, в дневниковой записи от 3 апреля 1906 г. Н. М. Потаповым отмечается особенная роль в Черногории православной церкви, что не является удивительным с учетом истории становления данного государства в процессе борьбы с османским игом[1]. Это служит основанием к установлению родственной схожести русского и черногорского народов[2], что напоминает логику панславистской концепции в работах Ламанского. В целом в записях от 1906-1907 гг. уже несколько лет пребывающий в Черногории военный агент продолжает отмечать в черногорцах черты, как он считает, характерные и для своего народа, а иные считает при этом отличительно черногорскими[3].

В частых и кратких по своему содержанию рапортах и донесениях, связанных с ходом Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и реакцией на него в Черногории, сам Н. М. Потапов обычно не использовал метафор, характерных для панславистского дискурса[4]. Однако в его рапорте от 20 декабря (2 января) 1906 г. есть прямое упоминание «брата русса» в качестве расхожего для рядовых черногорцев выражения, которое они используют для описания «обильной молоком» России. Данный фактор, по его мнению, возможно учитывать при построении русского политического курса на Балканах и конкретно в рамках русской политики относительно Черногории[5].

---

[1] *Грачев, В. П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.) / В. П. Грачев ; Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. – С.45.

[2] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 44–46.

[3] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 50, 78–90, 106–118, 157–163.

[4] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о проекте против денежного налога на полученные в дар от России револьверы, раздаваемые черногорскому населению. Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о необходимости направления ему документов из Главного штаба через управление Генерального штаба. Рапорт Н. М. Потапова Ф.Ф. Палицыну о начале рассматривания основного закона о воинской повинности в Черногории. Телеграмма Н. М. Потапова военному министру А. Ф. Редигеру об усилении австрийских войск в Боснии и Герцеговине. Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о необходимости остановить военные приготовления Австро-Венгрии и Черногории. Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о принимаемых Черногорией мерах к обороне. Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о военных приготовлениях Черногории и стремлении Австро-Венгрии успокоить черногорцев. Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о вероятном прекращении опасности черногорско-австрийского вооруженного столкновения. Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о намерении князя Николая начать войну против Австро-Венгрии в случае неблагоприятных для Черногории решений конференции // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 95, 179–181, 183–185, 187–188. – С. 179-180, 338–345.

[5] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об итальянской экономической экспансии в Черногорию, оппозиционных настроениях в скупщине и мерах по укреплению политического влияния России // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 119. – С. 230–232.

В пространном рапорте от октября 1908 г., повествующем о подробностях бесед Н. М. Потапова с черногорским князем Николой о проблеме аннексии Боснии и Герцеговины[1], подобные формулы также нашли свое место. Риторическую игру начал сам князь Никола, требуя от «сестры» России защиты и покровительства как само собой разумеющегося: «Разве я не заслужил доверия России?»[2]. Он выражал недовольство, поскольку Петербург медлил тогда с подобной помощью и даже несколько ограничил ответные действия самой Черногории в отношении Дунайской монархии[3]. По этой причине князь угрожал немедленно начать войну с Австро-Венгрией без оглядки на мнение России, которая «лишает его в такое тяжелое для всего сербства время средств обороны», и пригласил Потапова наблюдателем на показательные военные совещания по данному вопросу. Этими действиями, по мнению Потапова, князь лишь поднимал «воинственный шум», который сам военный агент объяснял «не столько серьезными намерениями воевать с Австриею, сколько желанием досадить России»[4]. Тем не менее в ответах князю сам Потапов был вынужден прибегать к «братским» метафорам и уверять во взаимной искренней «привязанности» русского и черногорского народов[5].

На помощь России в осуществлении политических проектов, основанных на идеях славянской взаимности, искренне рассчитывали не только в Черногории, но и в других южнославянских государствах. А. Л. Шемякин указывал, что среди первоочередных союзников для реализации своих «заговорщицких планов» по созданию сербо-болгарской федерации Никола Пашич рассматривал именно официальную Россию. И

---

[1] *Okey, R.* Taming Balkan Nationalism. The Habsburg ’Civilizing Mission’ in Bosnia, 1878–1914. Oxford University Press., NY., 2007. – P. 16.

[2] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицину о реакции в Черногории на аннексию Боснии и Герцеговины и угрозах князя Николая начать войну против Австро-Венгрии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 189. – С. 347.

[3] Телеграмма Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о намерении Черногории предложить Турции начать совместную войну против Австро-Венгрии и разработке текста военной конвенции с Сербией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 189, примечание 1. – С. 348.

[4] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицину о реакции в Черногории на аннексию Боснии и Герцеговины и угрозах князя Николая начать войну против Австро-Венгрии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 189. –- С. 347

[5] Там же. – С. 345–348.

лишь отчаявшись найти союзника в ее лице, он обратился к помощи «революционных и патриотических организаций»[1].

Продвигая и отстаивая в рамках своей политики панславистские формулы, Россия в отдельные моменты попадала в состояние зависимости от этого дискурса, когда «малые» государства в отношениях с ней стремились применять его на пользу себе. Подобный «братский фильтр» в сознании русских функционеров, преломлявший восприятие всего славянского (и особенно южнославянского) в панславистском ключе, воспринимался офицерами Генерального штаба как должное. Даже предполагая за ними определенное критическое отношение к подобной риторике, факт «просачивания» ее в официальные документы директивного характера говорит о значительном доминировании русской версии панславизма в русском общественном сознании начала XX века. Если с ним и не соглашались, то в любом случае вынужденно считались.

Тем не менее на фоне Боснийского кризиса 1908–1909 гг.[2] и падения репутации Австро-Венгрии среди населения независимых южнославянских государств[3] воплощение русских панславистских идей в жизнь означало лидирующие позиции в реализации проекта балканского союза С. Д. Сазонова или подобных ему проектов балканской федерации[4].

Однако Балканские войны 1912–1913 гг. внесли серьезные изменения в систему балканской политики, породив противоречия, препятствовавшие объединению балканских государств. Особенно сильно, как показал в своей работе Н. С. Гусев, в 1912–1913 гг. обострились на Балканах конфликты, базировавшиеся на конфессиональной основе[5]. Усугублялось это тем, что межконфессиональные противоречия на бывшем некогда «османским»

---

[1] *Шемякин, А. Л.* Никола Пашич и проект сербско-болгарского союза (1870–1880-е гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX-XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р. П. Гришина. – М., 2014. – С. 137.

[2] *Malcolm, N.* Bosnia: A Short History. London, 2002. – P. 234–240.

[3] Проект военного соглашения между Россией и Черногорией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 248 – С. 456–459.

[4] *Богучарский, В. Я.* «Идея балканской федерации и балканские социалисты». [Путевые записи о поездке на Балканский полуостров и в Германию]. Автограф // РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Ед. хр. 56. 11 л.

[5] *Гусев, Н. С.* Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912-1913 гг. и российские мусульмане // Новейшая история России. 2018. – Т. 8. № 3. – С. 560–569.

пространстве Балкан имели уже многовековую историю как между христианами или евреями[1], так и относительно мусульман[2]. В этой связи, достигнув пика, политическое влияние панславизма стало резко спадать еще в 1913 г.[3], а после распада империи и большевизации России отошло на второй план.

В контексте событий на Балканах, вызванных появлением новых независимых государств в результате Великого восточного кризиса 1875-1878 гг., обострился спрос на новую внутриимперскую и внешнеполитическую идентичность. Частично он мог быть удовлетворен с помощью концептуальных построений славянофилов[4]. Формирование идентичностей в имперском контексте происходило в условиях противостояния геополитических пространств[5] и при «использовании других» или в поиске «своих» в «чужом» (периферийном) этноконгломерате[6].

Изобретенное в первой половине XIX века понятие «панславизма» по мере научных и полемических дискуссий и выработки конкурирующих с данным понятием моделей наполнялось разными смыслами и опиралось на достаточно малое число общепринятых дискурсивных констант. В результате «панславизм», как констатируют исследователи, не мог быть определен «до конца» ни в среде его сторонников, в том числе и российских, поскольку их позиции различались, ни в среде его оппонентов в России вне ее границ. Как правило, под последними понимаются державы-противницы России на европейском континенте[7].

---

[1] *Braude, B., Lewis B.* Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. – P. 65–84.
[2] *McCarthy, J.* Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821-1922. Darwin Press., Princeton N.J, 1995. – 383 p.
[3] Рапорт военного агента в Турции о настроениях в Трции и Болгарии относительно Сербии и общей обстановке на Балканах // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 31–34.
[4] *Рокина, Г. В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань. – 2005. – С. 15–18.
[5] *Евгеньева, Т. В.* Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России / Ценности и смыслы, 2012, № 5. – С. 27–30.
[6] *Нойманн, И.Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 12–34.
[7] *Ливен, Д.* Российская империя и ее враги. – С. 34–57.

Одна из распространенных точек зрения заключается в том, чтобы считать «русский панславизм» идеологической конструкцией позднего имперского периода, предстающей естественным продолжением процесса строительства наций. В то же время ряду исследователей он видится проекцией пангерманизма как идеологической основы немецкого имперского и национального проекта[1].

Ведущие отечественные балканисты отмечают перспективность изучения образов Балкан[2], которые отражены в записях путешественников, в частности подданных Российской империи[3]. Отмечается, что рост воинственных настроений в России в последние предвоенные годы помимо прочего возник под влиянием широко растиражированных образов угнетаемых «братских» народов[4]. Конкретизированные в словесных описаниях, рисунках и фотографиях, эти образы были меньшей абстракцией, чем идеологически сконструированная панславистская риторика, поэтому трансляция образов в публичное пространство способствовало подкреплению подобной риторики.

Благодаря широкому введению в научный оборот большого корпуса архивных источников, синхронных записей, воспоминаний и иных славяно-балканских травелогов[5] стало возможным проведение комплексного анализа указанного материала. Как отмечает исследователь той его части, что относится к первой половине XIX века, М. В. Белов, уже этот период увенчался законченной версией «братских» представлений, закрепившейся в сознании славянофильской молодежи[6]. В конечном итоге именно эта гипотеза «братства» была адаптирована русскими панславистами благодаря

---

[1] *Волков, В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» – С. 25–69.
[2] *Шемякин, А. Л.* «Мир детства» сербов … – С.72–93.
[3] *Гусев, Н. С.* Южные славяне в начале XX века … – С. 3–6.
[4] Там же. – С. 9–12.
[5] Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. – СПб., 2018. – 672 с.
[6] *Белов, М. В.* «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. – С. 96–112.

прекрасному сочетанию ее с основными дискурсивными константами панславизма.

Оформляя образы южных славян в массовом сознании, литература путешествий и подобные ей популярные издания оказывали влияние и на генезис панславистской идеи, опиравшейся на эти образы. В свою очередь панславистская концепция, в определенные периоды становясь идеологическим сопровождением российской внутренней и внешней политики[1], определяла жизнь, быт и сознание жителей страны, в том числе и отправлявшихся по различным причинам на Балканы. Здесь новый путешественник усваивал образ новых для себя этнореалий с учетом уже имевшихся у него представлений и идеологических координат, что создавало накопительный эффект и закрепляло панславистские идеи.

Таким образом, русская панславистская концепция на протяжении XIX столетия и позднее находилась в перманентном взаимодействии с образом «малых» южнославянских народов в русском общественно-политическом сознании. Но также она зависела от актуального геополитического «веса» России, во многом опираясь на него, а также от восприятия российской мощи в Европе. Панславизм русского образца развивался параллельно с мифом о «братьях-славянах». Он опирался на данный миф и реагировал на текущую политическую повестку, но также учитывал иные проекты переустройства Балкан, такие как австро-венгерский «триализм». В итоге это привело к постепенному, но масштабному проникновению панславистского дискурса в общественное сознание и политическую повестку дня поздней Российской империи. Более того, «малые» акторы оказывались включены в систему международного взаимодействия вокруг «проблемного» региона наряду с политически «крупными» силами. Данное обстоятельство априори предоставляло «малым» государствам возможности влиять на региональную политическую систему. Такие возможности заключаются в изменениях своего

[1] *Григорьева, А. А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). … – С. 158–167.

внутреннего состояния. Или же в выборе определенного политического курса, характерного для конкретного политического проекта, ориентированного на регион, и, как следствие, притворной или истинной ориентацией на ту или иную «великую державу» с целью противопоставления их друг другу.

Поскольку для русского сознания неуклонно становился характерен общепринятый возвышенный образ южнославянских, братских Балкан, который было принято описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность, он постепенно становился в русском сознании определенным стереотипом, спорить с которым в определенный момент русская интеллигенция или не считала необходимым, или не считала возможным. В большинстве же случаев можно предполагать для тех, кто никогда самостоятельно не посещал Балканский регион, отсутствие осознания именно «стереотипности» сформировавшегося образа и принятие образа в своем сознании за истину, существовавшую как объективная реальность. Устойчивость данного образа подкреплялась не только усилиями русской интеллигенции. Создавалась возможность и для интеллигенции южнославянской со своей стороны влиять на продвижение и усиление этого образа в русском сознании. И частью западнославянской и южнославянской интеллигенции данная работа проводилась.

Формировалась определенная взаимосвязь в русском массовом сознании представлений о южных славянах с идеями русского панславизма и теориями славянофилов. В этих условиях специфический русский панславистский дискурс постепенно проникал в сознание лиц, принимавших решения на высшем уровне управленческой иерархии Российской империи. Данный феномен способствовал дискурсивной и диалектической взаимосвязи русских проектов переустройства Балканского региона с политическими целями Российской империи, претворявшимися в ходе реализации балканской политики.

Непосредственное отражение панславистский дискурс в итоге получил в рамках русских и иных концепций реинтеграции Балкан в конце XIX – начале XX веков. И если для России его использование в балканской политике казалось однозначно «естественным» и выгодным, то иные государства, присутствовавшие на пространстве балканской подсистемы международного взаимодействия, были вынуждены применять панславистский дискурс (даже если открыто и конструктивно его оспаривали или отрицали), дабы не выглядеть в этом процессе менее влиятельными. Однако это дискурсивно и диалектически ставило иные акторы, кроме России, в зависимое положение. Таким образом, постепенно сам феномен политического панславизма привлек к Балканскому региону специфическое внимание других «великих держав». Их политика в регионе теперь вынуждена была тоже приобрести национальное измерение, а особенно актуальной данная проблема становилась в контексте балканской политики Австро-Венгрии.

С другой стороны, и «малые» «буферные» акторы балканской подсистемы международного взаимодействия, такие как Черногория, были вынуждены выстраивать внешнеполитический курс с учетом господства в регионе панславистских идей. Проявление со стороны Черногории такого отношения можно найти в донесениях А. П. Щеглова. В диалогах с представителями русских миссий в Черногории князь Никола требует от России отношения к своей стране и на словах, и на деле равного тому, как Россия относится к Сербии или Болгарии, по причине того, что дискурсивно их положение в панславистской картине мира сопоставимо. Аналогично и русские представители, такие как резидент в Цетинье А. П. Щеглов, апеллируют к черногорскому уважению к России как к «главе» или старшей сестре. Подобный диалог состоялся в 1904 г., когда Россия вела тяжелую войну на Дальнем востоке с Японией[1]. Однако панславянская риторика царила не только в высшей политической сфере «малых» балканских государств, но

[1] Донесение А. П. Щеглова В. Н. Ламздорфу о желании князя Николая выяснить роль Черногории в будущей войне на Балканах // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 46. – С. 112–114.

проникала и на уровень самосознания социальных низов[1]. В начале XX века уже привычна апелляция к самосознанию масс и выстраивание курса внутренней политики в «малых» акторах, таких как Сербия, Болгария или Черногория, в панславистском ключе. Когда же данное обстоятельство во внутренней политике оставалось без внимания, в сочетании с диспропорцией экономического развития возникала опасность общественной напряженности.

Подводя итог: «малые» южнославянские государства Балканского полуострова, такие как Черногория, не только были значительными объектами русской внешней политики в начале XX века, но и сами принципы выстраивания отношений с ними имели важную уникальную черту. Для высших военных и дипломатических чинов Российской империи при принятии решений в конце XIX – начале XX веков в рамках политики относительно «малых» государств Балканского полуострова имело значение специфическое панславистское восприятие южных славян. Оказывая же влияние на формирование внешнеполитического курса России, данный дискурс уже воздействовал и на политическое развитие «малых» южнославянских государств, таких как Черногория, и на систему балканской политики иных «великих держав».

[1] *Хлебникова, В. Б.* Особенности партийного строительства и межпартийной борьбы в период становления черногорского парламентаризма (1905–1914 гг.) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетейя. – 2009. – С. 108–122.

ГЛАВА III. Основные вызовы для русской политики на Балканах и их влияние на внешнеполитическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.

3.1. Влияние «триалистического» проекта Австро-Венгрии на русскую политику на Балканах в начале XX века и его воздействие на внешнюю политику Черногории в 1903–1912 гг.

На фоне национально ориентированных русских притязаний на Баканах политический курс Австро-Венгрии оставался одним из самых нестабильных в сравнении с другими «великими державами». Это было обусловлено как внутренними противоречиями, так и сложившейся внешнеполитической ситуацией. Наиболее проблемным – и во внешней, и во внутренней политике – для Дунайской империи неизменно выступал национальный вопрос[1].

К 70-м гг. XIX века Германия завершила процесс объединения, в конечном итоге сократив влияние Вены в Центральной Европе. На северных границах Австро-Венгрии появляется сильное государство, которое и экономически, и в военном плане довлеет над ней. Австро-Венгрия все быстрее подпадала под нарастающее влияние Германии и в итоге вступила в Тройственный союз. На северо-востоке и востоке Дунайская монархия граничила с Российской империей, в прямой конфликт с которой она пока не готова была вступить. Таким образом, южный путь экспансии оставался для Австро-Венгрии единственно возможным в экономическом и военном аспектах[2]. Здесь она сталкивалась со сферами влияния России[3], чей

---

[1] *Зайончковский, А. М.* Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. // Красный архив, 1925. – № 3 (10) – С. 41–53.

[2] *Ђоровић, В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Библиотека града Београда., Београд, 1992. – С. 23–26.

[3] *Исламов, Т. М.* Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII – XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 250–263.

внешнеполитический курс на Балканском полуострове уже давно опирался на идею славянского единства[1]. Балканский регион все сильнее напоминал «пороховой погреб» Европы, каковым во многом останется даже спустя целый век[2].

Как было показано ранее, начиная с эпохи Петра Великого Россия шаг за шагом осознавала себя старшей сестрой – покровительницей южнославянских народов, «томящихся под гнетом османского ига». Причем основной союзницей и опорой России в то время оказывалось единственное, по сути, независимое от османов, государство южных славян – Черногория. Идея покровительницы и ориентира постепенно утверждалась в общественном сознании. Не удивительно, что и в начале XX века Россия продолжала делать упор в своей политике на национальные и религиозные аспекты «славянского братства». Особенность восприятия балканских народов в России начала XX века можно проследить в том числе и по документам русского военного министерства, и в особенности по военно-стратегическим планам 1902–1903 гг.[3].

Они составлялись в условиях, когда позиции Российской империи на полуострове были усилены падением в Сербии проавстрийски настроенной династии Обреновичей и воцарением лояльных России Карагеоргиевичей. А также с назначением в Черногорию отдельного русского военного агента Н. М. Потапова. Пророссийские же симпатии, характерные для большинства простых черногорцев, нередко определяли соответствующее поведение лидеров страны[4]. Так, Потапов говорил об этих симпатиях как о факторе, удерживавшем князя Николу от серьезных проавстрийских шагов[5]. Нередко

---

[1] *Jelavich, B.* A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia; N.Y., 1964. – P. 109–112.
[2] *Taylor, A., Geddes, A., Lees, C.* The European Union and South East Europe The European Union and South East Europe. – N. Y. Rutledge., 2013. – P. 10–26.
[3] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 30–31
[4] *Никифоров, К. В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке / К. В. Никифоров // Славяноведение. – 2004. – № 3. – С. 8–20.
[5] Записка Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о военно-политических планах Италии на Балканах и ее стремлении использовать Черногорию в войне против Австро-Венгрии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 128. – С. 246–250.

пророссийские настроения в низах оказывали прямое воздействие на политику балканских государств. Скорее всего, в период до Боснийского кризиса именно под их влиянием черногорский князь Никола не смог решиться на разрыв военных отношений с Россией с переориентацией внешней политики на союз с Австро-Венгрией[1].

Ощущение славянского единства проявлялось и в иных контекстах. Некоторые жившие и обучавшиеся в России словенцы (как, впрочем, и многие их земляки, проживавшие на территории Австро-Венгрии) искренне сопереживали поражению России в Русско-японской войне[2]. Это, естественно, расходилось с интересами Австро-Венгрии. Влияние на политику братских связей с Россией было сильным и в Сербии: именно в таком ключе были составлены программы трех ведущих политических партий[3]. В самой Дунайской монархии еще со времен национальных (в том числе славянских) движений 1848 г. славянский вопрос стоял достаточно остро, а сама панславистская повестка оценивалась правящими кругами чаще всего негативно[4]. Она считалась базой, на которую идеологически опирались все славянские движения внутри империи[5]. Это давало благодатную почву для процветания русофобии в австрийском общественно-политическом дискурсе[6].

Все это вынуждало Австро-Венгрию при проведении своей балканской политики уделять значительное внимание национальному вопросу[7]. Особенно неприятным для части элит Австро-Венгрии, очевидно, являлся тот факт, что многие представители южнославянской интеллигенции выступали с

---

[1] Записка Генерального штаба о субсидии, выдаваемой Россией Черногории, статьях расходов и о политической ориентации князя Николая // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 178. – С. 333–337

[2] Приятель И. – Нахтигалу Р. С.-Петербург. 10/23.4.1904 // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.) – № 317. – С. 396–397.

[3] *Вишняков, Я. В.* Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX – начале XX века // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века) – СПб.: Алетейя. – С. 86–107

[4] *Чуркина, И. В.* Революция 1848-1849 г. в югославянских землях Австрии. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. – С. 37–58.

[5] *Kann, R.A*. The multinational empire. Nationalism and national reform in the Habsburg monarchy, 1848–1918. In two volumes. Volume I, Empire and Nationalities. N.Y., 1950. – P. 59–70.

[6] *Laqueur, W.* Russia and Germany. A century of conflict. New Brunswick, 1990. – P. 35–40.

[7] *Tunstall, Jr. G.* Planning for War Against Russia and Serbia, Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914. Columbia University Press., NY, 1993. – P. 45–47.

воззваниями к русскому и австро-венгерскому правительствам. В них они активно пропагандировали идею панславянского единства, причем в той его форме, что была близка именно к русскому панславистскому проекту. В тех же памфлетах они призывали и к изгнанию Турции из Европы, и разрыву Австро-Венгрии с Германией («Пруссией»), и к разделу славянских земель между Россией и Австро-Венгрией на паритетных началах. Основной проблемой в балканской политике России и Австро-Венгрии им представлялся факт неуместного посягательства на Балканы, а также вмешательство во внутрироссийскую политику со стороны английской и немецкой агентур[1].

Несмотря на эти тревожные сигналы, внутренняя политика Австро-Венгерской империи на входящих в ее состав югославянских землях продолжала оставаться достаточно жесткой. То, что в советской историографии именовалось «дуалистическим гнетом»[2], было не просто делением империи надвое, с господством в каждой из частей немецкой или венгерской элиты. Но также производилось определенное рассредоточение системы местного самоуправления в каждой из двух частей империи с выделением автономий и расширением прав небольшой доли подчиненных народов на территории Хорватии или Галиции[3], с параллельным ущемлением в правах тех национальностей, что не получили автономий и широкого самоуправления. Подобную политику возможно сравнить с древнеримским принципом divide et impera. Нередко эта политика была направлена на подавление общеславянской идентичности и расшатывание православных традиций, что содействовало распространению сепаратистских идей, желания примкнуть к общему сербскому государству под патронатом Российской империи. Нежелание же императора Франца Иосифа I сколь-нибудь смягчить

[1] Анонимный словенец – Российскому правительству. 25.4.1902 // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – № 28 – С. 98–99.
[2] Освободительные движения народов Австрийской империи … – С. 50–55.
[3] *Романенко, С. А.* От государства-региона к региону национальных государств. Австро-Венгрия и Средняя Европа // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 14–21.

охарактеризованную политику вплоть до 1914 г. лишь усугубляло кризисные тенденции в политической жизни империи[1].

Попытки нивелировать противоречия, видимо, послужили толчком к тому, что в общественно-политическом дискурсе Австро-Венгрии в итоге возник проект, предлагавший альтернативу грубому политическому курсу, нацеленному на подавление славянского элемента в империи. Видимо, формировались эти концепции не только при объективном осознании частью элит недопустимости каких-либо форм дискриминации в империи, но и под влиянием образов угнетаемых в Австро-Венгрии славян. Они активно тиражировались славянской интеллигенцией, проживавшей на территории Дунайской монархии, прежде всего в Чехии[2].

В начале XX века с идеей альтернативного антикризисного проекта выступили австрийский престолонаследник Франц Фердинанд и ряд его единомышленников[3]. В основе проекта лежали так называемые идеи «триализма». Под термином «триализм» (не получившим, впрочем, широкого распространения) следует понимать институциональную реформу Австро-Венгерской империи и преобразование ее из «дуалистической» монархии в федерацию трех субъектов[4]. Но его можно трактовать и как особую форму национального южнославянского движения, возникшего в землях империи и связанного с требованием осуществить «триалистическую» реформу[5].

Идеи «триализма» находили опору в предшествующем историческом опыте успешного разрешения кризисной ситуации в Австрийской империи. В 1867 г. в ходе спровоцированных внешнеполитическим кризисом институциональных реформ там сложилась так называемая дуалистическая

---

[1] *Станчич, И.* Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX веков // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.) – С. 209–233.

[2] Анонимный словенец – Российскому правительству. 25.4.1902 // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – № 28 – С. 98–99.

[3] *Green, S.* Europe: The United States of Greater Austria? // The Globalist. 2015. jul. 8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.theglobalist.com/europe-the- united-states-of-greater-austria/ (дата обращения: 12.10.2019).

[4] *Kann, R. A*. A History of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1974. – P. 345–360.

[5] Сватковский, В. П. Донесения. Вена. 14/27.10.1910 // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – № 334. Комментарий 3. – С. 414.

система управления. Боровшийся с венгерским сепаратизмом император согласился пойти на уступку, предоставив «венгерской нации» широкие права наравне с австрийцами, что в рамках национальной империи имело колоссальное значение.

Проект Франца Фердинанда, в свою очередь, предполагал построение тройственной системы, которая расширяла бы права славянских народов в составе империи. Предполагалось усилить роль славян (прежде всего хорватов[1]), создав тем самым еще одну внутреннюю опору монархии, сгладив внутренние национальные противоречия и обеспечив южный плацдарм для вовлечения в орбиту имперского влияния других южнославянских территорий на Балканах с их последующим присоединением[2]. Сторонники «триалистического» проекта надеялись, что это привлечет общественное мнение южнославянских государств на Балканах к идее вхождения в состав империи на правах автономий. Такой исход рассматривался Францем Фердинандом в качестве идеального осуществления его политического замысла.

Таким образом, «триалистический» проект относился к числу проектов по переустройству Балканского региона в начале XX века. Главной же его особенностью и потенциальным преимуществом являлось то, что он предполагал действовать не на внешнеполитической арене «проблемного» региона, но на внутреннем балканском пространстве Австро-Венгрии.

Главное, что благодаря «триалистическому» проекту Австро-Венгрия могла бы на равных полемизировать с Россией на дискурсивном пространстве Балканского региона в начале XX века, когда большое политическое значение приобретали национальные проблемы «малых» южнославянских народов. По сути, этот проект позволял Австро-Венгрии обернуть в свою пользу национальный фактор в региональной балканской политике, всегда удачно

---

[1] *Bartulin, N.* From Independence to Trialism: The Croatian Party of Right and the Project for a Liberal “Greater Croatia” within the Habsburg Empire, 1861–1914. // Matthew P. Fitzpatrick, ed. Liberal Imperialism in Europe Palgrave Macmillan, 2012. – pp. 115-119.
[2] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 20–22.

использовавшийся Россией. Долгое время проблема национальных движений на Балканах работала против австрийцев как в деле продвижения на Балканах, так и в деле контроля над уже занятыми империей южнославянскими территориями. В условиях нарастания в то время антинемецких настроений в Праге, охвативших в том числе и Венский университет, и некоторого разброда в среде лояльных России австро-венгерских славистов[1] политика «триализма», проводимая правительством «сверху», скорее всего, нашла бы почву для укоренения.

Не столь важно, кто первым в рамках австро-венгерского общественно-политического дискурса указал на наличии кризисных тенденций – Франц Фердинанд или представители южнославянской интеллигенции. Не так важно, были ли эти тенденции истинно кризисными или представления о них, как о кризисных, были существенно сконструированы сложившейся обстановкой. Важен сам факт того, что подобный антикризисный проект возник среди тогдашних лидеров общественного мнения Австро-Венгрии, и свою надежду на успешную его реализацию они возлагали именно на институциональные преобразования в стране. По материалам заседаний клубов, ставших точками притяжения славянской интеллигенции в Австро-Венгрии[2], можно проследить настроения славян Австро-Венгерской империи и реакцию на некоторые внешнеполитические процессы[3]. Это касается прежде всего Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и двух Балканских войн 1912–1913 гг. Анализ данных материалов позволяет также представить, как менялось отношение интеллигенции к идеям «триализма» в указанный период[4].

Проект «триализма» потенциально мог серьезно пошатнуть русские позиции в Балканском регионе. На рубеже 1905/1906 гг. военно-политическая

---

[1] Нахригал Р. – Приятелю И. Вена. 17.3.1904 // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.) – № 264. – С. 332.

[2] *Чуркина, И. В.* Этапы развития русско-словенских отношений. // Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – С. 23–36.

[3] *Крючков, И. В.* Венгро-хорватский конфликт в донесениях российских дипломатов в начале XX века. // Вестник славянских культур. М.: МГУиТ. – 2014. – № 1. – С. 9–17.

[4] *Шевченко, К. В.* Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе // Новейшая истории России. СПбГУ. – 2014. – № 4. – С. 29–43.

ситуация на Балканском полуострове сильно накаляется и не последнее место здесь занимает Черногория. Среди черногорцев и особенно в рядах черногорской армии зреют оппозиционные настроения, что толкает князя Николу на дарование своему народу конституции, не устранившей, однако, всех противоречий. При этом надежды черногорцев на поддержку их в случае военных действий заграничными сербами к концу декабря 1905 г. начинают облекаться в реальную форму. Военное командование Черногории строит планы по формированию из новипазарских сербов батальонов общей численностью до 1500 человек. Также Н. М. Потаповым отмечается вероятность использования Италией территории Черногории в качестве плацдарма для вторжения в Албанию. И с не меньшим беспокойством он говорит о массовой эмиграции черногорцев в Америку и об общем упадке их национального духа[1]. Кроме того, военным агентом отмечается значительное усиление в Черногории итальянской экономической экспансии[2], что давало князю Николе определенные рычаги давления на русских представителей в рамках выстраивания для Черногории независимого от России политического курса.

В 1905 – начале 1906 гг. представители русских миссий высказывают опасения усилением австро-венгерского идеологического влияния в Черногории, что, безусловно, оказывало воздействие на отношения Черногории с Россией, умаляя влияние последней. Иногда политические маневры антирусского толка (между двумя полюсами сил) черногорское правительство совершало за счет русских же средств. Так, в феврале 1905 г. черногорский бригадир Мартинович предпринял поездки в Италию и Австро-

[1] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о согласии сербов Новипазарского санджака поддержать черногорцев в случае войны. Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о возможном приезде в Черногорию германского императора и английского короля. Рапорт Н. М. Потапова Палицыну о болезни Николая и его озабоченности восстановлением добрых отношений с Россией, о передаче Италией 4-х радиостанций в дар Черногории и о посещении Цетинье турецким генералом. Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о наличии негласного военно-политического соглашения между Италией и Черногорией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 118, 122, 126-127. – С. 226, 238-239, 243–245.

[2] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 32–36, 66–67.

Венгрию по вопросам закупок артиллерии и пулеметов[1]. Причем русскому агенту об этих поездках и положительном решении князя по вопросу закупки сообщалось демонстративно, дабы подчеркнуть независимость черногорского политического курса от России. А деньги на эти цели выделялись из резервного фонда Военного министерства Черногории, образованного в основном за счет русских субсидий. С другой стороны, когда к осени 1905 г. вновь поднимался вопрос о возобновлении со стороны России ежегодных дотаций, ни князь Никола, ни военный министр Черногории И. Пламенац не чурались напомнить России о своей преданности ее интересам, а также о том, что данные субсидии важны всем черногорцам не только в материальном плане, но и «как нравственная поддержка среди окружающих их со всех сторон враждебных элементов, которые искренне возрадовались бы, узнав […] о неблаговолении России к княжеству и вызвали бы с их стороны по адресу черногорцев разные дерзкие выходки»[2]. Все подобные демарши черногорского правительства, по мнению Н. М. Потапова, можно было счесть в лучшем случае «некорректными»[3]. Таким образом, даже само желание России выглядеть идеалом в глазах черногорцев эксплуатировалось черногорскими лидерами благодаря влиянию на систему русско-черногорских отношений самого присутствия в регионе иной крупной военно-политической силы.

В итоге черногорский князь с начала 1906 г. начал метаться меж двух полюсов политических сил Европы. Обсуждалась вероятность визита в Черногорию германского императора и английского короля. Но в беседах с русским военным агентом князем Николой неоднократно высказывается озабоченность восстановлением добрых отношений с Россией, порушенных после заключения концессии с Италией о постройке порта в Баре. А позднее в

---

[1] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о намерении Черногории приобрести оружие в Италии и Австро-Венгрии. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 100. – С. 188-189.

[2] Рапорт Н. М. Потапова В. П. Целебровскому об отношении князя Николая и военного министра Черногории И. Пламенаца к новому порядку выплаты военной субсидии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 108. – С. 203.

[3] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об итальянской экономической экспансии в Черногорию, оппозиционных настроениях в скупщине и мерах по укреплению политического влияния России // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 119. – С. 227.

печати появляются слухи о заключении секретного итало-черногорского военного соглашения, прямых доказательств которого, однако, Н. М. Потапов найти не смог. Тем не менее военный агент написал в Главный штаб отчет, где подробно описываются выгоды для Италии и Черногории подобного соглашения[1]. Далее русско-черногорские отношения еще более обостряются в связи с обвинениями Черногории в тайных контактах с Италией[2]. Концептуальные идеи славянского единения, издревле помогавшие налаживать отношения между русскими посланниками и черногорскими лидерами, что отмечал в 1838 г. в своих записках Я. Н. Озерецковский[3], в начале XX века перестают работать априори. Причина в том, что на опыте взаимодействия с иными «великими державами», кроме России, и на фоне появления «триалистических» идей русские панславистские проекты потеряли одну из своих ключевых черт – отсутствие альтернативы для «малых» южнославянских народов. В связи с утратой панславистскими проектами уникальности у лидеров «малых» государств появляется выбор иных моделей поведения, в том числе и во взаимодействии с Россией.

В течении последующих 1907–1909 гг. внешняя политика Черногорского княжества начинает постепенно, но неуклонно оборачиваться против интересов царского Правительства России. При этом Россия продолжает выплачивать военные субсидии, а Н. М. Потапов продолжает реорганизацию черногорской армии.

Резкое изменение обстановки в Балканском регионе последовало, однако, с наступлением Боснийского кризиса. С одной стороны, на его фоне «триализм» получил мощное развитие в хорвато-словенской среде. С другой стороны, Боснийский кризис спровоцировал крутой поворот черногорской политики князя Николы от стратегии метания между Италией, Австрией и

---

[1] Записка Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну о военно-политических планах Италии на Балканах и ее стремлении использовать Черногорию в войне против Австро-Венгрии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 128. – С. 246–250.

[2] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об озабоченности князя Николая в связи с обвинением Россией в новой политической ориентации Черногории, об усилении австрийских войск на черногорской границе в виду предполагаемого вторжения черногорцев в Герцеговину и о готовящейся ими разведке в северных областях Боки Которской // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 129. – С. 250–252.

[3] «О поездке в Черногорию» [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1337 оп. 1 ед. хр. 324. Л. 1–10.

Россией к установлению дружбы с Россией[1]. В условиях усиления агрессии Австро-Венгрии и приближения ее границ к Черногории начиная с 1909 г. князь Никола неоднократно выступал с прошением к России об увеличении военных субсидий. Прошения эти подкреплялись рапортами Н. М. Потапова, где он отмечал целесообразность подобных действий, но указывал также, что в сложившихся условиях целесообразным будет подписать с Черногорией специальное военное соглашение[2].

В это же время «триализм» получает мощное развитие в хорвато-словенской среде. К 1910 г. все большее число хорватов на территории империи «опутывались» «триалистическими» идеями. Словенское население в этом вопросе предпочитало или сохранять нейтралитет, или занимать пророссийскую позицию. Тем не менее для Австрии на Балканах появилась реальная возможность попрать право России называться духовной покровительницей и защитницей славян. Такие мысли открыто развивали некоторые представители словенской интеллигенции[3].

Тем временем черногорский князь Никола продолжал строить державные планы по захвату Далмации, Герцеговины, северной Албании и Новипазарского санджака. Это в итоге могло спровоцировать военный конфликт в регионе. И обновленная на средства русских военных субсидий черногорская армия, безусловно, сыграла бы в этом конфликте не последнюю роль. Однако существовала вероятность перехода подобного конфликта из разряда локального на уровень общеевропейский. А к подобному сценарию развития событий ослабленная Русско-японской войной и революцией 1905–1907 гг. Российская империя готова не была. Программы реорганизации ее собственной армии в самых минимальных объемах должны были завершиться только к 1917 г. Этим во многом было обусловлено и ее невмешательство в

---

[1] *Хитрова, Н. И.* Предисловие // Н. М. Потапов. Т. 1. – С. 16.

[2] Рапорт Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба А. З. Мышлаевскому о просьбе Черногории оказать ей помощь в усилении армии и о целесообразности заключения с ней военного соглашения // Записка Н. М. Потапова о военно-политическом значении Черногории и необходимости удовлетворить е просьбу о военной и денежной помощи // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 207, 210. – С. 374–378, 386–289.

[3] Сватковский В. П. Донесения. Вена. 14/27.10.1910 // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) – № 334. – С. 411–413.

дела Балканских государств во время оккупации Австрией Боснии и Герцеговины[1]. Однако Австрия, как видно, также не намеревалась начинать масштабный конфликт в 1908–1909 гг.[2], чтобы расширить свою территорию еще и за счет Сербии. Ведь в этом случае дружеские отношения Сербии с Россией не позволили бы царскому правительству и в этот раз остаться в стороне[3].

Как бы то ни было, очевидно, что неподконтрольная внешняя политика Черногории начала представлять для Российской империи серьезную опасность, что не могло не приниматься в России в расчет. В русско-черногорских отношениях должен был наступить коренной перелом. Показательно, что именно кризисная ситуация и выявление явной опасности для Черногории со стороны Австро-Венгрии послужил толчком к этому перелому. А вернее, направил под влияние России черногорского лидера.

Таким образом сформированные как противовес русскому идеологическому влиянию на Балканах «триалистические» идеи стали для Черногории одной из возможных альтернатив в рамках ее внешнеполитического курса. Подобные идеологические концепты, выгодные проавстрийским силам на Балканах, стали рассматриваться русскими дипломатами и агентами как один из ключевых вызовов для русской политики на Балканах и, в частности, для сохранения Черногории в зависимом положении от России.

Осознавая военно-политическое значение Черногории[4], Н. М. Потапов предвидел будущие масштабные расходы. В его дальнейших планах, прописанных в составленном им военном бюджете Черногории на 1910 г.:

---

[1] *Зайончковский, А. М.* Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. … – С. 41–53.
[2] *Виноградов, К. Б.* Боснийский кризис 1908-1909 гг. - пролог Первой мировой войны. Л.:, 1964. – С. 146.
[3] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 13–30.
[4] Рапорт Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба А. З. Мышлаевскому о просьбе Черногории оказать ей помощь в усилении армии и о целесообразности заключения с ней военного соглашения / Записка Н. М. Потапова о военно-политическом значении Черногории и необходимости удовлетворить ее просьбу о военной и денежной помощи // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 207, 210. – С. 374–378, 386–289.

- прокладка по территории княжества стратегически важных железнодорожных путей;
- строительство патронного завода и фабрики по производству военного сукна, призванных обеспечить нужды армии в период военных действий (а после строительство и выделение средств на обеспечение их деятельности);
- создание материальных условий для содержания нескольких тысяч необходимых армии лошадей;
- дальнейшее обучение офицеров;
- также оговаривается необходимость очередного повышения средств, идущих на жалование командного состава и содержание армии в целом[1].

В 1910 г. Н. М. Потапов произвел дальнейшее разветвление в структуре военного министерства Черногории; вырабатываются новые военные уставы для ее армии[2], выделяются субсидии на постройку военного госпиталя[3].

В тот же период происходит еще одно важное изменение в отношениях Черногории и России. Дабы избежать замедленности при переводе военных субсидий в Черногорию и их распределении, эти заботы переходят с 1911 г. из юрисдикции русской дипломатической миссии в распоряжение военного агента Н. М. Потапова[4]. Таким образом, он сосредотачивал в своих руках контроль над русскими военными субсидиями, а тем самым получал еще

---

[1] Справка Н. М. Потапова о необходимых денежных суммах на военные нужды Черногории 1910–1912 гг. / Рапорт Н. М. Потапова Е. А Гернгроссу с представлением военного бюджета Черногории / Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову о необходимости увеличения военной субсидии Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 209, 214, 215. С. 380–385, 398–401.

[2] Справка Н. М. Потапова о необходимых денежных суммах на военные нужды Черногории 1910–1912 гг. / Рапорт Н. М. Потапова Е. А Гернгроссу о выработке военных уставов черногорской армии и проведении учебных сборов // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 209, 231. С. 380–385, 430-431.

[3] Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгроссу с предложением выделить часть военной субсидии на постройку военного госпиталя в Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 239. С. 440-441.

[4] Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову с предложением об изменении порядка пересылки в Черногорию военной субсидии. Рапорт Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о сокращении численности рекрут, отправляемых в Подгорицу. Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову с просьбой отменить приостановление высылки военной субсидии Черногории. Телеграмма Н. М. Потапова в отделение генерал-квартирмейстера о порядке выдачи военной субсидии. Письмо военного министра В. А. Сухомлинова управляющему МИД А. А. Нератову о необходимости продолжения выдачи военной субсидии. Телеграмма Н. А. Монкевица Н. М. Потапову о решении на месте вопроса относительно выдачи военной субсидии Черногории // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 291, 292, 293, 294, 295, 296. С. 512–517.

большее влияние при дворе короля Николы (в 1910 г. княжество Черногория становится королевством), и в полной мере начинает руководить реорганизацией вооруженных сил[1].

В этой связи русское военное министерство проводит особые совещания по черногорскому вопросу и начинает разработку проекта будущего военного соглашения[2]. В рамках балканской политики Российской империи данное соглашение имело две основные цели: подвести черногорскую внешнюю политику под более сильное влияние со стороны русских представителей, а также защитить русские инвестиции в Черногорию от риска быть перенаправленными на пользу иным «великим державам».

В своих рапортах штабу Н. М. Потапов открыто критиковал непоследовательность решений этих совещаний в вопросах об увеличении субсидий. Для обсуждения вопросов по субсидиям он был вызван в Петербург. Военного агента несколько раз просили сократить определенный им размер субсидий, и ему приходилось отстаивать свои позиции. Упоминается вновь о роли черногорской армии в случае войны с Австро-Венгрией[3]. В конечном итоге в штабе согласились увеличить субсидии, но лишь при условии подписания русско-черногорского военного соглашения[4]. Потапову

---

[1] Отчеты военного министерства Черногории // РГВИА. Ф. 2000. Оп.1 Ед. хр. 3189.Л. 321–325.

[2] Письмо военного министра В. А. Сухомлинова председателю Совета министров П.А. Столыпину с просьбой созвать совещание по черногорскому вопросу и выработать программу помощи Черногории. Журнал Особого совещания по черногорским делам. Заседание 7 (20) августа 1909 года. Рапорт Н. М. Потапова генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Г. Н. Данилову о непоследовательности решений Особого совещания в вопросе военного субсидирования Черногории с предложением предоставления контроля военному агенту за расходованием финансирования на нужды черногорской армии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 208, 212, 213. – С. 379-380, 394–397.

[3] Доклад Г. Н. Данилова В. А. Сухомлинову о вызове в Петербург Н. М. Потапова с целью пересмотра военной субсидии Черногории. Записка Главного управления Генерального штаба о размерах военной субсидиии Черногории на период с 1910 по 1914 гг. и условиях предполагаемого русско-черногорского военного соглашения. Рапорт Н. М. Потапова генерал-квартирмейстеру Генерального штаба Г. Н. Данилову о нецелесообразности дальнейшего сокращения военной субсидии Черногории. Доклад Главного управления Генерального штаба В. А. Сухомлинову о необходимости увеличения военной субсидии Черногории и роли ее армии в случае войны с Австро-Венгрией. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 217, 219, 221-222. – С. 404, 406–410, 412–414.

[4] Журнал Особого совещания по черногорским делам об увеличении ежегодной военной субсидии Черногории и отпуске боевых припасов при условии заключения письменного договора // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 224. – С. 416–419.

поручается разъяснить эти условия князю Николе, что он и сделал в марте 1910 г.[1]

Весной 1910 г. актуальность подписания означенного соглашения для России еще более усиливается. В рапортах военного агента говорится о намерениях Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения подконтрольных Турции славянских земель. В первую очередь речь идет о присоединении северо-запада Албании посредством поддержки ее освободительного движения[2]. Хотя, ввиду враждебности большинства племен, эти планы и охарактеризованы как необоснованные, признается, что для обеспечения контроля над действиями Черногории необходимо подписать соглашение в кратчайшие сроки[3].

10 (23) августа 1910 г. на очередном Особом совещании обсуждался окончательный проект военного соглашения между Россией и Черногорией[4]. По данному соглашению Россия обязалась поставлять в Черногорию новые военные субсидии, размер которых оговаривался в приложении, а также офицеров императорской русской армии в качестве инструкторов. Взамен Черногория обязывалась предоставлять свои вооруженные силы «его императорскому величеству» в распоряжение по первому призыву и не приглашать военных агентов и инструкторов из других стран, информировать о своих военных планах русского военного агента. Особую важность в дальнейшем возымела седьмая статья соглашения. В ней князь Никола обязывался отказаться в будущем от каких-либо наступательных действий, несогласованных с царским правительством, а также не заключать с другими

---

[1] Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о разъяснении князю Николаю цели военной субсидии и принимаемых мерах по реализации нового военного закона // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 226. – С. 420–423.

[2] Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о намерении Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения примыкающих к ней славянских земель, находящихся под властью Турции. Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерении Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 227–228. – С. 423–425.

[3] Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанской территории ввиду враждебности к ней большей части племен. Рапорт Н. М. Потапова Е. А Гернгросу о желательности скорейшего заключения военного соглашения с Черногорией как условия выдачи военной субсидии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 230, 232. – С. 426–429, 431–433.

[4] Журнал Особого совещания по черногорским делам с обсуждением проекта военного соглашения между Россией и Черногорией и размера военной субсидии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 247. – С. 452–456.

государствами соглашений военного характера[1]. Соглашение признавалось секретным и не поддающимся разглашению без предварительного одобрения обеих сторон[2].

17 (30) ноября 1910 г. соглашение было подписано[3]. С этого момента оно начинает определять дальнейший ход реорганизации черногорской армии и оказывать влияние на русско-черногорские отношения и черногорскую внешнюю политику в целом. Летом 1910 г. король Никола выказывал желание о назначении на должность помощника своего военного министра офицера русского Генерального штаба, затем в Королевство отправляются на службу инструкторами и другие русские офицеры[4]. Их права впоследствии были определены военным министром Черногории[5], а в конце 1910 г. Генеральный штаб России направил в Военное министерство Черногории инструкции для русских прибывших офицеров[6].

Действуя в рамках соглашения, Черногория была вынуждена сохранять внешний нейтралитет и уже не могла оказывать открытую поддержку албанскому восстанию, хотя и продолжала делать это в тайне от русской

---

[1] Проект военного соглашения между Россией и Черногорией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 248. – С. 457.
[2] Там же. – С. 456–459.
[3] Рапорт Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о подписании военного соглашения между Россией и Черногорией королем Николаем // Телеграмма Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией и одобрении его королем Николаем // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 261–262. – С. 475–476.
[4] Телеграмма Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о просьбе короля Николая прислать из России офицера Генерального штаба на должность помошника военного министра. Телеграмма Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерении короля Николая назначить помощником военного министра русского офицера. Доклад по Главному управлению Генерального штаба Николаю II «О командировании офицеров-инструкторов в Черногорию». Доклад по Главному управлению Генерального штаба по вопросу о кандидатуре на должность черногорского военного министра и командировании русского офицера в Черногорию. Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову о командировании в Черногорию инструкторов и определении их служебного статуса. Доклад временно управляющего Генеральным штабом Н.А. Обручева товарищу военного министра А.А. Поливанову «О командировании в текущем году двух русских офицеров-инструкторов в Черногорию». Письмо командующего Московским округом П. Плеве Е. А. Гернгросу с рекомендацией подполковника А. П. Колосова на должность военного инструктора в Черногорию. Отношение В. А. Сухомлинова С. Д. Сазонову с просьбой сообщить мнение МИД о командировании в Черногорию офицеров-инструкторов В. Н. Егорьева и А. П Колосова // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 249, 250, 251, 252, 253, 255, 257, 258. – С. 460–467, 468–470, 471–473.
[5] Письмо черногорского военного министра Ивы Джуровича Н. М. Потапову о правах и положении русских офицеров-инструкторов на черногорской службе // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 263. – С. 476-477.
[6] Проект наставления русским офицерам-инструкторам в Черногории, направленный Генеральным штабом в Военное министерство // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 265. – С. 480-482.

военной миссии[1]. Взаимоотношения Черногории и Италии с 1910 по 1911 гг. в глазах русских наблюдателей начинают приобретать показательно нейтральный характер[2]. В качестве жеста доброй воли и в ответ на следование букве соглашения в январе 1911 г. в Совете министров Российской империи даже обсуждался вопрос о дополнительном ассигновании Черногории субсидии в 600.000 рублей[3].

Это не преминуло отразиться на отношениях Черногории с Турцией, в которых к марту 1911 г. начали назревать серьезные противоречия. Готовясь к возможным военным действиям, черногорское командование отдало своим войскам, находившимся на границе с Албанией, приказ о приведении в боевую готовность. Увеличиваются поставки восставшим албанцам оружия и боеприпасов. Н. М. Потапов собрал этому ряд документальных доказательств, о чем он сообщил в отдел русского генерал-квартирмейстера[4].

Подобные же доказательства собираются и с турецкой стороны. И в апреле 1911 г. турецкий посланник в Черногории, обвиняя черногорцев в незаконном вторжении на турецкие территории и обстреле турецких обозов, угрожал покинуть Цетинье в случае, если виновные не будут наказаны[5].

Особым приказом черногорского командования в близкий к границам с Албанией город Подгорицу направлялись с других складов дополнительные

---

[1] Донесение Н. М. Потапова Г. Н. Данилову о сохранении Черногорией нейтралитета. Донесение Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба Я. Г. Жилинскому о тайной поддержке королем Николаем албанцев против турок // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 273-274. – С. 490–492.

[2] Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания / Василий Штрандтман; подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Шемякина; примеч. А. Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. Р. Субаева. – М.: Книжница, Русский путь, 2014. – Ч. 1: (1908–1913 гг.); ч. 2: (1914-1915 гг.). – С. 58–63.

[3] Доклад Совета Министров В. А. Сухомлинову об итогах заседания по вопросу дополнительной субсидии Черногории. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3189. Л. 14.

[4] Телеграмма Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о необходимости Черногории прекратить помощь албанцам ввиду возможности турецко-черногорского военного конфликта. Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову о приведении в боевую готовность черногорских войск на границе с Албанией. Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерала-квартирмейстера о снабжении черногорскими властями албанцев оружием и боеприпасами и угрозе турецкого посланника покинуть Цетинье. Письмо Н.М. Потапова российскому министру-резиденту в Черногории С. В. Арсеньеву о снабжении черногорцами оружием восставших албанцев. Рапорт поручика Й. Раивеча в артиллерийско-инженерную секцию Военного министерства Черногории о выдаче оружия албанцам без расписок // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 275–278, 280. – С. 492–495, 497.

[5] Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерала-квартирмейстера о снабжении черногорскими властями албанцев оружием и боеприпасами и угрозе турецкого посланника покинуть Цетинье. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 277. – С. 494.

единицы оружия и патронов[1]. На границу с Черногорией стягивались турецкие войска. В черногорском войске в это время проходит перепись личного состава и разрабатываются новые штатные составы подразделений, назначаются новые командиры[2]. В этих условиях Россия была вынуждена приостановить поставки военных грузов в Королевство[3].

В итоге Черногория и Турция оказываются в шаге от военного конфликта. В мае 1911 г. король Никола приказал раздать оружие своим войскам. Для самостоятельной пошивки формы воинам выдавалось привезенное из России сукно. В личной беседе с Н. М. Потаповым король говорил о неутешительной обстановке на черногорско-турецкой границе и о продолжающемся албанском восстании, несмотря на уверения турецкого правительства в обратном. Посему король констатировал неотвратимость грядущей войны с Турцией, о чем просил безотлагательно довести до сведения Петербурга. Интересно, что, по мнению Потапова и других иностранных представителей в Черногории, сложившаяся ситуация отнюдь не представлялась им столь критичной. И во многом данное заявление короля Николы сам Потапов оправдывал не только и не столько объективными причинными, сколько личными державными амбициями[4]. Императив славянского единения и «естественного» тяготения и подчинения «младших братьев» своей «старшей сестре», на который несколькими годами ранее уповали в русском военном ведомстве, вновь не сработал. Конфликт назрел, и

---

[1] Ведомость оружия и патронов, выданных из черногорских складов по приказанию высланного королем 19 марта 1911 г. в город Подгорицу // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 279. – С. 496.

[2] Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о сосредоточении на черногорской границе турецких войск. Рапорт Н. М. Потапова Г. Н. Данилову о проведении переписи черногорского войска и разработке штатных составов подразделений // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 283, 284. – С. 500–501.

[3] Письмо помощника военного министра А. А. Поливанова временно управляющему Министерством иностранных дел А. А. Нестерову с запросом о возможности задержки посылки в Черногорию военных грузов ввиду ее помощи албанским повстанцам и высылке части субсидии для обучения армии. Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о целесообразности задержать посылку оружия и боеприпасов в Черногорию во избежание провоцирования вооруженного конфликта с Турцией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 281, 282. – С. 498-499.

[4] Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о приказе короля Николя раздать оружие черногорским войникам. Телеграмма Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о раздач войникам полученного из России солдатского сукна для самостоятельной пошивки формы. Рапорт Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о неосновательности уверений короля Николая в близости войны Черногории с Турцией // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 285-86, 288. – С. 502–506.

любое, даже малозначительное событие уже могло ввергнуть Черногорию в войну, столь невыгодную для России. Оговоримся, что на тот момент между Черногорией, Сербией и Болгарией еще не существовало каких-либо договоров о взаимопомощи, а тем более союзнических обязательств. Поэтому рассчитывать на исход, сходный с тем, каким завершатся Балканские войны 1912–1913 гг., не приходилось. Тридцатитысячной черногорской армии Турция, не имевшая необходимости концентрировать войска на других фронтах, могла противопоставить армию, численностью более чем в сто тысяч солдат.

Скорее всего, Черногория не смогла бы провести широкомасштабное наступление. Проблематичными явились бы любые попытки установления взаимодействия с враждебными Черногории албанскими племенами. Ее основные силы были бы сметены или рассеяны, загнаны в горы. Это, по-видимому, подвергло бы Черногорию турецкой оккупации, созданную на русские деньги военную промышленность разрушению, а военные действия со стороны Черногории перешли бы в партизанские. То, чего на протяжении семи лет добивался Н. М. Потапов – превращение черногорской армии в значительную военную силу в Балканском регионе, – обратилось бы прахом. По цепочке это пошатнуло бы позиции Российской империи и в других странах Балканского региона.

Однако конфликта в 1911 г. все же не произошло. Русско-черногорское военное соглашение сыграло свою роль. Связанный обязательствами король Никола так и не решился в 1911 г. пойти на открытый конфликт с Турцией против желания России. В своем рапорте Н. М. Потапов отмечал, как в беседе с ним король отзывался о «пресловутой» седьмой статье соглашения как о факторе, ограничивающем его политическую инициативу[1]. В итоге не «братский» императив, но русско-черногорское военное соглашение сыграло решающую роль.

[1] Рапорт Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о невозможности исключения из русско-черногорского военного соглашения статьи 7-й. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 299. – С. 519–521.

Таким образом, можно заключить, что русско-черногорское военное соглашение 1910 г. явилось важной вехой во взаимоотношениях Черногории и России и имело значительное влияние на процесс реорганизации черногорского войска и на черногорскую внешнюю политику. Однако в дальнейшем черногорское правительство, заключая союзнические отношения с Сербией, Болгарией и Грецией, вновь начало выходить из прямого подчинения России. Но нельзя умалять значение соглашения 1910 г. в деле как минимум приостановления черногорско-турецкого конфликта и переносе серьезных военных действий в Балканском регионе на срок до сентября 1912 г.

Параллельно с этими событиями к 1911 г. усиливается влияние интеллектуалов, видевших возможность создание системы «триализма» с центром третьей части федерации в Чехии, а не на юге империи. Причем австро-венгерскими элитами «чешский» центр консолидации триалистических идей и проектов явно расценивался как более опасный в сравнении с центром в южнославянских землях. В связи с этим в кругах, разделявших идеи «триализма», нарастают противоречия, которые повлекли в том числе и серьезную реорганизацию Славянского парламентского союза, функционировавшего на территории империи[1].

В 1912 г. русскими наблюдателями фиксируется четкое членение словенских и далматинских политиков на две группы, одна из которых разделяла основные положения «триализма», другая же требовала установления полной внутренней автономии словенцев и хорватов, видевшейся спасением в будущем[2].

Однако практика установления жесткого подчинения не срабатывала не только для Австро-Венгрии, но и для России. Несмотря на контроль союзника через инструмент военного соглашения, 1912 г. был ознаменован для России крушением принципа status quo, определявшего всю систему

---

[1] Сватковский В. П. Донесения. 3/16.2.1911 // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) – № 335. – С. 414–416.

[2] Сватковский В. П. Донесения. Вена. 16/29.2.1912 // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) – № 336. – С. 416–418.

международного взаимодействия России и Австро-Венгрии на Балканах[1]. В это момент бывшее до того скорее идеологическим и дипломатическим противостояние русского панславизма и австрийского «триализма» грозило эскалировать вплоть до перехода в «горячую» фазу с применением военных действий. Это был мощный вызов для балканской субсистемы международных отношений, сопоставимый в этом отношении с периодом Боснийского кризиса.

Несмотря на ограничения военным соглашением, черногорский король Никола не оставил планов по присоединению албанских территорий к Черногории. В 1911–1912 гг. черногорская армия продолжала готовиться к войне с Османской империей. В 1912 г. между славянскими государствами Балканского полуострова заключаются союзнические договоры на условиях взаимопомощи в случае войны с Турцией и с обязательствами по разделению ее территорий в случае победы. С началом новых волнений в Северной Албании черногорская армия начинала новую мобилизацию. Летом 1912 г. Черногория произвела провокационные нападения на Турецкие территории в районе Майковица, выступила с претензиями на албанские территории и в ультимативной форме потребовала привлечения «великих держав» в качестве арбитров по этому вопросу. Однако ситуация оставалась неразрешенной[2].

В сентябре 1912 г. началась первая Балканская война[3]. В этой связи русско-черногорское военное соглашение прекратило свое действие. Прекращаются выплаты русских военных субсидий, вновь они будут возобновлены лишь в 1914 г. с началом Первой мировой войны. Функции же Н. М. Потапова как военного агента в Черногории отныне ограничивались лишь наблюдением за военной ситуацией в стране. Он потерял, по сути, свое прежнее влияние. Позже, с сентября (октября по новому стилю) 1912 г., король

---

[1] *Вишняков, Я. В.* Военный фактор … – С. 136–170.

[2] Рапорт Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому об обращении Черногории к великим державам с просьбой о посредничестве в урегулировании турецко-черногорского конфликта // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 344. – С. 583-584.

[3] Телеграмма В. А. Сухомлинова Николаю II о дате объявления войны Турции и начале военных действий. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 365. – С. 598.

Никола допустил наблюдателями в Подгорицу итальянских и австрийских военных агентов. Об аналогичном дозволении просил и Н. М. Потапов[1], однако просьба не удовлетворялась, опять же вплоть до начала Первой мировой войны. Эти шаги окончательно подрывали русскую монополию на предоставление военных консультаций черногорскому правительству и контроль над черногорскими вооруженными силами.

Во главе Зетского отряда черногорской армии встал сын короля Николы престолонаследник Данило[2]. В течении двух дней после официального объявления войны черногорские отряды заняли приграничные турецкие территории, захватили ряд укреплений в районе Дечича, что, однако, обернулось для черногорской армии серьезными потерями.

В октябре 1912 г. черногорцам удается захватить еще ряд укреплений и преступить к блокаде Шипчаника. В дальнейшем в руки черногорцам перешли укрепления Хумского блата. В целом в течение осени 1912 г. черногорская армия постепенно теснила турок по всему фронту[3].

Благоприятными для черногорской армии оказались и природные условия. Черногорцы, привыкшие к военным действиям в горных регионах еще со времен войн за независимость от турецкого ига, черногорцы смогли успешно действовать на албанской территории[4].

Осада черногорцами оттоманского города Скутари (Шкодер), длившаяся с середины октября 1912 г. до 23 апреля 1913 г., завершилась тем, что черногорская армия не смогла взять город штурмом, поэтому предприняла длительную блокаду. Блокада продолжалась полгода. Во время перемирия Османской империи с Балканским союзом Черногория продолжала

---

[1] Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о направлении в Подгорицу иностранных военных агентов. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 371. – С. 601.
[2] *Хитрова, Н. И.* Примечания // Н. М. Потапов. Т. 1. – С. 732.
[3] Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о взятии черногорцами турецких блокгаузов и блокаде Шипчаника. Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о взятии укреплений Хумского блата. Донесения российского вице-консула в Шкодре Б. Миллера российскому послу в Константинополе М.Н. Гирсу с обзором военных действий в Северной Албании с 25 сентября по 1 октября 1912 г. Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о захвате 3000 турецких пленных под Шипчаником // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 372, 373, 374, 375. – С. 602-608.
[4] *Пастухов, А.* Балканская война 1912-1913 гг. – С. 20–24.

блокировать город. Бои под Шкодером взволновали Францию, Австро-Венгрию, Германскую империю и Великобританию. Эти государства потребовали у Черногории снять осаду города, на что та ответила отказом. В ответ «великие державы» ввели в Адриатическое море свои суда, объявив о морской блокаде Черногории. Несмотря на это, 23 апреля черногорские войска в результате переговоров с турецким гарнизоном города вошли в Шкодер. Король Никола лично поднял флаг Черногории над крепостью. Взятие города ознаменовало окончание боевых действий между Черногорией и Турцией, и 30 мая того же года был подписан мир[1].

В итоге деятельность Н. М. Потапова по реорганизации черногорской армии была оценена. Король Никола лично выразил ему благодарность в связи с военными успехами черногорского войска[2]. Мероприятия эти нельзя ни в коем случае характеризовать как реформы. По сути, они представляли собой лишь привнесение ряда инноваций и улучшений в уже имеющуюся систему, сохраняя ее ключевые преимущества, а также создание условий для улучшения ее функционирования. Подобные мероприятия обходились дешевле, не влекли серьезных проблем, связанных с их отторжением и неприятием, которыми часто сопровождаются реформы, и в итоге возымели определенный успех.

Параллельно с этими событиями, и особенно с 1913 г., когда для Сербии и Черногории завершились успехом Балканские войны, в южнославянских регионах Австро-Венгрии наблюдался сильный рост «сербофильских» настроений, с чем был связан провал идеи внутриимперской панславянской конгрегации на основе католицизма[3]. Но и объединение под эгидой России перестает казаться неизбежным. В сербской и болгарской

---

[1] *Задохин, А. Г., Низовский, А. Ю.* «Пороховой погреб Европы». – С. 178–254.
[2] Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о выраженной ему благодарности королем Николаем в связи с военными успехами черногорского войска // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 379. – С. 610.
[3] Сватковский В. П. Донесения С.-Петербург. 24.7.1913. // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) – № 337. – С. 419–420.

общественно-политической среде зрели идеи федерации или конфедерации без прямого патронажа России.

Тем не менее главной причиной того, что «триализм» не был претворен в реальность, стало то обстоятельство, что яркую антитриалистическую позицию занимал сам император Франц Иосиф I. Поддерживали императора в этом вопросе и венгерские политические круги, усмотревшие в «триализме» возможное ограничение собственных прав в империи[1].

Вследствие этого к 1913–1914 гг. русские наблюдатели фиксировали в своих донесениях министерству иностранных дел практически полный крах «триалистического» проекта, резкий подъем «великосербской» идеи и стремление словено-хорватского населения войти в состав Сербского Королевства[2]. Во многом данные стремления были продиктованы и панславистскими дискурсивными императивами.

Такой исход, с одной стороны, оказался в пользу как России, отстоявшей свое монопольное право называться защитницей и покровительницей южных славян на Балканах, так и в пользу союзных ей Сербии[3] и Черногории. С другой стороны, объективное ослабление к 1912–1914 гг. «триалистических» идей привело к определенному пересмотру Австро-Венгрией ряда принципов ее балканской политики. В идеологической работе акценты смещаются с возвышения своего образа в сознании населения «малых» государств региона к стратегии дискредитации в их сознании образа России. Естественным образом отказавшись от концепции политических уступок балканским народам в «триалистическом» ключе, Вена переходит к работе на уровне сближения не народов, но элит Австро-Венгрии и южнославянских балканских государств. Этот процесс сопровождался, тем не менее, широким распространением антирусских настроений через местную

---

[1] *Писарев, Ю. А.* Великие державы и Балканы … – С. 25–26.
[2] Сватковский В. П. Донесения. Вена. 24.10/7.11.1913. // Сватковский В. П. Донесения. Вена 19.6./2.7.1914. // Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) – № 338, 339. – С. 420-421.
[3] *Boeckh, K.* The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912-13. // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / eds K.Boeckh, S.Rutar. Regensburg, 2017. – P. 123.

балканскую прессу, что финансировалось по линии деятельности венских балканских миссий[1].

Одновременно военные победы Сербии и утверждение «великосербской» концепции открывало простор для эскалации локальных национальных конфликтов на Балканах.

Тем не менее можно предположить, что, отказавшись от реализации «триалистического» проекта, Австро-Венгрия в лице ее императора лишилась шанса на благополучное разрешение межнациональных проблем в стране, усугубленных к 1913 г. и экономическим кризисом[2]. И после Первой мировой войны она уже не смогла продолжить существование как политически единый организм[3].

Таким образом, феномен политического панславизма как идеология «славянского единения» не только стимулировал развитие международного взаимодействия в Балканском регионе во второй половине XIX – начале XX веков. Он также воплотился для Австро-Венгрии в «триалистическом» проекте, альтернативном по отношению к русскому панславистскому плану консолидации Балканского региона.

Процесс идеологического противостояния России и Австро-Венгрии значительно повлиял на восприятие этих «великих держав» со стороны «малых» южнославянских народов Балканского региона. К концу XIX века Российская империя в большей степени начинает осознаваться ими как союзница и даже, сообразно русскому панславянскому дискурсу, как «сестра». Дунайская монархия, в свою очередь, стала восприниматься в большей степени негативно: как сила, идеологически попирающая национальные интересы славян на Балканах, неспособная обеспечить политическое благополучие славян даже на своих собственных территориях. В начале

---

[1] Рапорты военного агента в Болгарии с подробным обзором Болгарской, Румынской и Сербской прессы 1913 года с приложением вырезок. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 36.

[2] *Good, D. F.* The Economic Rise of the Habsburg Empire.1750–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. – P. 257–259.

[3] *Исламов, Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 45.

XX века неудачные попытки реализовать на практике идеи «триализма» после Боснийского кризиса способствовали укреплению данного поворота.

Так сформировалась специфика диспозиции «великих держав» и «малых» государств в рамках Балканской региональной системы международного взаимодействия в начале XX века. Особая роль в этом взаимодействии всеми участниками дискурсивно, в свете панславистской риторики, отводилась Российской империи. Как итог оформились в этом ключе и главные принципы российской внешней политики на Балканах в начале XX века.

3.2. Социалистическая федерация как альтернатива для южнославянских государств в восприятии русских наблюдателей и ее влияние на политику России и Черногории в 1903–1912 гг.

На фоне идеологического противоборства «великих держав» на пространстве Балканского полуострова и усиления давления со стороны крупных полюсов силы на внутреннюю политику «малых» Балканских государств для таких стран, как Сербия, Болгария, Румыния или Черногория, актуализировалась проблема изобретения собственного консолидирующего проекта политического переустройства Балканского региона[1]. В случае же с Черногорией актуализировалась проблема не самостоятельного сотворения такого проекта, но проблема выбора одного из таких проектов, выдвигавшихся иным государством. Как правило, в силу географической и культурной близости для Черногории речь шла о выборе между проектами, подразумевавшими региональную гегемонию Сербии или Болгарии. И предпочтения здесь в идеале зависели от того, какой из вариантов повлечет для Черногории меньшие экономические, политические и иные издержки.

[1] *Романенко, С. А.* Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – С. 89–105.

Дополнительно к описанным ранее планам России относительно потенциальных военных действий на Балканах следует охарактеризовать те роли, которые в условиях 1903 г. русский штаб отводил для Сербии и Черногории Румынии и Болгарии, а также последующую реакцию на русское военно-политическое давление со стороны этих государств.

В случае выступления Болгарии в войне на стороне Антанты (в 1903 г. такой вариант рассматривался как вероятный) ей следовало отвлечь на себя армию Румынии, дабы не дать ей поддержать австро-венгерские войска в возможном наступлении в Бессарабии и Галиции[1]. Это оказалось достаточно дальновидно, так как с 1903 г. и до 1914 г. русско-румынские отношения становились все хуже с каждым годом и на уровне контактов лиц, принимавших ключевые военно-политические решения, и на уровне общественного мнения, отражавшегося в румынской прессе. Дошло до того, что в 1914 г. вновь назначенному в Румынию новому русскому военному агенту в Бухаресте прямо отказывали в его многочисленных просьбах о личной встрече с румынским военным министром. Если возможность встречи русского агента с румынским военным министром и предлагалась со стороны руководства страны, то только на специально организованном совещании представителей военных миссий всех «великих держав» без каких-либо индивидуальных бесед для русского агента отдельно. Русской военной миссией в Румынии это объяснялось в лучшем случае желанием румынской правящей верхушки опровергнуть ходившие в 1914 г. слухи о тайном русско-румынском сближении. На этом фоне в австрийской и румынской прессе началась масштабная кампания по «методической и беззастенчивой травле России и всего русского»[2]. Напротив, контакты Румынии с Германией к этому

[1] Записка Главного штаба с характеристиками вооруженных сил балканских государств и их роли как союзников России в предстоящей войне с державами Тройственного союза // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 3. – С. 39–41.

[2] Донесение военного агента в Румынии об отказе ему в аудиенции у военного министра Румынии и о настроениях румынской прессы относительно России с приложением вырезок // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 3–6.

времени значительно окрепли[1]. Это ставило под сомнение не просто лояльность Румынии России, но даже просто ее относительный нейтралитет.

Однако выступить в потенциальной войне на стороне России, как предполагалось в оптимистичных планах русского Главного штаба за 1903 г., Болгарии не довелось. Когда с началом Второй Балканской войны в 1913 г. Болгария окончательно вышла из поля русского влияния и начала процесс сближения с Австро-Венгрией и Турцией[2], болгарская пресса также стала целенаправленно очернять Россию, заимствуя сюжеты из румынских газет[3]. Причем уровень начавшейся в болгарской печати кампании по тиражированию крайних форм русофобии, по словам русского военного агента в Болгарии, «превзошел все [его] ожидания»[4]. К данной кампании присоединилась и официальная правительственная газета «Народни Права», издавшая антирусскую брошюру «От Берлина до Бухареста», и печатные органы основных болгарских партий: «Воля», «Камбана», «Дневникъ», «Утро» и др. На Россию прямо возлагалась вина за все беды, постигшие болгар. Так, сербофильская позиция императора Александра III во время антитурецких волнений в Македонии 1885 г. в болгарской прессе 1913 г. трактовалась как имевшая целью унизить Болгарию. В качестве выводов в донесениях агента прямо указывалось на необходимость выделения со стороны России специальных субсидий для печатных органов в различных Балканских государствах, прежде всего в Болгарии. Это бы стимулировало их издавать пророссийские материалы и «освещать события в желаемом для [России] смысле». По оценкам военного агента, величина расходов на эти цели со стороны России не превысила бы 20 тыс. рублей в год, а эффективность данных мер значительно оправдывала затраты на них. Тем более что

---

[1] Рапорт военного агента в Румынии о отъезде принца Кароля в Потсдам для службы в 1-м Прусском Гвардейском полку. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 11.

[2] Телеграмма военного агента в Болгарии о действиях Болгарии в случае войны Греции с Турцией в 1914 году. / Телеграмма военного агента в Болгарии о переговорах Болгарии по вопросу заключения конвенции с Австро-Венгрией в 1914 году. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 17, 19.

[3] Рапорты военного агента в Болгарии с подробным обзором Болгарской, Румынской и Сербской прессы 1913 года с приложением вырезок. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 69–71.

[4] Рапорты военного агента в Болгарии с подробным обзором болгарской, румынской и сербской прессы 1913 года с приложением вырезок. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 36.

австрийские военная и дипломатическая миссии явно использовали подобного рода информационные ресурсы для создания негативного образа России у жителей Балканского полуострова[1].

Означенная тенденция на выход из-под идеологического влияния России и дискредитация в прессе образа «старшей сестры» в политике «малых» балканских стран была менее характерна только для Сербии и Черногории[2]. Вплоть до 1914 г. и в период Первой мировой войны Сербия сохраняла к России лояльное отношение и на уровне политических верхов[3], и в своей периодической печати. Черногорский правящий класс нередко стремился лавировать между интересами правительств разных «великих держав». Так, секретарь русской дипмиссии Ю. Я. Соловьев в своих воспоминаниях о работе в Черногории в 1905 г. прямо указывал на то, что склонность князя Николы напоминать русским дипломатам о его «преданности России» нередко пропадала, если при этом присутствовали представители дипломатических миссий из других стран[4]. Тем не менее лояльное отношение к России черногорцев, не входивших в состав правящих элит страны, вынуждало лидеров Княжества оставаться в рамках относительно лояльного к России политического курса[5]. Случай с негативными публикациями в черногорской прессе о представителе русской военной миссии Н. М. Потапове, приведенный ранее, представляет собой примечательное исключение. Россия в сербской прессе начала XX века часто прямо превозносилась, а о представителях иных «великих держав» и самих этих державах там отзывались сравнительно холодно. Особенно это касалось Австро-Венгрии, которая традиционно воспринималась в Сербии не иначе,

---

[1] Рапорты военного агента в Болгарии с подробным обзором Болгарской, Румынской и Сербской прессы 1913 года с приложением вырезок. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 36–51.
[2] *Данченко, С. И.* Развитие сербской государственности и Россия, 1878-1903 гг. – М.: ИСБ, 1996. – С. 34.
[3] Рапорт военного агента в Сербии, о встречах с наследным королевичам Александром в 1913 году. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 23–24.
[4] Соловьев, Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893-1922 / Ю.Я. Соловьев; [вступит. ст. Б. Штейна]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – С. 156.
[5] Рапорт Н. М. Потапова Ф.Ф. Палицыну об итальянской экономической экспансии в Черногорию, оппозиционных настроениях в скупщине и мерах по укреплению политического влияния России. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 119. – С. 230–232.

как «агрессор»[1]. Тем значительнее было недовольство, распространившееся в сербском обществе в связи с позицией, которую заняла в 1913 г. российская газета «Новое время» по вопросу Второй Балканской войны. Русским военным агентом в Сербии эта позиция оценивалась крайне негативно. Он прямо обвинял издание в «болгарофильстве» и возложении ответственности за развязывание войны на Сербию, что создает «удручающие» по отношению к России настроения в сербском обществе и делает «Новое время» по сути «органом болгарской миссии в Петербурге». В опасной для русских миссий в Белграде и Черногории тенденции к болгарофильству в 1913 г. обвинялась и газета «Речь» – печатный орган российской партии кадетов[2].

Большое значение для стимулирования подъема национально самосознания «малых» Балканских государств в начале XX века имело и то, какие территориальные приобретения обещались своим потенциальным союзникам Россией. В случае военного триумфа Россия обещала передать Сербии территории Боснии и Герцеговины для обеспечения ей в дальнейшем возможности реализовать даже программу сербохорватского государства с выходом к морскому побережью. Болгарии, на момент 1903 г. еще фигурировавшей в планах в качестве возможного союзника, гарантировалось восстановление Болгарской державы в границах Сан-Стефанского договора. Территориальные приобретения, в основном за счет албанских территорий Порты, гарантировались и Черногории. Проблемой для Черногории здесь оказывалось то, что в сравнительном ряду «малых» балканских стран она представлялась и «великим державам», и иным «малым» государствам Балкан наиболее «слабым» актором. Поэтому в рамках балканской подсистемы международных отношений она не могла идеологически, экономически или политически претендовать на региональное лидерство подобно тому, как это делали Сербия и Болгария.

---

[1] Рапорты военного агента в Сербии с обзором Сербской прессы 1911 и 1912 годов с приложением вырезок. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674. Л. 2–5, 9. 18–21, 25–29, 39.

[2] Рапорт военного агента в Сербии о реакции сербского общества на проболгарскую позицию газеты «Новое время». // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048. Л. 62-63.

Таким образом, в том числе и под влиянием России, шел процесс формирования национального самосознания в «малых» южнославянских государствах. Формировались и осмыслялись национальные амбиции для южнославянских государств, дискурсивно выливавшиеся в «великие» проекты национального толка. Подобные проекты подразумевали значительное расширение подконтрольных «малым» государствам территорий с формированием в итоге «великой Сербии», «великой Черногории», «великой Болгарии» и т. п. Подобные настроения опирались и на широкие массовые настроения национально-центричного дискурса, что способствовало процессам региональной дезинтеграции. Своеобразным «лекарством» от деструктивного влияния для «южнославянского» или «всебалканского» пространства таких идей мог выступить процесс региональной интеграции на социалистических началах. И таковой процесс естественным образом также был способен найти опору в сознании народных масс, что наблюдалось и в Черногории.

На основе проведенного анализа документов становится ясно, что воздействие периодической печати на массовые настроения жителей Балканского полуострова в исследуемый период оценивалось достаточно высоко лицами, принимавшими политические решения и в России, и в Австро-Венгрии, и в южнославянских государствах. Сам же механизм данного воздействия на политические процессы в регионе широко использовался ими, что оказывало прямое влияние на политическое развитие и формирование политического самосознания в «малых» балканских государствах – Сербии, Болгарии или Черногории – от уровня высших военных и политических чинов до рядовых подданных этих государств, по крайней мере тех, что выступали целевой аудиторией для местной прессы – студенчества, интеллигенции и офицерства. В дальнейшем они уже могли составлять и составляли социальную базу для групп, артикулировавших и представлявших политические интересы различного спектра в рамках лево-правой модели классификации политических идеологий. И конкретно на особенности левого

спектра политических идей на Балканах обращают внимания русские наблюдатели в начале XX века (путешественники, оказавшиеся здесь на краткое время, и представители русских миссий). Последние же указывают на них как на вызов для стабильности русского политического курса в регионе.

В донесениях Н. М. Потапова начала 1907 г. содержится упоминание о ряде выступлений воспитанников в офицерской школе и военном училище Черногории. Сам Потапов не видит среди причин волнений никаких политических аспектов, отдельно подчеркивая, что им не были замечены какие-либо эпизоды подстрекательства к бунту[1]. Однако в неопубликованной части фонда 2000 РГВИА есть документ, позволяющий сделать выводы об иных причинах таких выступлений. Донесение русского поверенного в Цетинье от 10 декабря 1906 г. рассказывает об инциденте во время чтения о сельскохозяйственных обществах, организованного одним из преподавателей местной гимназии. В конце мероприятия, где собралась в основном молодежь, начали выступать с речами бывшие здесь боснийцы и герцеговинцы. Они говорили о тяготах «притеснения их отечества Австро-Венгрией». Речь подхватили и местные ораторы, говорившие об угнетении славянств и необходимости «слияния сербского племени». По окончании речей часть присутствующих отправилась к зданию русской миссии, где они устроили сочувственную России демонстрацию, а потом освистали итальянскую миссию. Правительство Черногории и представители русской миссии тем не менее не поддержали данную акцию ни прямо, ни косвенно[2]. Поскольку на этой стихийной акции присутствовали и воспитанники черногорских военных училищ, можно предположить, что, проникнувшись идеями единения, они транслировали их впоследствии другим кадетам, подспудно провоцируя их на

[1] Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о волнениях в военных учебных заведениях намерении князя Николая приступить к созданию постоянной армии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 160. – С. 303-304.
[2] Донесение поверенному в делах в Цетинье Министру иностранных дел. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед.хр. 836. Л. 114-115.

выступление против власти, бездействующей в час, когда необходимо оказать помощь «собратьям-славянам».

В этой связи можно объяснить и упомянутое Н. М. Потаповым в донесении желание князя Николы начать создание регулярной армии взамен традиционному ополчению[1]. Присутствовавшие на акции в декабре 1906 г. молодые люди в массе своей, хоть и получали образование, были выходцами из сельской среды. Не случайно изначальным поводом собрания было объявлено обсуждение вопросов сельских обществ. Таким образом, они отражали не только недовольство, характерное для среды студенческой молодежи или мнение воспитанников военных школ. Они также могли представлять начавшееся консолидироваться в этот момент времени в Черногории недовольство той части общества, что в рамках классического марксистского анализа принято называть угнетаемыми категориями (пролетариата или крестьянства). И консолидироваться это недовольство могло не только против Австро-Венгрии (в данный момент времени), но против любого представителя оторванного от низшего слоя правящего класса, в том числе против князя Николы. В целом при прочтении дневников Потапова неоднократно можно заметить, что в Черногории начала XX века, вопреки ее кажущейся территориальной «малости» и некоей «отсталости» в политическом развитии, присутствуют проблемы, связанные с отрывом правящей верхушки от остальной части общества. «Сливки общества» проводили время в салонах, играли в теннис на недавно отстроенных по европейскому образцу площадках, потребляли дорогие иностранные продукты (итальянские вина). Тогда как культурная жизнь относительно обеспеченных, но не элитарных слоев общества была сосредоточена в небольших городских кафе[2]. Отдельно в дневнике Потаповым отмечается тот

[1] Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о волнениях в военных учебных заведениях намерении князя Николая приступить к созданию постоянной армии // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 160. – С. 303–304.
[2] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 48–74.

факт, что значительная часть годового бюджета Черногории (до 20 %) уходит только на содержание княжеского двора[1].

Косвенно на процессы подъема социального недовольства решениями правительства оказывали влияние и действия России в рамках ее военно-стратегического планирования в Черногории. Здесь примечателен инцидент с раздачей населению Военным министерством Черногории револьверов, полученных в подарок от России в начале 1905 г. Поскольку расходы на их перевозку из России, а также закупка для них в России патронов обошлась черногорскому бюджету примерно в 55 тыс. крон, каждого получавшего русский револьвер черногорца обложили дополнительным налогом в 2 кроны. Сам Н. М. Потапов прямо назвал данное решение военного министра «обычной [в Черногории] эксплуатацией населения» и предостерег его от подобного действия[2]. Прежде всего в этом виделась угроза для имиджа России в глазах черногорских низов, но также проблемным военному агенту представлялись и возможные социальные выступления, спровоцированные этим решением[3]. Особенно странным и излишним приведенный пример «эксплуатации» является с учетом того, что российская миссия предлагала покрыть расходы на транспортировку и боеприпасы за счет резервного фонда черногорского Военного министерства, сформированного за счет русских же субсидий. Но соглашаться с данном предложением России черногорские лидеры не спешили.

Опасениями агентами социальных выступлений как рисков (для русской политики на Балканах и для образа России) можно объяснить и временный отказ в проектах учебных программ для черногорской армии на 1906-1907 гг. от практики призыва подданных, относящихся к младшим призывным возрастам[4]. С учетом наблюдаемых русскими представителями

---

[1] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 102–114.
[2] Рапорт Н. М. Потапова в Главный штаб о протесте против денежного налога на полученные в дар от России револьверы, раздаваемые черногорскому населению. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 94. – С. 179.
[3] Там же. – С. 179-180.
[4] Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об экзаменах в Цетинской пехотной школе и ученых программах на 1906-1907 гг. // Н. М. Потапов. Т. 1. – № 113. – С. 217.

волнений[1], возможно, что на данную меру русская военная миссия идет, не желая создавать явные обременения для черногорской молодежи, которые бы четко ассоциировались с деятельностью русской военной миссии. Дабы недовольство, формирующееся в этот период в среде черногорского общества, могло быть отчасти нивелировано, а также с целью исключить из сознания черногорской молодежи Россию в качестве причины некоторых лишений, что ей приходится претерпевать. Однако саму проблему отрывающейся от низов и вечно празднующей, по мнению низов, элиты, как Н. М. Потапов фиксирует не только в донесениях, но и на страницах своего дневника[2], подобные меры, разумеется, не решали.

Таким образом, если социальные, по сути, выступления черногорцев против Австро-Венгрии и могли быть полезны России в краткосрочной перспективе, они, тем не менее, никак не поощрялись и даже открыто порицались русскими представителями. Поскольку в формальном выступлении «низов» против «верхов» и против иностранного насилия ими всегда осознавался риск потенциальной канализации недовольства масс с образа «довлеющей извне Австро-Венгрии» на образ «довлеющей извне России».

Все эти процессы естественным образом способствовали и общественному расколу в Черногории с распространением в черногорском обществе недовольства по отношению к своим лидерам. Впоследствии это могло стать основой для распространения и укрепления в среде «малых» Балканских держав идей единения, основанных не на национальных, но наднациональных началах, а конкретно – социалистического толка.

При этом положение «малых» южнославянских государств в системе международных отношений вокруг Балканского региона в конце XIX – начале XX веков не оставалось сугубо подчиненным. Помимо того, что взаимодействие «малых» «буферных государств» и «великих держав» само по

[1] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 70–76.
[2] Н. М. Потапов. Т. 2. Дневники. – С. 157–160.

себе диалектически порождало взаимовлияние, значимость русского панславистского проекта предоставляла «малым» игрокам, а точнее их лидерам, специфические возможности для воздействия на курс балканской политики «великих держав». И особенно – на балканскую политику России. Данные факторы сформировали базовые условия, способствовавшие становлению Балканского региона в качестве проблемной зоны в рамках международных отношений и пространства кризисов международного значения.

Сам же процесс выработки альтернативных объединительных концепций был необходим прежде всего для выстраивания диалога с «великими державами» на равнозначных началах. В случае разработки южнославянской интеллигенцией актуального и дееспособного проекта переустройства балканской субсистемы международных отношений дипломаты «малых» субъектов получали бы в свое распоряжение специфическое преимущество при взаимодействии с дипломатическими представительствами «великих держав». Аргументы, самостоятельного южнославянского единения позволяли решать сразу две внешнеполитические задачи на макроуровне и микроуровне международной системы. На макроуровне становилось возможным противостоять «ареолу» «естественного» и «правомочного» вмешательства во внешний и внутренний политический курс «малых государств» со стороны «великой державы». А подобный образ придавался проектам политического переустройства региона, разработанным в рамках общественно-политического дискурса «великой державы»[1]. С опорой на этот ареол оправдывались и единичные акты вмешательства, и вся система балканской политики отдельных «великих держав»[2]. В свою очередь, на микроуровне, то есть в процессе взаимодействия с иными «малыми» акторами балканского пространства, наличие

[1] *Миллер, А. И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 68–74.
[2] Освободительные движения народов Австрийской империи … – С. 217–232.

собственного проекта единения открывало возможности для мирной и продуктивной кооперации и для разрешения локальных национальных и межэтнических противоречий.

Помимо этого существовала необходимость дальнейшего укрепления молодой южнославянской государственности[1]. Само развитие «малых» субъектов балканской подсистемы международных отношений[2] достигло пределов, оправданных теми внутренними ресурсами, что находились в тот момент в их распоряжении[3]. Дальнейшее развитие к концу 1910-х гг. уже явно требовало внешней экспансии в экономической, дипломатической, военно-стратегической сферах. Таким образом, последующее возвышение Сербии или Болгарии и включение в орбиту их влияния Черногории предполагало следующее: постепенное проникновение в те регионы Балканского полуострова, где титульная для возвышающегося государства народность (сербы или болгары) или не составляет относительное большинство населения, или отсутствует со статистической точки зрения совсем. Для мирового и локального балканского общественного мнения подобное расширение проблематично было оправдать сугубо национальным государственным проектом[4]. Требовался уже наднациональный проект.

Таким образом, для достижения описанных целей требовалась идеологическая основа, однако не навязанная извне, со стороны «великих держав». Ей требовалось либо быть выстроенной в южнославянском сознании самостоятельно, либо быть заимствованной из иного дискурса, но адаптированной при этом под политические интересы южнославянской государственности.

---

[1] *Достян, И. С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. – С. 82–110.

[2] *Гусев, Н. С.* Болгария и Сербия в 1912-1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII-XXI вв. – М.; СПб., 2017. – С. 78.

[3] *Чуркина, И. В.* Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской империи // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. – С. 8–36.

[4] Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М.: «Индрик», 2018. – С. 7.

С учетом описанных выше проблем не удивительно, что концептуальную основу для проектов «южнославянского» («югославского») толка ряд представителей интеллигенции к началу XX века нашел в социалистическом учении. Идеологические противоречия между различными слоями населения Балканских государств, и в частности в Черногории, в это время пролегали не только по национальному признаку, но и по критерию принадлежности к той или иной социальной страте. Особенно это видно на фоне постепенного угасания в южнославянской среде идеологии либерального крыла[1]. В итоге пока идеологами и политиками в «великих державах» в жаркой полемике разрабатывались проекты политического переустройства Балканского региона, велись подобные дискуссии и между балканскими социалистами[2].

Проекты консолидации касались южнославянских территорий, ранее на протяжении долгого времени подконтрольных Османской империи, населенных, тем не менее, не этническими турками, но сербами, албанцами, греками, болгарами и черногорцами. К началу XX века уже около столетия продолжалась их борьба за освобождение от турецкого гнета, но она все еще не закончилась. Неудивительно, что социалистические идеи нашли на Балканах широкий отклик, поскольку они подразумевали, кроме прочего, единство угнетаемых в борьбе за свободу[3].

Кроме того, надлежит отметить следующую особенность. Относительно «малых» Балканских государств в начале XX века не всегда в полной мере возможно употребить характеристику «гражданская нация». В качестве причин обычно упоминают о достаточно низкой общей грамотности населения, а также архаичные формы идентичности и управления. В этой связи можно допустить, что возникновение и распространение

---

[1] *Perovšek, J.* Pogled na pojav socialnega liberalizma v evropski in slovenski politični misli in praksi // Perovšek J. Na poti v moderno. – Ljubljana, 2005. – S. 46.

[2] *Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г., Тортика (Лобанова), М. В.* Жизненный путь Христиана Раковского, 1873–1941. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. – М.: Центрполиграф, 2014. – С. 10–14.

[3] *Богучарский, В. Я.* Социалистическое движение в Болгарии [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 81. Л. 1–26.

социалистических идей в данном регионе связано, в том числе, не только и не столько с процессом формирования посткапиталистического сознания в среде «балканского» рабочего класса, но и с широким распространением на пространстве «южнославянских Балкан» архаичных форм общественных отношений, предполагающих приоритет коллективных интересов над личностными, а также доминирование взаимопомощи и кооперации над индивидуализмом и конкуренцией. Следовательно, достаточно большую популярность здесь естественным образом могли обрести социалистические идеи, характерные для работ М. А. Бакунина или Н. Г. Чернышевского, на что указывал в своих трудах еще А. Л. Шемякин[1].

Интересный взгляд на процессы подъема социалистических идей на фоне угасания панславистских взглядов на Балканах формируется на основе анализа балканских записей В. Я. Богучарского (Яковлева), достаточно известного историка дореволюционного периода, которого обычно относят к либеральному крылу народничества. Основная часть его работ, опубликованная в России, посвящена критике отдельных представителей народнического движения, в частности одиозного С. Г. Нечаева[2]. Отчасти именно В. Я. Богучарский породил в отечественной историографии саму традицию критики «нечаевщины»[3]. Его же перу принадлежит один из самых ранних крупных трудов о партии «Народная воля»[4]. В нем автор жестко критикует радикальные и скоропалительные методы борьбы, избранные Исполнительным комитетом партии – индивидуальный террор[5]. В то же время в нем четко прослеживаются авторские симпатии к социалистической идеологии и к целям социалистического переустройства страны, но только

---

[1] *Шемякин, А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – М.: «Индрик». 1998. – С. 18–20.
[2] *Богучарский, В. Я.* Активное народничество семидесятых годов. – М., 1912. – С. 144–150.
[3] *Тюкачев, Н. А.* Либеральная историография революционного народничества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – № 3. – 2011. – С. 255.
[4] *Богучарский, В. Я.* Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М., 1912. – 490 с.
[5] *Тюкачев, Н.А.* Либеральная историография революционного народничества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова., – 2011. – № 3. – С. 256.

через дарование народу на первом этапе либеральных прав и свобод для культивации его политической зрелости[1].

В начале XX века в ходе следствия по делу журнала «Былое» В. Я. Богучарский был сослан в Сибирь[2]. Позднее наказание смягчили, разрешив ему выехать за границу, где он и пребывал с 1910 г. по 1913 г., сначала на Балканах, прежде всего в Болгарии, а с конца 1911 г. в Берлине. Оказавшись в условиях вынужденной эмиграции, Богучарский, предположительно, пребывал в стеснительном финансовом положении. Данное обстоятельство подвигло его заняться написанием путевых заметок и историко-аналитических статей о балканских социалистах для отечественных газет и журналов. В подтверждение этого тезиса свидетельствует как минимум один эпизод, всплывающий при анализе рукописей Богучарского. В конце статьи «Национальное движение и социальный вопрос в Турции», являющейся машинописной версией статьи-заметки «Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции» от июня 1910 г., перепечатанной в начале 1912 г. для отправки в журналы, после основного текста сохранилось обращение автора к одной из редакций. В нем автор выступает с настойчивой просьбой указать в ответном письме, какие конкретно из его заметок и перепечаток были использованы в их журнале и «в какой мере [редакция] желает оплатить перепечатки»[3].

Процессы, наблюдаемые на Балканах, преломлялись в сознании невольного путешественника через призму уже сложившегося ранее образа «малых» или «младших» балканских народов, стереотипного для представителя российской интеллигенции начала XX века. Это касается и восприятия им организованных социалистами волнений в Салониках в 1910 г., что, впрочем, опосредованно позволяет судить и о том, как воспринимались

---

[1] *Богучарский, В. Я.* Из истории политической борьбы …– С. 463–471.
[2] *Искра, Л. М.* Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества. сборник научных трудов. Воронежский государственный университет. – 2007. – С. 3–23.
[3] *Богучарский, В. Я.* Национальное движение и социальный вопрос в Турции [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 41. Л. 8.

эти процессы самими участниками событий[1]. Кроме того, в записях и статьях Богучарского раскрывается отношение части балканских социалистов к идеям «балканской федерации». Из рассмотренных источников следует, что в 1910–1911 гг. в Софии Богучарский поддерживал прямые контакты с левой болгарской интеллигенцией[2]. При этом наблюдения автора накладывались на его более раннее заочное обращение к истории болгарского социализма[3].

Текстологический анализ рукописей В. Я. Богучарского позволяет выявить слой первичной эмоциональной реакции автора в столкновении с увиденным и стремление приноровить новые впечатления к стереотипным образами «младших братьев». Все это проявляется в помарках, вставках и исправлениях исходного текста, которые сохранили рукописи. Таким образом, они позволяют, с одной стороны, выявить особенности восприятия политической риторики балканского социалистического движения левым российским интеллектуалом (в прошлом – народником). С другой стороны, они же позволяют понять эволюцию в сознании представителей «малых» балканских народов «устаревающего» дискурса (в условиях политической нестабильности в проблемном регионе).

По мнению В. Я. Богучарского, важную роль в деле распространения социалистических идей на Балканах в начале XX века сыграла широкая популярность в этом регионе панславистских идей, продвигаемых Россией[4], предположительно, в той геополитической трактовке «панславизма», что была распространена у ряда поздних славянофилов или неославянофилов[5]. Согласно Богучарскому, к 1910 г. установление в Турции конституционного режима «повлекло за собой многочисленные политические события на Балканском полуострове […], [что] дало сильный толчок к развитию

---

[1] *Богучарский, В. Я.* Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 41. Л. 1–8.
[2] Беглые заметки В. Я. Богучарского, относящиеся к его пребыванию на Балканском полуострове 1910–1911 гг. [автограф] // РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1 № 56. Л. 7.
[3] *Богучарский, В. Я.* Социалистическое движение в Болгарии [автограф]. – Л. 1.
[4] *Богучарский, В. Я.* Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф]. – Л. 1.
[5] *Кудряшев, В. Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма … – С. 68–71.

культурно-политических стремлений среди населяющих полуостров народов»[1]. Эти события не только обновляли политическую жизнь в Балканских странах, но и открывали новые горизонты для разрешения острого восточного вопроса. Поэтому особую популярность к 1910 г. вновь неожиданно приобрела ранее мало разделявшаяся идея «балканской федерации». А «всего два года назад» деспотичный режим Османской империи заставлял большинство воспринимать эту идею не иначе, как «утопическую химеру»[2]. Причиной тому было очевидное всем нежелание Порты участвовать в подобном объединении до событий «хуриеты» (восстановления конституции). Сами же события «хуриеты» в Турции, ввиду практически полного отсутствия в поздней Османской империи каких-либо признаков гражданского общества[3], оказались в тот момент для мировой общественности неожиданным потрясением. В описании данной ситуации Богучарский склонен к использованию возвышенных метафор. В тексте зачеркнута одна формулировка («федерация теряет всякий смысл») и заменена на другую: «[ранее «балканская федерация»] являлась бы лишь попыткой воскресить славянофильского смердящего Лазаря, т. е. задачею, разрешить которую среди людей, выросших из политических пеленок, на Балканском полуострове охотников там нашлось бы, разумеется, немного»[4]. Тем самым автор раскрывал идею «балканской федерации» как удачное для русских панславистов продолжение их геополитических устремлений. Для В. Я. Богучарского вполне очевидно, в какие глубины панславизма уходят своими корнями подобные проекты. Ко схожим выводам приходят и современные исследователи[5].

Особенную же остроту идея «федерации для защиты», как подчеркивает публицист, приобретает на фоне недавнего «немецкого Drang

---

[1] *Богучарский, В. Я.* Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф]. – Л. 1.
[2] Там же Л. 1–2.
[3] *Çaha, O., Karaman, M. L.* Civil Society in the Ottoman Empire // Journal of Economic and Social Research. 2004. – 8 (2). – P. 53–81.
[4] *Богучарский, В. Я.* Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф]. – Л. 1–2.
[5] *Ковтуненко, М. К.* Концепция политического панславизма … – С. 222–227.

nach Osten», связанного с аннексией Боснии и Герцеговины. Как было показано в предшествующей главе, русские наблюдатели в Черногории фиксировали аналогичные настроения относительно немецкого давления среди боснийцев, герцеговинцев и черногорцев[1]. Параллельно этому росли в популярности и социалистические идеи, тесно переплетенные, по мнению В. Я. Богучарского, с федеративными. Саму аннексию автор прямо называет «убыточной», а значит он не связывал это событие с австро-венгерскими экономическими интересами, но лишь с военно-стратегическими. В итоге социальные опасности экономического и политического порабощения Балкан Австро-Венгрией осознаются в среде балканских народов, что укладывается и в интересы «родной [всем балканским славянам] по крови» России[2].

Далее В. Я. Богучарский специально останавливается на мнении, будто славянские народы только и ждут пришествия России на Балканы и установления власти «старшей сестры» над «малыми братьями». Из текста четко видно, что это популярное в русском обществе начала XX века и хорошо известное автору мнение, на его взгляд, не более чем миф. Для иллюстрации он ссылался на собственный опыт контактов с болгарской интеллигенцией и указывал, что в целом ее представители, напротив, равнодушны к таким идеям. Более того, они склонны относиться негативно к тем русским, что искренне верят в подобный миф[3].

Зная же о симпатиях В. Я. Богучарского к социализму, следует предположить следующее. Во-первых, очевидно его крайне ироничное восприятие любых проектов националистического толка, к которым относится и панславизм и, как следствие, идея балканской федерации. Во-вторых, сама идея единства славян в его сознании или не была сформирована, или была вытеснена и заменена на идею всеобщего объединения людей разных национальностей по социалистическому образцу. Если он и разграничивал в

---

[1] Донесение поверенному в делах в Цетинье Министру иностранных дел. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 836. Л. 114–115.
[2] *Богучарский, В. Я.* Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф] – Л. 1-2.
[3] Там же.

своих заметках «русских» и «балканских» революционеров, очевидно, он делал это не по национальному принципу, а по географическому[1]. И в целом автор не прибегал к национальной терминологии без особой публицистической нужды. Идею же балканской федерации он поддерживал лишь в ее социалистическом изводе. Следование за балканскими социалистами дезавуирует тот вариант «балканской федерации», который предполагал патронаж России[2].

Более того, В. Я. Богучарский отрицал наличие на Балканах серьезных сторонников панславизма русского толка. Они характеризуются как «мастодонты», толкующие о «демократической субстанции славянской души». Для большей части местных интеллигентов они «не интересны, и их мало кто слушает»[3]. Сам по себе образ «мастодонта» как существа реликтового, выбранный автором, говорит об угасании, образном «вымирании» прежней панславистской идеологии, не интересной «юной» социал-демократии. У Богучарского отсутствуют образы страдающих славянских братьев, столь характерные для русского панславизма. Напротив, присутствует социалистическая риторика страдающего, но жаждущего революционного освобождения балканского пролетариата, образ «6000 рабочих, которых надо спасать от развращения их буржуазным ядом»[4].

Симпатии автора склоняются к так называемым «широким» болгарским социалистам. В отличие от социалистов «тесных», «широкие» «[смотрят] на вещи широким взглядом в условиях конкретной действительности»[5]. В своих статьях и заметках В. Я. Богучарский сравнивал «тесных» и «широких» болгарских социалистов с «нашими большевиками и меньшевиками»[6]. Видимо, это делается для понимания описываемых явлений русскими читателями. Однако для историка революционных движений не

---

[1] Беглые заметки В.Я. Богучарского, относящиеся к его пребыванию на Балканском полуострове 1910-1911 гг. [автограф] – Л. 7.
[2] *Богучарский, В. Я.* Идея балканской федерации и балканские социалисты [автограф] – Л. 1-2.
[3] *Богучарский, В. Я.* Социалистическое движение в Болгарии [автограф] – Л. 1.
[4] Там же. – Л. 2.
[5] Там же.
[6] *Богучарский, В. Я.* Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф] – Л. 6.

могло не быть очевидным лишь формальное сходство русских и болгарских социалистических партий в зеркальности их раскола на «больших» и «малых»[1]. Разная политическая действительность, в которой пребывали русские и болгарские социалисты, определяла специфику идеологических расхождений. В заметках Богучарского прослеживается более плотное знакомство с представителями «широкой», нежели «тесной» социалистической партии. Видимо, именно в беседах с ними, неосознанно или явно, у автора оформлялась адаптация популярного ранее на Балканах панславистского дискурса.

Идею «балканской федерации» пропагандировали именно «широкие» социалисты[2]. Помимо них она находила понимание у социалистов Сербии и Черногории[3]. Популярность этой идеи именно у социалистов южнославянских государств объяснима независимым государственным статусом Болгарии, Сербии и Черногории. Относительно высокий политический вес на региональном уровне Сербии и Болгарии[4] позволял, если не претендовать на лидерство в рамках возможной федерации, то как минимум достойно оспаривать такое лидерство во взаимоотношениях с Россией и другими «великими державами». В свою очередь, для «тесных» болгарских социалистов было характерно крайне упрощенное понимание национальных стратегий, в особенности устремлений младотурок. Это приводило к тому, что такое течение как «османизм», потенциально способное расшириться до масштаба балкано-азиатской конфедерации[5], практически не принималось во внимание в болгарской социалистической среде. «Тесные» просто отвергали

---

[1] Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: «Наука», 1987. – С. 296–308.

[2] Европейское социалистическое движение, 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? / [Р. П. Гришина, Л. И. Жила, В. В. Зеленин и др.; Отв. ред. Р. П. Гришина, И. И. Костюшко]; Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1994. – 293 с.

[3] *Искендеров, П. А.* Сербская социал-демократия и албанский вопрос // Знание. – 2018. – № 8 (60). – С. 22.

[4] *Романенко, С. А.* Национальный вопрос и проблемы модернизации в концепциях югославянских социал-демократов Австро-Венгрии // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 9 (89). – С. 180-181.

[5] *Абидулин, А. М., Ширкина, И. А.* Трансформация идеологических концепций в Османской империи в 1850-1900 гг. Османизм-панисламизм. // Исторический вестник. Феномен Османской империи. Т. 29. – 2019.– С. 196–215.

такие концепции, видя в них сугубо протурецкий дискурс[1]. «Широкие» же, хоть и были открыты для сотрудничества с турецкими социалистами, предпочитали концептуально оставаться в рамках идеи «балканской федерации».

Характеризуя социалистические волнения в Салониках 1910 г., в которые были вовлечены представители разных национальностей, В. Я. Богучарский отмечает звучавшие в толпе призывы «к забвению национальных распрей […] и солидарной работе освободившихся трудящихся от ига капитала»[2]. Это объясняется как идеологически мотивированным стремлением Богучарского заменить старый дискурс панславизма новым социал-демократическим наречием, так и отторжением (на дискурсивном уровне) национально-центрированной консолидации в пользу консолидации социалистической.

Прежняя метафора «братства» преобразуется в «братство народов» независимо от этнического происхождения по лекалам пролетарского интернационализма. При этом особый символизм событий В. Я. Богучарский усматривал в следующем: лозунги единства звучат именно в Салониках, где много веков назад «апостол Павел лично провозгласил учение о том, что “несть эллин и иудей”». Богучарский напоминает о том, что из области Салоник происходили знаменитые создатели славянской письменности, братья Кирилл и Мефодий[3]. Парадоксально, что кирилло-мефодиевская традиция была равным образом приемлемой и для позднего панслависта В. И. Ламанского[4], и для умеренного социалиста В. Я. Богучарского, формально воспроизводящего идеи местного социалистического движения, и для самых широких слоев населения Балканского региона, во всяком случае,

---

[1] *Тортика, М. В.* Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология – № 1 (144). – 2013. – С. 70.
[2] *Богучарский, В. Я.* Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф]. – Л. 1.
[3] Там же.
[4] *Болдин, В. А., Прокудин, Б. А.* Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. – С. 158–167.

его православного ареала. В таком преломлении она сочеталась с идеями социалистического объединения вне национальных ограничений.

Более трудной задачей в таком идеологическом контексте представлялось вовлечение в орбиту движения турецкого населения Салоник. Формирующаяся символическая система еще не была в состоянии разорвать все связи с некоторыми элементами панславистского дискурса. А немногим ранее привлечь Турцию в федерацию казалось и вовсе утопичным. Но теперь, когда имперская концепция турок значительно ослабела, интернационализм на панславистской подкладке предлагался трудящимся мультиэтничного региона как альтернатива вражде. Сопоставительный анализ автографа рассматриваемой заметки и машинописной статьи, составленной на ее основе, показывает: ранняя рукописная версия в большей степени пересыпана «братским» сопереживанием Богучарского[1], пускай это «братство» понимается им здесь в контексте социализма.

В. Я. Богучарский цитировал главного пропагандиста «балканской федерации» – болгарского социалиста Х. Г. Раковского: «Только в идее рабочего освобождения могут претворится в здоровую смесь качества населяющих ваш город рас: творческое воображение эллина, логический ум семита, традиционная честность турка, альтруизм славянина». По сообщению Богучарского, эти слова были произнесены на салоникской маевке 1910 г., на которую Раковский прибыл из Софии по специальному приглашению[2]. Тезис Раковского целиком согласуется с идеями, разделявшимися и «широкими» социалистами Болгарии, и Богучарским, и неудивительно, что с его идеями историк и публицист захотел ознакомить и русскую публику.

Для Раковского и воспроизводящего его тезисы В. Я. Богучарского «славяне» не делятся на составные части, нации и государства. Можно было бы объяснить это ситуацией Салоник, где национальное самосознание еще не вполне оформилось, а с точки зрения официальной Софии здесь

[1] *Богучарский, В. Я.* Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф]. – Л. 1.
[2] Там же. – Л. 2.

превалировали македонские болгары. И, тем не менее, такое словоупотребление допустимо прочитывать шире – как его наследие панславистского дискурса. Раковский не использовал ни этнонима «болгары», ни иного национального или этнического термина в отношении салоникских жителей, кроме именования «славяне». Это особенно примечательно в свете его болгарского происхождения и патриотического подвижничества в ранней юности[1]. Тем не менее здесь Раковский, теперь уже деятель Второго Интернационала, отходил далеко от узко национальной позиции.

Риторика социал-демократов не отменяла, но подменяла панславизм, включая в себя ряд его элементов. Актуальной политической риторике становилось «тесно» в сугубо «славянском» видении Балкан. В итоге «передовые» политические силы, какими мыслили себя социал-демократы, в предвоенной ситуации «порохового погреба» Европы стремились расширить (над)национальную программу, эксплуатируя в ней остаточные воспоминания о «славянской идее». Такой симбиоз характерен для проекта «балканской федерации» или «конфедерации» Раковского. Главный подвижник этого проекта, он видел в нем возможность успешного преодоления вековых конфликтов, социального и политического прогресса на Балканском полуострове, защиты от внешнего империализма. Идея пролетарского общебалканского единства использовалась в полемике с «тесными» социалистами, критикуемыми за сектантство. При этом в проекте Раковского смело варьируются понятия «федерация», «конфедерация», «союз», так как он не усматривал в них принципиальных различий[2]. В рамках такого «союза» для Раковского уже дискурсивно равными будет мыслится все население Балкан: сербы, турки, греки, болгары, черногорцы.

В вопросе всебалканского единства В. Я. Богучарский возлагал надежды и на турок, а именно «на будущее зарождающейся новой

---

[1] *Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г., Тортика (Лобанова), М. В.* Жизненный путь Христиана Раковского, 1873–1941. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. – М.: Центрполиграф, 2014. – С. 2–4.
[2] Там же. С. 14–18.

[социалистической] партии в Турции». Он отмечал: «Уже одна исходящая от этой партии проповедь братства трудящихся […] при страшной национальной вражде населяющих Балканский полуостров и Турцию в частности народов, сделает без сомнения свое плодотворное дело»[1]. Если раньше социалисты вынужденно надеялись преимущественно и только на славян, теперь есть надежда на вовлечение в социалистическое движение всех балканских национальностей. Если «разные» славяне в теории еще могли найти друг в друге нечто общее, то исторические проблемы взаимодействия на просторах Балкан турок с иными народами полуострова не давали никакой надежды на подобный исход. Спасительным средством от вековых предубеждений, чреватыми резней, социал-демократам представлялся, разумеется, пролетарский интернационализм. И это вопреки малочисленности местного рабочего класса.

В этой связи невозможно констатировать безвозвратное исчезновение какой-либо общественно-политической доктрины. Не является здесь исключением и панславистская доктрина. Даже после исчезновения имперской и национальной «опоры» для панславистской доктрины в результате событий 1917 г. и поражения белых в Гражданской войне, комплекс панславистских представлений продолжал подспудно существовать. Сохранял он значение и как механизм психологической адаптации русских беженцев и эмигрантов. Многие из них осели в славянских странах – Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии) и Чехословакии, будучи вытесненными из России. В оставленных ими литературных произведениях можно узреть те черты образного панславистского восприятия южных славян, что были характерны для российского сознания в начале XX века[2].

---

[1] *Богучарский, В. Я.* Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции [автограф]. – Л. 2.
[2] *Евгеньева, Т. В., Селезнева, А. В.* Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности. // Известия Тульского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 158–166.

Таким образом, на заметках В. Я. Богучарского прослеживается удивительный феномен социалистической адаптации, перерождения популярного дискурса панславизма в ситуации сложного и многоуровневого политического кризиса на пространстве Балканского полуострова. Какая-то часть элементов «старого» языка переходила в «новый» практически неизменно. Те же элементы, что не соответствовали новым задачам и классовой точке зрения, не уходили из сознания бесследно. Они перестраивались в процессе «идеологической мимикрии» и продолжали использоваться в агитации для продвижения новых проектов и решений. В балканских заметках В. Я. Богучарского заметна явная эмоциональная вовлеченность. В его сопереживании балканскому социалистическому движению видны особые симпатии к славянским социалистам. Риторические воплощения такой предрасположенности опирались на смысловые конструкции, столь характерные для русского панславизма. В пересказе позиции «широких» болгарских социалистов и, в частности, в обсуждении проекта «балканской федерации» В. Я. Богучарский опять же использовал панславистскую риторику, стараясь лишить ее националистической окраски, но сохраняя ее конструктивные черты. При этом, хотя панславистский проект и потерял временно свою актуальность для применения в рамках политической риторики на Балканах, отдельные его концепты продолжали жить в сознании некоторых носителей русского культурного кода.

Поэтому не удивительно, что, когда в условиях противостояния «великим державам» возникала необходимость в идеологической консолидации малых» югославянских акторов, она происходила на базе «югославизма»[1], который выступал как дискурсивное объединение идей панславистско-социалистического толка. И сербский народ, а точнее сербская интеллигенция, оказались в начале XX века на Балканах главными носителями

[1] *Нюркаева, А. З.* Сербия накануне Первой мировой войны. // Вестник Пермского университета. Серия: История – 2003. – № 4. – С. 30.

этой идеологии. Причиной тому, согласно А. З. Нюркаевой, была его наибольшая конституированность именно этой нации[1].

Идеология югославизма в своем формальном отношении прекрасно подходила также и как основа политических проектов южнославянских социалистических партий и в Австро-Венгрии, и вне ее границ[2].

В рамках Балканского региона для социалистов на первом этапе распространения своих идей даже не было необходимости полностью отказываться от национально-центричных терминов и концепций. Переход к идее «всеобщего пролетарского единения» для болгар, сербов или черногорцев вполне мог проходить через идеи «единения всех южных славян», а затем – «единения всех славян» вообще. Достаточно было размывать в массовом сознании значения отдельных национальных терминов или просто полностью их замалчивать. Подобная пропаганда не только не вступала в противоречие с русской панславистской концепцией, но, напротив, находила в ней дискурсивную опору.

Для реализации данных проектов на практике не хватало только толчка, которым мог стать очередной кризис в рамках сложной системы национальных и культурных противоречий на Балканах.

Так, в начале XX века одним из наиболее противоречивых и дестабилизирующих факторов в системе отношений в Балканском регионе оставался «македонский вопрос»[3]. Он возник в 1878 г. в результате несбалансированных, по мнению большинства акторов системы, решений Берлинского конгресса и к 1900-м гг. все сильнее обострялся. На территории Македонии проживало этнически разнообразное население, чье «историческое родство» было достаточно условным и в большей степени скреплялось негативно воспринимавшимся опытом сосуществования в рамках

---

[1] Там же.

[2] *Романенко, С. А.* Национальный вопрос и проблемы модернизации в концепциях югославянских социал-демократов Австро-Венгрии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – № 9 (89). – С. 178–195.

[3] *Косик, В. И.* Македония – споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. С. 318–340.

Османской империи. Но в остальных вопросах здесь пересекалось множество различных интересов лидеров балканских наций (болгар, турок, греков, албанцев, евреев)[1].

При этом, поскольку наибольшую часть местного населения в этническом плане составляли болгары, то именно в болгарском обществе македонские проблемы воспринимались наиболее остро. В дополнение к этому факту македонский регион, отторгнутый от болгарского политического центра в Софии, тем не менее имел тесные и давние культурные связи с молодой болгарской государственностью. Поэтому именно для Болгарии в первую очередь, но не для Сербии, опыт «удачного» разрешение национального вопроса на локальном македонском уровне мог стать основой для укрепления политического влияния в рамках всей балканской субсистемы международных отношений. Обусловлено это могло быть и тем, что именно из Македонии произрастают исторические корни болгарской культуры и болгарского возрождения[2].

Географическим центром «македонской проблемы» в начале XX века стал город Салоники, и конкуренцию ему в данном аспекте отчасти составляли только территории основного расселения албанцев[3]. Не случайно и то, что именно в Салониках на фоне политической дезорганизации в Турции в 1910 г. начнутся масштабные выступления, главным образом проходившие под социалистическими лозунгами и поддерживаемые «широкими» социалистами в Софии, которые описал в своих заметках В. Я. Богучарский.

В Сербии идеи «югославского» единения, в свою очередь, опирались на дискурс, схожий с дискурсом русской панславистской идеологии, что частично прослеживается и в исследованиях самосознания жителей будущей

---

[1] Из Пешта (корреспонденция). // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 4. – С. 31-32.

[2] *Болтаевский, А. А., Прядко, И. П.* Балканы на перекрестках миров: славянский «узел истории» (конец XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 116.

[3] *Искендеров, П. А.* Македония: балканское «яблоко раздора». // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. - М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 372–390.

Югославии[1]. В частности, они выражаются в двух основных подходах к самому концептуальному осмыслению «югославизма» в Сербии в эпоху Александра I Карагеоргиевича. Первый представлен «великосербской» концепцией, предполагавшей объединение южных славян вокруг Сербии и сербского народа как одного из наиболее «опытных» на тот момент в деле национального и государственного строительства. Второй трактовал «югославский» проект как федерацию равных по национальному и культурному самоопределению субъектов.[2] Тем не менее в обоих вариантах данного консолидирующего проекта для Черногории уготована необходимость подчинения сербской гегемонии. В теории это имело как очевидные конструктивные преимущества, так и деструктивные недостатки. В частности, повышалась эффективность в перераспределении государственных ресурсов или обеспечении обороноспособности консолидированных территорий, но в перспективе длительного развития это порождало и ряд специфических противоречий, способных выступить причинами будущих национальных конфликтов.

Тем не менее в рамках каждого из двух проектов панславистские императивы проявляли себя для оправдания необходимости объединения южнославянских народов в одно государство на основе аргумента об их историческом и культурном «родстве». Именно эта общая черта позволяет рассматривать «югославский» проект в двух его базовых итерациях как эволюционное ответвление изначальной панславистской идеи. А значит, он имел прямую взаимосвязь с особенностями русского политического курса в Балканском регионе. И дискурсивная «сила» или «слабость» данного проекта будут коррелировать с «силой» или «слабостью» «присутствия» в регионе России.

---

[1] *Васильева, Н. В., Гаврилов, В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX в. / Нина Васильева, Виктор Гаврилов. - М. : Гея итэрум, 2000. – С. 156–160.

[2] Сербия, которую они потеряли [Рецензия] [Текст] / П. П. Александров-Деркаченко // Современная Европа. 2016. – № 3. – С. 155–159. – Рец. на кн.: Старая Сербия. Драма европейской цивилизации. – М. «Вече», 2015. – 480 с.

При этом, если второй вариант предполагал абсолютное равенство и объединение на принципе федерации, то первый в формальном отношении многое заимствовал из концепции русского панславизма. С тем отличием, что «старшая сестра» и «заступница» Россия подменялась «опытной» и «развитой» «сестрой» Сербией. Также масштабы данного панславистского проекта сокращались с общеславянского уровня до географического и дискурсивного пространства «Балканского полуострова». Однако в теории с устранением в такой схеме образа «большой» и «могущественной» национальной силы, легитимирующей на дискурсивном уровне идею объединения «меньших» субъектов, открывались возможности для потенциальной эскалации национально-обоснованных конфликтов между «малыми» акторами. Так как в этом случае их относительная «сила» и «мощь» в дискурсивном ключе воспринималась как приблизительно «равная», а значит, и проблема «лидера» и объединительного «центра» формально не исключалась, как в случае с базовым вариантом русского панславистского проекта.

Проблема «великосербского» варианта остро проявлялась при его трансляции в южнославянском дискурсивном пространстве. Во многом «великосербский» вариант «югославизма» выступал отражением и даже дискурсивным базисом потенциальной «сербской имперской идеи». Кроме того, он на словах и на практике предполагал создание государства на принципах определенного ограничения политической автономии «несербского» населения Югославии. Это очевидным образом предопределило достаточно прохладное восприятие данного проекта в общественно-политическом сознании иных, кроме сербов, южнославянских народов, прежде всего хорватов и болгар[1].

В рамках этой концепции также возможно объяснить относительную успешность югославского государственного строительства в период после

[1] *Bartulin, N.* The Racial Idea in the Independent State of Croatia. Origins and Theory. Leiden, Boston, 2014. – P. 23–27.

Второй мировой войны. Привнесение в «югославянскую» политическую риторику социалистической идеологии ограничивало Белград, заставляя держаться при выборе одного из «югославских» проектов определенного срединного пути, не склоняясь к радикальным формам консолидации.

Получается, что федеративные идеи как таковые играли на руку Сербии или Болгарии на определенном этапе южнославянской политической консолидации, но до определенного предела. Дальнейшее же их развитие становилось угрозой для региональных лидеров, так как они содержали, помимо прочего, и социалистические дискурсивные детерминанты. Подобно тому, как в «социалистической альтернативе» находили угрозу для русского влияния отдельные представители русской миссии в Черногории, проблемными для гегемонии Белграда или Софии могли оказаться идеи единения на принципе именно социалистической федерации.

Таким образом, возвращаясь к тому типу адаптации «социалистического панславизма», что фиксировал в своих травелогах В. Я. Богучарский по опыту Салоник 1910 г., главной здесь становилась сама возможность для населения социалистической Югославии избирать такой тип самоидентификации как «югослав», но не «серб», «болгарин», «хорват», «черногорец» etc.

Из концепции «социалистического панславизма» произрастает и потенциальная возможность дискурсивного и политического «поглощения» Югославской идентичностью идентичностей Сербии, Болгарии и особенно дискурсивно более «слабой» Черногории, что частью южнославянской интеллигенции могло рассматриваться как угроза национальным началам. Особенно угрожающе для самосознания Черногории это могло видеться в свете того, что в течение длительного периода борьбы с османским игом черногорцы были склонны считать себя в меньшей степени обособленными «черногорцами», но, скорее, частью «сербства», хотя и «лучшей» его частью. Как указывала В. Б. Хлебникова, в то время среди черногорцев была распространена идея о себе как борцах за свободу «всех славянских и

православных народов». А идеальным «золотым веком» в исторической памяти черногорцев выступала сербская держава Неманичей[1]. Как итог концепции о подчинении, или корректнее сказать «слиянии», черногорской государственности с государственностью сербской в начале XX века были достаточно сильны в том числе потому, что не встречали дискурсивного сопротивления на уровне национальной идентичности черногорцев. После Первой мировой войны эти факторы привели к слиянию черногорского и сербского политических пространств с доминирующей ролью именно последнего.

Таким образом, позднее оказалось естественным и то, что стабильное социально-политическое существование югославского государственного проекта, основанное на базовых дискурсивных императивах близких к концепции социалистического панславизма, совпадает по времени с существованием близкого Югославии Советского социалистического проекта, что способствовало и поддержанию веры в «жизнеспособность» наднационального в рамках балканской субсистемы «южнославянского» социалистического дискурса. С утратой же фактора присутствия образа крупной внешней силы, оказывающей покровительство «югославскому проекту», национальные противоречия в Югославии усугубились, и традиционный уже срединный путь временно оказался несостоятелен. Отказ же Белграда длительное время (до 1974 г.) идти на значительные уступки в пользу усиления реальной федерации постепенно способствовал дискурсивному декадансу «южнославянской» концепции.

Подводя итог: несмотря на выработку Австро-Венгрией альтернативного «триалистического» проекта консолидации Балканского региона под своей эгидой, отсутствие у него широкой поддержки, сделало саму инициативу «триализма» неудачной. В результате процесс русско-австрийского идеологического противостояния на Балканах вылился к 1910-

[1] *Хлебникова, В. Б.* Черногория: Феномен … – С. 4.

м гг. в усиление негативного восприятия Австро-Венгрии в среде южных славян. Но и объединение под эгидой России не устраивало значительную часть южнославянских лидеров. Естественным следствием процесса становления южнославянской государственности в конце XIX – начале XX веков стали альтернативные национальные и наднациональные проекты региональной интеграции, возникавшие в общественно-политическом дискурсе «малых» южнославянских государств. Однако данные проекты не могли хотя бы частично не базироваться на дискурсивных концептах популярного у южных славян русского панславистского проекта. А русский панславистский проект апеллировал к концепциям «братства» / «славянского братства» и «единения» / «славянского единения». Хотя в местных версиях уже допускалось исключение из итогового интеграционного проекта образа «старшей покровительницы – России» или трансфер этого образа на иные, значимые на региональном пространстве государства – Сербию или Болгарию. А ресурсов к преодолению столь мощной консолидирующей силы в реалиях международной системы после Первой мировой войны у дискредитированных к 1910-м гг. в сознании собственных подданных черногорских лидеров не оказалось.

Заключение

Проведенное в данной работе исследование позволяет сделать вывод о комплексности и значимости процессов, происходивших в Балканском регионе по линии взаимодействия «Россия» – «Черногория» в 1903–1912 гг.

В русском внешнеполитическом курсе с 1903 по 1912 гг. относительно Черногории прослеживается системность и наличие стратегического планирования. Ясно, что Россия отводила Черногории особую роль отдельного субъекта балканской политики, по крайней мере начиная с 1903 г., когда, несмотря на явное несогласие с подобным развитием событий австрийского правительства, русские миссии усиливают здесь свое влияние. Стратегическое значение Черногории в Балканском регионе было велико – с учетом ее независимости, а также принимая в расчет наличие там боеспособной армии, пусть и предназначенной действовать лишь в небольших пределах от своих границ.

В целом можно говорить о следующих ключевых особенностях русской политики в Черногории с учетом ее включенности в более сложную и многосоставную систему.

Во-первых, прослеживается высокая роль воздействия не только дипломатических, но отдельно и военных миссий России на всю политику в регионе. До того как будет пройдена точка невозврата и взаимодействие сил в Балканском регионе перестанет находить баланс, он будет полем борьбы именно дипломатов и военных агентов, стремившихся поставить регион как можно в большую зависимость от своего полюса силы или же сохранить статус региона как «буфера», предохранителя в случаях, когда больший конфликт абсолютно не выгоден их стране. Так, значение работы русского военного агента Н. И. Потапова с 1903–1912 гг. было крайне высоким. Работавший в Черногории с 1903 по 1915 гг., он следил за процессом осуществлявшихся на русские средства широкомасштабных военных преобразований в черногорской армии, надеясь создать препятствие на южном пути экспансии Австро-Венгрии. Кроме того, Потапов пользовался большим

влиянием при черногорском дворе, и при его участии в 1910 г. удалось убедить короля Николу Петровича подписать выгодное для России военное соглашение, вплоть до 1912 г. подчинившее черногорскую армию русскому Главному штабу и позволившее противодействовать усилению здесь австро-венгерского влияния. Русская политика в регионе проводилась с пониманием сложной местной специфики, что хорошо видно в разнице подходов к оценке боеспособности черногорской армии в сравнении с армией Сербии. Учитывались сложившиеся здесь традиции формирования войска, настроения, царившие в сознании, а, помимо прочего, и особенности местной политической элиты, такие как тотальная коррумпированность и сильная прозападная ориентация, в сравнении с пророссийскими симпатиями, распространенными в низах.

Во-вторых, отмечается важное значение для русской стратегии в регионе национального вопроса и его грамотное использование. Образы народов Балкан в сознании населения и лидеров «великих держав» совмещают в себе черты, присущие одновременно обеим соседствующим и конкурирующим «великим державам». Это приводит к созданию уникальной картины «инаковости» в общественном сознании «великой державы» и провоцирует специфические последствия в политической практике. Подобно тому, как сформированный в сознании общественности Российской империи XIX – начале XX веков образ «братьев-славян» стал одной из дискурсивных основ русского панславизма, затем он уже оказывал воздействие на русскую балканскую политику.

В свою очередь, панславистская концепция не существовала автономно, но как результат взаимного влияния нескольких процессов. Прежде всего шел процесс эволюции идей и концепций русских славянофилов (о «славянской взаимности», великом «славянском братстве»), концептуально оформлялся тезис об общей для славянского мира кирилло-мефодиевской традиции. Как следствие, данные идеи оказывались во взаимосвязи и взаимозависимости с актуальным геополитическим статусом Российской

империи. Параллельно этому русский панславизм постоянно черпал вдохновение для своих тезисов в образах «малых» южнославянских народов из литературы путешествий. Данные образы проникали в сознание правящей бюрократии Российской империи по мере распространения текстов балканских травелогов, исторических и статистических трудов и т. д. Травелоги создавались русскими путешественниками в ходе культурных и политических контактов с представителями славянских народов Балканского региона. В результате уникальной чертой русского панславизма, прямо или косвенно отражавшейся на русской балканской политике, становилась идея о «естественном» лидерстве России над «младшими» славянскими народами. Данный феномен приводил к дискурсивному подавлению суверенных устремлений в среде «малых» южнославянских государственных образований. Это стимулировало общественно-политическую мысль в конкурирующих «великих державах», прежде всего в Австро-Венгрии, а также в Сербии, Болгарии и Черногории, искать или изобретать альтернативные проекты с целью сопротивления русскому панславистскому влиянию. Несмотря на некоторые достаточно серьезные попытки противодействия в этой сфере со стороны Австро-Венгрии, России удалось превзойти ее и сохранить первенство в краткосрочной перспективе.

Таким образом, русские панславистские идеи консолидации Балканского региона, основанные на концептах «славянской взаимности» и «славянского единения», находились в дискурсивной связке с политическими интересами правящего класса Российской империи в Балканском регионе в 1903–1912 гг. По причине того, что панславизм русского образца развивался в России параллельно с представлениями о «братьях-славянах», в русских панславистских проектах переустройства Балканского региона данному мифу отводилось особое место. В итоге «братский» миф в русском сознании эволюционировал в миф о «младших братьях-славянах и их старшей сестре-покровительнице России». Так в массовом сознании подданных Российской империи начала XX века утвердился и стал характерным возвышенный образ

южнославянских «братских» Балкан, который стало общепринятым описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность. И все это идеологически легитимировало для России и «малых» южнославянских государств процессы, связанные с политическим и военно-стратегическим присутствием России в Балканском регионе.

Тем самым процесс принятия стратегических решений на пространстве Балканского полуострова, в том числе и по линии Россия – Черногория, попадал в дискурсивную зависимость от панславистских концепций. Таким образом, сама зависимость образа Балкан и южнославянских народов в сознании мировых политических элит от образа Балкан в русском массовом сознании оказывала влияние на принятие политических решений в России и в иных «великих державах» начала XX века.

В-третьих, конкурировавшие с Россией на Балканах «великие державы» также были вынуждены учитывать национальный (и особенно южнославянский) вопрос в своей балканской политике. Альтернативным вариантом консолидации Балканского региона, конкурировавшим в 1903–1912 гг. с русским панславистским проектом, стал «триалистический» проект в Австро-Венгрии, а также проект социалистического единения балканских народов, творчески переработанный деятелями балканского социал-демократического движения к 1910 г. Со стороны Австро-Венгрии изобретение и продвижение частью политических сил «триалистического» проекта было в первую очередь ответом именно на рост популярности во второй половине XIX – начале XX веков на Балканах русских панславистских идей.

В-четвертых, особенности межгосударственного взаимодействия в рамках Балканского региона оказывали воздействие на политическое развитие «малых» балканских государств. При осмыслении проектов региональной интеграции они были вынуждены придавать большое значение наднациональным или вненациональным (социалистическим) концепциям.

Причем на первый взгляд отрешавшийся от любых национальных концептов социалистический проект максимально расходился с национально ориентированным панславистским проектом. Однако результаты сопоставительного анализа тезисов панславистского и социалистического проектов балканской консолидации позволяют предположить обратное. Социалистический проект на Балканах в 1910–1912 гг. был прямым продолжением, наднациональной стадией в эволюции национально ориентированного панславизма. Хотя его можно счесть принципиально новым проектом, но нельзя отрицать, что ряд своих базовых концептов он напрямую заимствовал из панславистской риторики. Сам факт становления в XIX – начале XX веков южнославянской государственности требовал от местной интеллигенции выработки на локальном, а в перспективе и на мировом уровне альтернативного общественно-политического дискурса в виде наднациональных проектов региональной интеграции, но частично они базировались на положениях русского панславизма. Часть элементов «старого» дискурса, применяемых в новых реалиях, переходили в «новый» практически неизменно. Таким образом, политический дискурс адаптировался в общественном сознании, подчиняясь новым общественно-политическим запросам. И уже в новом качестве и формально под новым названием данные панславистские императивы продолжали определять особенности политического взаимодействия в Балканском регионе в последующие годы.

В-пятых, особую роль в начале XX века играли фактор системности международных отношений и системоприобретенные признаки во взаимодействии между двумя и более государствами. В связи с тем, что все «ведущие» и «малые» акторы системы признавали Балканские государства начала XX века как элементы этой системы, для Черногории открывались специфические возможности влияния на процессы, происходящие на международной арене. Такое влияние заметно как в выборе Черногорией курса на сближение с одной из «великих держав», так и в проведении ею политики лавирования между полюсами силы путем сталкивания интересов их лидеров.

Возможность влиять на систему международных отношений проистекает из самого факта включенности Черногории в эту систему как автономного участника.

При этом у «великих держав» появлялась прямая возможность воздействовать на геополитические процессы через Балканский регион в зависимости от степени их вовлеченности. Так, в создании всебалканского союза под эгидой Российской империи министр иностранных дел России С. Д. Сазонов увидел возможность противостоять в региональном и глобальном измерениях силам Тройственного союза. К сожалению, поддержание союза стало невозможно из-за разразившихся Балканских войн 1912-1913 гг. и их унизительных для Болгарии и Турции итогов, что иллюстрирует значительную роль внутренних конфликтов в Балканском регионе в данный период.

Пока «великие державы» воспринимались относительно равными между собой, а Балканский регион выполнял функции амортизатора, с 1903 по середину 1914 гг. продолжался некий «период паритета» или равновесия сил. Попытки изменить механизмы контроля над регионом служили сигналами для всех акторов начать подготовку к конфликту или же активировать деятельность своих дипломатических миссий для восстановления status quo в регионе.

В-шестых, к началу периода Балканских войн система русской политики на Балканах пережила упадок, когда «отказал» всего один ее элемент – Черногория. 1910–1912 гг. стали ключевыми для дипломатии Российской империи на Балканах в предвоенный период. С подписанием в 1910 г. Русско-черногорского военного соглашения Россия смогла взять черногорскую политику под прямой контроль согласно интересам российской правящей бюрократии вплоть до расторжения соглашения в 1912 г. В период с 1903 по 1912 гг. русский военный агент Н. М. Потапов следил за распределением в Черногории русских средств, а с 1911 г. все процессы по их переводу и дальнейшему распределению находились под его прямым контролем.

События 1911 г. убедительно показывают, что русское влияние в Королевстве Черногория было решающим фактором, определявшим тогда его внешнюю политику, а Черногория сама по себе стала важным инструментом балканской политики России по поддержанию выгодного ей status quo в регионе и инструментом влияния на складывавшейся внутри этой «буферной зоны» Балканский союз, все сильнее обретающий пророссийскую ориентацию. 1912 г. ознаменовался величайшими успехами балканской политики Российской империи. Уже имея ряд необходимых договоров с рядом стран, усиливавших русское военное присутствие в регионе, и выступив, наконец, в роли посредника в деле образования военного союза славянских государств, она начала всецело ощущать себя полноправной хозяйкой на Балканском полуострове.

Тем не менее этот же год ознаменован для России и полнейшим крахом. И тут вновь не последнюю роль сыграла маленькая Черногория в лице ее правителя Николы Петровича-Негоша, отказавшегося в итоге мириться со столь сильным русским влиянием. Можно говорить о том, что фактор влияния на политику Королевства со стороны «простого народа» был переоценен русской агентурой, и все решила оторванная от низов правящая верхушка. Сперва грянула Первая Балканская война, похоронив надежды Министерства иностранных дел России на вовлечение в этот союз Турции и породив новые противоречия между старыми союзниками по вопросу разделения отвоеванных у Порты территорий[1]. Затем последовала Вторая Балканская война, в которой Сербия, Черногория, Греция и Турция сцепились с Болгарией, дабы оспорить ее военные приобретения, и нанесли ей унизительное поражение. В итоге Первую мировую войну Балканы встретили почти такими же, какими вступили в XX век, разобщенными, озлобленными друг на друга странами, жаждущими реванша и новых приобретений. На

[1] *Карасев А. В.* Сербия и Черногория 1903–1914 гг. Балканские войны. // На путях. к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. – С. 411–414.

несколько лет Балканы увязнут в страшной кровопролитной борьбе, стягивая на себя внимание и все больше сил «великих держав».

В-седьмых, относительно роли отдельных лиц, принимавших политические решения, большое значение имело образно-психологическое восприятие ими политических процессов и субъективное понимание «интересов» конкретного государства. Однако специфические глубинные интересы населения страны, сопряженные с потребностями ее жителей, также необходимо было принимать в расчет. Если лицемерие черногорских лидеров и, в частности, Николы Петровича Россия еще могла предсказать и учитывала в рамках своего политического курса, к специфическим новым вызовам начала XX века она оказалась мало готова. Надежды на патриархальность черногорского общества и вера в силу идеализированного образа России не сработали так, как того ожидали. Постепенное изменение социальных и экономических условий в рамках всей балканской подсистемы международного взаимодействия позволило выйти на первый план в регионе объединительным силам нового, наднационального толка. И в силу последующих после 1912 г. событий Россия не успела достаточно быстро среагировать и выработать адекватного ответа на данные вызовы.

Список использованных источников и литературы

I Источники

Неопубликованные источники:

А) Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 191. Ефремов Петр Александрович (1830–1907) – библиограф, библиофил.

Оп. 1. Ед. хр. 1824. Пынин Александр Николаевич. «Вопрос о национальности и панславизме», «Легенды и апокрифы», «Книжная деятельность времен Петра Великого» и др. Статьи. 90 л.

Ф. 577. Ютанов Владимир Павлович (1876–1950) – писатель, редактор-издатель альманахов «Сполохи».

Оп. 1. Ед. хр. 54. «Особое прибавление» к газете «Московские ведомости» – воззвание императора Александра II к болгарам. 1 л.

Ф. 1337. Коллекция воспоминаний и дневников

Оп. 1 ед. хр. 324. «1-е мое донесение о поездке в Черногорию». Записки (июль-ноябрь 1838 г.). 22 л.

Ф. 1696. Богучарский Василий Яковлевич (наст. фам. Яковлев; 1861–1915) – публицист.

Оп. 1. Ед. хр. 41. Статьи Богучарского В. Я. «Зарождение оттоманской социал-демократической партии в Турции»; «Национальное движение и социальный вопрос в Турции». 8 л.

Оп. 1 Ед. хр. 56. Статья Богучарского В.Я. «Идея балканской федерации и балканские социалисты». [Путевые записи о поездке на Балканский полуостров и в Германию]. 11 л.

Оп. 1 Ед. хр. 81. «Социалистическое движение в Болгарии» и выписки по истории Болгарии 80-х гг. XIX в. На русском и болгарском языках. 26 л.

Б) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 2000. Генеральный штаб Российской армии.

Оп. 1. Ед. хр. 674. Рапорты военного агента в Сербии 1911–1912 гг. 55 л.

Оп. 1. Ед. хр. 759. Донесения военных агентов в Риме, Сербии, Черногории. Донесения 1-му Обер-Квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба. Объяснительная записка к ведомостям боевого расписания Австро-Венгерской армии на 1903 год. 203 л.

Оп. 1 Ед. хр. 836. Копии донесений министра-резидента в Черногории. Рапорты военного агента в Черногории и переписка по вопросам представления годовой отчетности о деятельности военного агента в Черногории. Извлечение из донесений военного агента в Черногории об отношении Черногории к России. О секретных совещаниях с участием черногорского князя Николая, на которых вырабатывалась основа «конституции». Об инциденте между турками и черногорцами на границе Ново-Базарского санджака. О волнениях в школах и военных училищах Черногории. Об инциденте на турецко-черногорской границе. Копия рапорта о Дунайско-Адриаической железной дороге. 200 л.

Оп. 1. Ед. хр. 3048. Политические вопросы в донесениях военных агентов на Балканах об отношении Балканских государств между собой и к России. 92 л.

Оп. 1. Ед. хр. 3189. Доклады по ГУГШу и переписка о субсидии и отпуске оружия, боеприпасов и военного имущества черногорскому правительству. О положении дел на турецко-черногорской границе. О состоянии черногорской армии. О передаче Черногории германских пушек, находящихся во Владивостоке и донесения военного агента в Черногории. 325 л.

Оп. 1. Ед. хр. 3197. Донесения военного агента в Черногории о постройке ж. д. Цетинье – Антивари. Сравнительная ведомость денежным отпускам на нужды черногорской армии. 9 л.

Оп. 1. Ед. хр. 3198. Доклады по ГУГШу. Донесения военных агентов в Балканских государствах и переписка о приеме на русскую военную службу подданных Черногории. О помещении в «Биржевых ведомостях» статьи, порочащей военного агента в Черногории Потапова. Об опровержении по этой статье. Газетные вырезки. 82 л.

Оп. 1. Ед. хр. 3199. Шифрованная телеграмма Н. М. Потапова в Огенквар ГУГШ о закупке черногорским правительством в Берлине пулеметов. 2 л.

Опубликованные источники:

А) Материалы официального делопроизводства

1. Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского 40-80-е гг. XIX в. – М.: «Наука», 1975. – 576 с.

2. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 г. Серия 2-я 1900–1913. т. 18, ч. 2: 14 сентября 1911 г. – 13 ноября 1911 г. [Москва]; [Ленинград] : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938–1940. – 1938. – XVII, 382 с.

3. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 г. Серия 3-я. 1914–1917. Т. 1. 14 янв. – 4 авг. 1914 г. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. – 616 с.

4. Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.): Сб. документов / А. А. Харламова / Е. М. Иванова. Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Каф. международных отношений. – М: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – 430 с.

5. Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 3, Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. / составители А. Л. Шемякин ... [и др.]. – Белград : Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2012 (Можайск: Можайский полиграфический комбинат). – 703 с.

6. Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Том 4, Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / авторы-составители Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. – Белград: Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2017 (Москва: ООО «Алатырь»). – 1008 с.

7. Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. – М.: Подгорица, 2003. – 791 с.

8. Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории международных отношений. Хрестоматия. Т. I. / Колобов О. А., Корнилов А. А., Рыхтик М. И., Цхай И. В. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1996.

9. Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). – М.: Древлехранилище, 2010. – 653 с.

10. Raspopović, R. Perazić, G. Međunarodni ugovori Crne Gore 1878–1918. Zbornik dokumenata sa komentarom, – 'Pobjeda', Podgorica, – 1992. – 850 p.

Б) Документы политических партий и движений

1. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Центр полит. и экон. истории России Рос. независимого ин-та соц. и нац. проблем, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, сост. С. В. Тютюкин. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. — 408 с.

2. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия» (РОССПЭН), Центр полит. и экон. истории России Рос. независимого ин-та соц. и нац. проблем, Гос. архивная служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Д.Б. Павлов, отв. ред. В. В.

Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 408 с.

3. Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов, отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 720 с.

4. Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 Т. – М.: Прогресс-Академия, 1994. Т. 1: протоколы центрального комитета конституционно-демократической партии, 1906–1911 гг. – 528 с.

5. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. В 3-х т. Т. 1. 1905–1907 гг. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Гос. архив. служба Российской Федерации, Гос. архив Российской Федерации, сост. и ред.-подготовитель О. Н. Лежнева, отв. ред. В. В. Шелохаев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 744 с.

А) Воспоминания и травелоги

1. Витте С. Ю. Воспоминания (1849–1894). В 2-х тт. М., 1960. Т. I. Детство. Царствования Александра II и Александра III. – М.: Соцэкгиз, – 1960. – 556 с.

2. Волков И. Путевые заметки по вновь присоединенной Черногории по вновь присоединенной Черногории у албанской границы в 1881 году. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 9. – С. 16–20.

3. К. Г. Из Поездки к Лужичанам // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1883. – № 1. – С. 19–22.

4. М. С. Археологическое Исследование Боснии и Герцеговины. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 2. – С. 12–16.

5. Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 2. Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. – М.: Подгорица, 2003. – 839 с.

6. Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова. – СПб., 2018. – 672 с.

7. Письма из Черногории. Письмо П. А. Ровинского. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1887. – № 4. – С. 209–213.

8. Созонович, И. П. Из путевых заметок по Хорватии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 1. – С. 18–23.

9. Созонович, И. П. Из путевых заметок по Хорватии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. — № 3. – С. 27–35.

10. Соловьев, Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893-1922 / Ю. Я. Соловьев; [вступит. ст. Б. Штейна]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 415 с.

11. Стахович, А. А. По южным славянским странам. // Русская мысль. – 1908. – № 11. – С. 130–142.

12. Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания / Василий Штрандтман; подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Шемякина; примеч. А.Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. Р. Субаева. – М.: Книжница, Русский путь, 2014. – Ч. 1: (1908–1913 гг.); ч. 2: (1914–1915 гг.). – 504 с.

Б) Публицистические источники

1. А. Б. О современном общественном положении словаков в Венгрии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1883. – № 3. – С. 17–22.

2. Бакунин М. Л. Избранные труды / М. А. Бакунин; [сост. П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст. А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; коммент., указ. имен П. И. Талеров). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 816 с.

3. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы в 80-х годах. // Русская мысль. – 1911. – № 1. – С. 1–47.

4. Братание чехов с мадьярами и поляками. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 8. – С. 2–6.

5. Жаботинский, В. Е. Письма о национальностях и областях. Еврейство и его настроения. // Русская мысль. – 1911. – № 1. – С. 95–115.

6. Западный панславист. Славяне и немецкое стремление на восток (по поводу сербско-болгарского столкновения и речи Бисмарка). // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1886. – № 3. – С. 106–117.

7. Из Пешта (корреспонденция). // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. – 1884. – № 4.– С. 31–32.

8. Известия из славянских земель по газетам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1886. – № 1. – С. 20–33.

9. Известия из славянских земель по газетам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1886. – № 2. – С. 75–78.

10. Киреев, А. А. О народности и народных делах России. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 2. – С. 8–20.

11. Краль, Я. Панславист Людевит Штур и его учение // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 6, 7. – С. 15–20, 19–23.

12. Кулаковский, П. А. Деятельность Югославянской Академии в Загребе // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 1. – С. 13–18.

13. Кулаковский, П. А. Болгарские библиографические известия. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1883. – № 1. – С. 28–32.

14. Ламанский В. И. Геополитика панславизма. / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 928 с.

15. Ламанский, В. И. Западно-славянские вопросы занимательны для нас и в мирное время. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 3. – С. 6–13.

16. Майков, А. А. Заметка по внешним делам. // Русская Мысль – 1883. – № 4. – С. 89–118.

17. Майков, А. А. Заметки по внешним делам. // Русская Мысль – 1883. – № 3. – С. 95–117.

18. Миллер, О. Ф. Исповедники и партия. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 1. – С. 7–13.

19. Панславист. Наши пессимисты. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 3. – С. 14–17.

20. Помощь бедствующим галичанам. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1883. – № 3. – С. 29-30.

21. Послание Святейшего Синода чадам российской церкви ко дню тысячелетия со дня кончины св. Мефодия. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1885. – № 4. – С.171–173, 173–186, 186–191.

22. Ровинский, П. А. По поводу церковной конвенции между Черногорией и Римскою курией // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1887. – № 1. – С. 31–34.

23. Ровинский, П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб., 1888–1915.

24. Рысс, П. Я. Психологический кризис. // Русская мысль. – 1911. – № 1. – С. 129–140.

25. Рязанов, Д. Б. Из наблюдений над экономической и общественной жизнью Болгарии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 8. – С. 18–20.

26. Соколов, М. И. Св. Кирилл и Мефодий. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1885. – № 4. – С.171–173, 173–186, 186–191.

27. Соловьев, В. С. Славянский вопрос // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 6. – С. 5–15.

28. Торжественное празднование тысячелетия памяти св. Мефодия в С.-Петербурге 6 апреля. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1885. – № 4. – С.171–173, 173–186, 186–191.

29. Успенский, Ф. И. Как возник и развивался на Руси Восточный вопрос. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1886. – № 6. – С. 245–257.

30. Шумаван, И. Голос чеха в ответ на речь проф. Ламанского о западно–славянских вопросах. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 5.– С. 11–16.

II Литература

А) Монографии

1. Абрамов, Д. М. Миссия России. Первая мировая война. – М.: Алгоритм. – 2014.

2. Аветян, А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны, 1910–1914 / А. С. Аветян / А. Л. Нарочницкий. АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1985. – 284 с.

3. Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 318 с.

4. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 232 с.

5. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.) – 488 с.

6. Аксенова, Е. П. А. Н Пыпин о славянстве. – М.: «Индрик», 2006. – 504 с.

7. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

8. Белаяц, М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны / М. Белаяц, Предисловие к рус. изд. д-ра ист. наук Шемякина А. Л. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. – 368 с.

9. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Московский рабочий, 2002. 390 с.

10. Богучарский, В. Я. Активное народничество семидесятых годов. – М.: Из-во Сабашниковых, 1912. – 383 с.

11. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х годов XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. – М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1912. – 490 с.

12. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

13. Болдин, В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А. А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с. (Исследования молодых ученых [Т. II]: изд. с 2018 г. / Отв. ред. серии А. Ф. Яковлева, М. . Петрова).

14. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. [Электронный ресурс] // URL: http://read.virmk.ru/b/bzezinsky/ (Дата обращения: 09.10.2020).

15. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. – М.: «Индрик», 2003. – 544 с.

16. Васильева, Н. В., Гаврилов, В. Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX в. / Нина Васильева, Виктор Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000. – 476 с.

17. Васильева, Н. В., Миркискин, В. А., Гаврилов, В. А. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах. – М.: Звонница-МГ, 2005 г. – 432 с.

18. Виноградов, В. Н. Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. – М.: Наука, 2005. – 299 с

19. Виноградов, В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах, 1683–-1914. – М.: «Индрик», 2010. – 479 с.

20. Виноградов, В. Н. За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М.: «Индрик», 2002. – 502 с.

21. Виноградов, К. Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. - пролог Первой мировой войны. Л., 1964. – 160 с.

22. Вишняков, Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 438 с.

23. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003., – 560 с.

24. Геллнер, Э. Нации и национализм. / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.

25. Грачев, В. П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. – 280 с.

26. Григорьева, А. А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). – Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. – 200 с.

27. Гришина, Р. П. Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. – 254 с.

28. Гусев, В. Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы / ред.-сост. С. В. Кучепатова.– СПб.: РИИИ, 2012. – 248 с.

29. Гусев, Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. – 520 с.

30. Данченко, С. И. Развитие сербской государственности и Россия, 1878–1903 гг. – М.: ИСБ, 1996. – 421 с.

31. Достян, И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. М.: Наука, 1980. – 328 с.

32. Дроговоз, И. Г. Англо-бурская война 1899–1902 гг. – Мн.: Харвест, 2004. – 400 с.

33. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Нонпарель, 2010. – 449 с.

34. Европейское социалистическое движение, 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? / Отв. ред. Р. П. Гришина, И. И. Костюшко. – М.: Наука, 1994. – 293 с.

35. Ефремов, П. Н. Внешняя политика России (1907 – 1914 гг.). М: Изд-во ИМО, 1961. – 304с.

36. Жебокрицкий, В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912-1913 гг.- Киев: Издательство Киевского университета, 1960. – 251 с.

37. Жогов, П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война 1912-1913 гг. / П. В. Жогов ; Академия наук СССР, Институт всеобщей истории. – Москва: Наука, 1969. – 392 с.

38. Задохин, А. Г., Низовский, А. Ю. «Пороховой погреб Европы». — М.: «Вече», 2000. – 416 с.

39. Золотарев, В. А. Серия книг «Первая мировая: забытая война». – М.: «Издательство АСТ». – 2014-2015.

40. Игнатьев, А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.) / А. В. Игнатьев. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 244 с.

41. История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 504 с.

42. Кавтарадзе, А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – М., 1988. – 267 с.

43. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Андреас Каппелер; Пер. с нем.: Светлана Червонная. – М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. – 342 с.

44. Коваленко, В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 704 с.

45. Колпакиди, А. И., Прохоров, Д. П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 282 с.

46. Кострикова, Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идейная борьба в российском обществе в начале XX века. – М.: Кучково поле, 2017. – 384 с.

47. Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1987. – 558 с.

48. Лебон, Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 224 с.

49. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

50. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 316 с.

51. Милюков, П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского: С прил. 2 карт и пересмотр. в 1909 г. текста турецкой конституции / П. Н. Милюков. – Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. – 404 с.

52. Миронов, В. Б. Первая мировая война. Борьба кумиров – М.: ОЛМА. – 2014.

53. Михалев А. В. Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы / науч. ред. Д. И. Бураев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. – 252 с.

54. Московичи, С. Век толп. – М.: «Центр психологии и психотерапии» 1996. – 480 с.

55. Мочалов, М. Ю. Ассирийская держава. От города-государства – к империи. М.: Вече, 2015. – 320 с.

56. Мюнклер, Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л. В. Ланника под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.

57. На путях. к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: «Индрик», 1997. – 416 с.

58. Никитин, С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. / М.: Издательство Московского университета, 1960. – 364 с.

59. Никифоров, К. В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Издательство «Индрик», 2012. – 176 с.

60. Нойманн, И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей : пер. с англ. – М. : Новое изд-во, 2004. – 335 с.

61. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.

62. Образы государств, наций и лидеров. / Под ред. Е. Б. Шестопал. — М.: Аспект Пресс, 2008. – 288 с.

63. Ольшанский, Д. В. Психология масс. – СПб: Питер, 2001. – 368 с.

64. Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М.: «Наука», 1981. – 464 с.

65. Оськин, М. В. Первая мировая война. – М., Вече, 2010. – 136 с.

66. Пастухов, А. Балканская война 1912-1913 гг. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – Москва: Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н. И. Пастухова, 1914.

67. Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. Ред. Г. Д. Шкундин. // Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – Кн. 1. – 686 с.

68. Петросян, Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. – М., Наука, 1990. – 187 с.

69. Писарев, Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой миров войны. – М.: Издательство «Наука», 1985. – 285 с.

70. Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М.: «Индрик», 2018. – 406 с.

71. Рябинин, А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб., Terra Fantastica, 2003. – 542 с.

72. Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с

73. Сенявская, Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОСПЭН, 2006. – 288 с.

74. Тард, Габриэль де. Общественное мнение и толпа [Текст]: перевод с французского / Г. Тард ; под ред. П. С. Когана. – Изд. 2-е. – Москва: ЛЕНАНД, сор. 2015. – 200 с.

75. Толева, Т. Австро-Венгрия и становление албанской нации / Перевод с болгарского А. С. Добычиной, Н. С. Гусева, А. А. Леонтьевой. Предисловие к российскому изданию А. А. Улуняна. - М.: Институт славяноведенья РАН, 2018. – 504 с.

76. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. – Москва, Иностранная литература, 1961. – 700 с.

77. Хлебникова, В. Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. – М., Институт славяноведения РАН, 2016. – 238 с.

78. Хитрова, Н. И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908. – М., 1993. – 354 с.

79. Хитрова, Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70 годах XIX века. – М.: Наука, 1979. – 336 с.

80. Цымбурский В. Л. Россия – Земля за великим лимитрофом: Цивилизация и геополитика. – М., УРСС, Изд. 2, 2010.

81. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. Коллективная монография. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 408 с.

82. Черногорцы в России / Ответственный редактор К. В. Никифоров. – М.: «Индрик», 2011. — 360 с.

83. Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г., Тортика (Лобанова), М. В. Жизненный путь Христиана Раковского, 1873–1941. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. – М.: Центрполиграф, 2014. – 557 с.

84. Чистозвонов, А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века / отв. ред. проф. Сказкин С. Д.. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – 191 с.

85. Шемякин, А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – М.: «Индрик», 1998. – 448 с.

86. Ширинянц, А. А., Мырикова, А. В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. А. А. Ширинянца. – М., 2010. – 72 с.

87. Bartulin, N. The Racial Idea in the Independent State of Croatia. Origins and Theory. Leiden, Boston, 2014. – 256 p.

88. Braude, B., Lewis, B. Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. – 248 p.

89. Булајић, Ж. Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. – 284 p.

90. Вујовић, Д. Уједињење Црне Горе и Сербије. Титоград, 1962.

91. Clark, C. Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012. – 736 p.

92. Engelstein, L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 239 p.

93. Fitzpatrick M. P. Liberal Imperialism in Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 269 p.

94. Good, D.F. The Economic Rise of the Habsburg Empire.1750–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. – 309 p.

95. Groh, D. Russland im Blick Europas / Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988. – 439 p.

96. Jelavich, B. A century of Russian foreign policy 1814–1914. Philadelphia; N. Y., 1964. – 308 p.

97. Kann, R.A. A History of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1974. – 646 p.

98. Kann, R.A. The multinational empire. Nationalism and national reform in the Habsburg monarchy, 1848–1918. In two volumes. Volume I, Empire and Nationalities. N. Y., 1950. – 444 p.

99. Kohn, H. The Mind of Modern Russia Historical and Political Thought of Russia's Great Age. Palala Press, 2015. – 312 p.

100. Langer, W. L. The Diplomacy of Imperialism 1890–1902. – N. Y. : A. A. Knopf, 1968. – 797 p.

101. Laqueur, W. Russia and Germany. A century of conflict. New Brunswick, 1990. – 377 p.

102. Јовановић, Ј. Сварање Црногорске државе и развој црногорскенационалности. Историја Црна Горе од почетка VIII в. до 1918 г. Цетиње, 1948. – 445 p.

103. MacMillan, M. The War that ended Peace. The road to 1914. New York, 2013. – 739 p.

104. Malcolm, N. Bosnia: A Short History. London, 2002. – 374 p.

105. McCarthy, J. Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922. Darwin Press., Princeton N.J., 1995. – 383 p.

106. McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War. Harvard, 2011. – 324 p.

107. Okey, R. Taming Balkan Nationalism. The Habsburg 'Civilizing Mission' in Bosnia, 1878–1914. Oxford University Press., N. Y., 2007. – 346 p.

108. Otte, T.G. July Crisis. The World's Descent into War, Summer 1914. Cambridge University Press, 2014. – 534 p.

109. Павићевић, Б. Стварање Црногорске државе. Београд, 1955. – 345 p.

110. Perovšek, J. Pogled na pojav socialnega liberalizma v evropski in slovenski politični misli in praksi. Perovšek J. Na poti v moderno. – Ljubljana, 2005. – 285 p.

111. Petrovich, M.B. The emergence of Russian Panslavism, 1856-1870. New York: Columbia University Press, 1956. – 312 p.

112. Raspopović, R. Diplomatija Crne Gore, 1711-1918. Београд. 1996. – 696 p.

113. Raspopović, R. Crna Gora i Rusija. Ogledi i eseji. Podgorica-Београд. 2005 – 430 p.

114. Snyder, L.L. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990. – 445 p.

115. Taylor, A. The struggle for Mastery in Europe, 1848-1918. Oxford, 1954. ¬ 638 p.

116. Taylor, A., Geddes, A., Lees, C. The European Union and South East Europe. – N. Y. Rutledge., 2013. – 253 p.

117. Todorova, M. Imagining the Balkans. Oxford University Press, Inc. N. Y., 2009. – 273 p.

118. Tunstall, Jr. G. Planning for War Against Russia and Serbia, Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914. Columbia University Press., N. Y., 1993. – 373 p.

119. Webber, M. The International Politics of Russia and the Successor States. - Manchester. - N. Y., 1996. – 366 p.

120. Wilson Keith (ed.). Forging Collective Memory. Government and International Historians through Two World Wars. Berghan Books., Providence–Oxford, 1996. – 224 p.

121. Љушић, Р. Принцип Гаврило (1985–1918), Оглед о националном хероју. «Новости» Београд, 2014. – 423 p.

122. Ћоровић, В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Библиотека града Београда., Београд, 1992. – 870 с.

123. Fay, S. The Origions of the World War. Vol. I-II. New York, 1928. Перевод на русский язык: Фей С. Происхождение мировой войны. М.-Л., 1934.

124. Шкеровић, Н. Црна Гора на освиту XX вјека. Београд, 1964. – 640 p.

Б) Статьи

1. Абидулин, А. М., Ширкина, И. А. Трансформация идеологических концепций в Османской империи в 1850–1900 гг. Османизм-панисламизм // Исторический вестник. Феномен Османской империи. Т. 29. – 2019.– С. 196–215.

2. Агансон, О. И. Между прагматизмом и идеализмом: к вопросу о методах британской политики на Балканах (конец XIX – начало XX вв.) //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 87–93.

3. Агансон, О. И. От Бухареста до Сараево: политика Великобритании на Балканах и начало Первой мировой войны // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2014. –№ 1 (1). – С. 120–142.

4. Балканы в европейских политических проектах XIX-XXI вв. Сборник статей / Отв. ред. Р. П. Гришина. – М., 2014. – 634 с.

5. Белов, М. В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. – 2017. – № 2. – С. 96–112.

6. Белянкина, В. Ю. Исторические проекты балканской федерации во внешнеполитических взглядах русской общественности второй половины XIX – начала XX века // Манускрипт. – 2019. – № 12. – С. 13–18.

7. Болдин, В. А., Прокудин, Б. А. Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 158–167.

8. Болотина, А. В. В. Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. – Воронеж, – 2001. – Вып. 3. С. 49-84.

9. Болтаевский, А. А., Прядко, И. П. — Балканы на перекрестках миров: славянский «узел истории» (конец XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 116.

10. Виноградов, В. Н. 1914 год: Быть войне или не быть? / В. Н. Виноградов // Новая и новейшая история. – 2004. – № 6. – С. 17-25.

11. Виноградов, В. Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и новейшая история. – 1993. – № 4. – С. 3–13.

12. Вишняков, Я. В. Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX – начале XX века //

Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетейя.– 2009. – С. 86 – 107.

13. Вишняков, Я. В. «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии / Я. В. Вишняков // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 3. – С. 68–77.

14. Волков, В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., – 1969. – С. 25–69.

15. Воронкова, И. Е. Кадеты о русско-английских отношениях в конце XIX – начале XX в.: источники антагонизма и основы согласия / И. Е. Воронкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 4 (12). – С. 12–18.

16. Григорьева, А. А. Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX – начала XX века / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. – № 6-1 (20). – С. 78-82.

17. Григорьева, А. А. Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е гг. XIX – начало XX в). // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 7 (54). – С. 187–193.

18. Гудков, А. Д., Ширинянц, А. А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2001. – № 1. – С. 94–119.

19. Гусев, Н. С. Болгария и Сербия в 1912-1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII-XXI вв. – М.; СПб., 2017. – С. 77–85.

20. Гусев, Н. С. Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912-1913 гг. и российские мусульмане // Новейшая история России. 2018. – Т. 8. № 3. – С. 560–569.

21. Гусев, Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. – 2019. – № 1. – С. 3–14.

22. Данченко, С. И. Деятельность П. А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 8-1. – С. 77–93.

23. Евгеньева, Т. В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. – 2012. – № 5. – С. 27–36.

24. Евгеньева, Т. В., Селезнева А. В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 158–166.

25. Ермичев, А. А. Немногое об истории кружка имени А. И. Герцена // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – № 3 (13). – 2012. – С. 132–135.

26. Зайончковский, А. М. Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. // Красный архив, 1925. – № 3 (10) – С. 41–53.

27. Искендеров, П. А. Сербская социал-демократия и албанский вопрос // Знание. – 2018. – № 8 (60). – С. 21–29.

28. Искра, Л. М. Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества. сборник научных трудов. Воронежский государственный университет. – 2007. – С. 3–23.

29. Исламов, Т. М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 5. – С. 45.

30. История Сербии и Черногории: Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия. / [Сост. Сергей Шумов и Александр Андреев]. – М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – 496 с

31. Ковтуненко, М. К. Концепция политического панславизма И. И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 3. – С. 222–227.

32. Крючков, И. В. Венгро-хорватский конфликт в донесениях российских дипломатов в начале XX века // Вестник славянских культур. М.: МГУиТ, 2014. – № 1. – С. 9–17.

33. Кудряшев, В. Н. Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – С. 65–71.

34. Лаптева, Л. П. В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос. Вехи истории. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 1997. – С. 118–129.

35. Македония: проблемы истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – 372 с.

36. Медоваров, М. В., Снежницкая, С. И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В. И. Ламанского в нем (1887–1897) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2019, – № 5. – С. 38–47.

37. Медоваров, М. В. О редакционной политике журнала «Русское обозрение» (по материалам базы данных содержания журнала) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 44–54.

38. Миллер, А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение., 2001. – № 52. – С. 75–96.

39. Нелаева, Г. А., Семенов А. В. Балканский треугольник: Сербия между Европейским союзом и Россией в 2000-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2015. – № 3. – С. 40–62.

40. Никифоров, К. В. Парламентаризм в Сербии в XX веке / К. В. Никифоров // Славяноведение. – 2004. – № 3. – С. 8–20.

41. Никифоров, К. В. Россия и славянская идея в XX веке // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: сб. ст. / отв. ред. Р. П. Гришина. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 9–18.

42. Новиков, Д. Е. Русские либералы о славянском национальном движении в Восточной Европе и на Балканах (1906–1914 гг.) // Славянский альманах. 2001. – М., 2001. – С. 182–196.

43. Нюркаева, А. З. Сербия накануне Первой мировой войны. // Вестник Пермского университета. Серия: История – 2003. – № 4. – С. 30–32.

44. Одесский, М. П. Автобиографическая публицистика М. А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. Серия «История. Философия. Культурология. Востоковедение». Раздел: История. Исторические науки. – 2012. – № 13 (93). – С. 153–170.

45. Павленко, О. В. Панславизм. // Славяноведение. – 1998. – № 6. – С. 43–60.

46. Павленко, О. В. Панславизм в оценках чехословацкой историографии эпохи Холодной войны // Новый исторический вестник № 4 (58). С. 136–147.

47. Павленко, О. В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. № 5. 2016. С. 3–15.

48. Писарев, Ю. А. Мальков, В. Л. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / сборник статей. – М.: Наука, 1994. – 304 с.

49. Поповски, В. Историко-политическое и правовое значение Берлинского договора 1878 г. для Македонии Балканах // Новая и Новейшая история. – М., Печатный орган Института всеобщей истории РАН. – 1997. – № 5. – С. 35–41.

50. Романенко, С. А. Национальный вопрос и проблемы модернизации в концепциях югославянских социал-демократов Австро-Венгрии // Вестник

РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 9 (89). – С. 178–195.

51. Ромашов, Ю. В. Кризис идеи славянского единства в конце XIX – начале XX в. в российском обществе // Власть, 2013. – № 3. – С. 164–166.

52. Саприкина, О. В. Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 10 (43). – С. 131–142.

53. Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – 556 с.

54. Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 320 с.

55. Струнина, Н. Г. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. – № 5-1. – С. 36–42.

56. Телин, К. О., Филимонов, К. Г. Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение, 2020, – т. 19. – № 1. – С. 35–73.

57. Тортика, М. В. Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология – № 1 (144). – 2013. – С. 63–70.

58. Тюкачев, Н. А. Либеральная историография революционного народничества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 3. – С. 254–257.

59. Фатеев, В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: – Антология. СПб., 2006. – С. 7–54.

60. Хазина, А. В., Софронова, Л. В. Антиномия «свой-чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии. // Вестник российского общества интеллектуальной истории. – 2010. – С. 132-133.

61. Цыганков, П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. – С. 25-27.

62. Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетейя. – 2009. – 336 с.

63. Чуркина, И. В. Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах. – М., 2008. – С. 5–17.

64. Шевченко, К. В. Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе // Новейшая истории России. СПбГУ. 2014. – № 4. – С. 29–43.

65. Шемякин, А. Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского // Славянский альманах. – М., 2004. – С. 72–93.

66. Шемякин, А. Л. Характер Сербской народной радикальной партии по письмам Николы Пашича / А. Л. Шемякин // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 195–204.

67. Юдин, Н. В. Война далекая и близкая: представления о военной угрозе в странах Антанты накануне Первой мировой войны (1913 – июнь 1914 гг.) / Н. В. Юдин // Исторические исследования. М., 2014. – № 1. – С. 143–165.

68. Boeckh, K. The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912-13 // The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory / eds K.Boeckh, S.Rutar. Regensburg, 2017. – P. 105–137.

69. Србија и руска револуција 1917. : нове теме и изазови: тематски зборник радова / [главни и одговорни уредник др Алексеј J. Тимофејев; превод са руског Милана Живановић]. – Белград: Институт за новију историју Србије;

Москва: Институт славяноведения российской академии наук, 2017 (Београд : Čigoja štampa). – 428 с.

70. Русска политика на Балкану: зборник радова / уредник јелица Курјак. – Београд: Институт за Међународну политику и привреду, 1999. – 233 с.

71. Léger, L. Recueil d'articles en l'honneur de V.-J. Lamansky à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts scientifiques // Journal des savants. 1909. – № 4. – P. 187–188.

72. Tajfel, H. Instrumentality, identity and social comparisons // H. Tajfel (ed.). Social identity and intergroup relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1982. – P. 483–507.

73. Çaha, O., Karaman M.L. Civil Society in the Ottoman Empire // Journal of Economic and Social Research. 2004. – 8(2). – P. 53–81.

В) Авторефераты диссертаций

1. Абидулин, А. М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II: 1876–1909 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саратов. – 2009. – 27 с.

2. Агансон, О. И. Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса балканской подсистемы международных отношений (1903–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук / Агансон, О. И. – М., 2011. – 309 с.

3. Винокур, А. В. От конфронтации к согласованному курсу. Политика Великобритании и России в Иране: 1900–1914: автореф. дис. ...канд. ист. наук / Винокур, А. В.. – СПб., 2004. – 168 с.

4. Дудин, П. Н. Становление государственности Монголии: первая половина XX в.: автореф. дис. канд. полит. наук / Дудин, П. Н.: Бурят. гос. Ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – 170 с.

5. Максакова, М. А. Тенденции развития экономического сотрудничества России и стран Западных Балкан: дис. канд. экон. наук / М. А. Максакова; Московский государственный институт международных

отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М., 2015. – 257 с

6. Рокина, Г. В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань. – 2005. – 45 с.

7. Саприкина, О. В. Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – М., 2004. – 294 с.

8. Фадеева, И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм-панисламизм) XIX – начало XX в.: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.03 / АН СССР. Ин-т востоковедения. – Москва, 1989. – 29 с.

Г) Учебники и учебные пособия

1. Гроот, С.Р. Термодинамика необратимых процессов. Изд.: М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы. – 1956. – 281 с.

2. Каплан, М. Система и процесс в международной политике. // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 220–235.

3. Мировая политика и международные отношения/ Под. ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова – СПб.: Питер, 2007. – 448 с.

Д) Рецензии

1. [Рецензия] [Текст] / М. В. Белов // Славяноведение. 2009. – № 1. – С. 107–111. – Рец. на кн.: Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., заключ. А. Л. Шемякина; коммент. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. – СПб.: Алетейя, 2006. – 685 с.

2. Сербия, которую они потеряли [Рецензия] [Текст] / П. П. Александров-Деркаченко // Современная Европа. 2016. – № 3 – С. 155–159. –

Рец. на кн.: Старая Сербия. Драма европейской цивилизации. – М., Фонд исторической перспективы; Издательство «Вече», 2015. – 480 с.

Е) Энциклопедии и словари

1. Буфер // М. : Советская энциклопедия, 1971. – С. 471. – (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969–1978, т. 4).

2. Буферное государство // Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко, 1999. [Электронный ресурс] // URL:http://www.slovarnik.ru. (Дата обращения: 05 сентября 2020).

3. Инженерные шедевры России // И. Я. Орлов, В. В Якимец, М. В. Козлов, А. И. Евдокимов. – Казань: «Кварц», 2008. – 224 с.

4. Мурзаев, Э. М. – Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с., ил.

5. Новейший политологический словарь/ авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 2–3.

6. Buff // Etymology dictionary [Электронный ресурс] // URL:http://www.etymonline.com (Дата обращения: 07 сентября 2020).

7. Buffer // Webster's Revised Unabridged Dictionary (G & C. Merriam Co., 1913, edited by Noah Porter) [Электронный ресурс] // URL:http://www.lexicon.x10host.com (Дата обращения: 05 сентября 2020).

8. Montenegro // CIA – The World Factbook – Country Comparison: National product [Электронный ресурс: URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/mj.html] (Дата обращения: 12 октября 2020).

Ж) Материалы конференций

1. Россия – Польша: проблемы взаимного восприятия: Материалы научной конференции (23–24 сентября 2011 год, МГУ имени М. В. Ломоносова) / Под ред. А. Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 192 с.